С. В. Узин — Загадки материков и океанов

С. В. Узин

ЗАГАДКИ МАТЕРИКОВ И ОКЕАНОВ

Детгиз — 1958

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

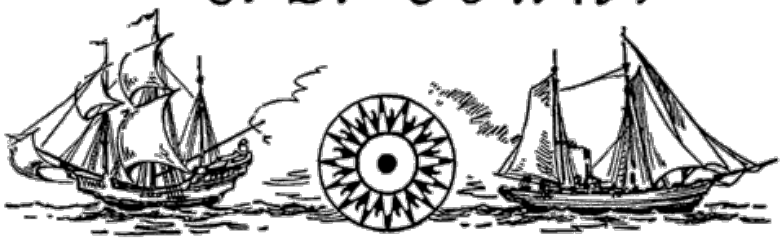
Кажется, что уже все острова, материки и океаны давно открыты и исследованы, но это совсем не так. Где-то глубоко в недрах Земли или в глубинах океана есть еще много любопытного, скрытого от посторонних глаз. Открыв книгу, перелистывая страницу за страницей, можно ощутить себя капитаном дальнего увлекательного плавания. Может, следующий открытый материк будет именно вашим?

- Семен Владимирович Узин
  -
  - Введение
  - Остров, поглощенный океаном
  - Неразгаданная загадка
  - Земли, открытые за письменным столом
  - Плавающие острова
  - Неведомая Южная Земля
  - Исчезнувший материк
  - История одного пролива
  - Остров или полуостров
  - Куда течет Черное море
  - Кочующее озеро
  - Умершая река
  - Мертвый город у мертвой реки
  - Загадки великих африканских рек
  -
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10

Семен Владимирович Узин

Загадки материков и океанов

С. В. Узин



ЗАГАДКИ МАТЕРИКОВ И ОКЕАНОВ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР
Москва 1958

Рисунки и оформление Ю. Г. Макарова

Карты А. Е. Салитана

Введение

Каждый школьник знает, что Земля — шар, что частей света шесть, а омываются они четырьмя океанами. Нет места на Земле, куда бы не проник человек; нет точки, не нанесенной на карту.

Однако было время, когда люди всё представляли себе иначе. Древние индийцы думали, что Земля — это выпуклое тело, которое покоится на четырех слонах, а слоны стоят на огромной черепахе. А древние египтяне изображали мир так: внизу Земля, над ней изогнулась богиня неба, а по сторонам скользят корабли, перевозящие Солнце.

Народы еще мало знали друг друга, а их познания в географии ограничивались ближайшими землями и морями.

О существовании многих материков и океанов люди даже и не подозревали. И это неудивительно: на маленьких лодках далеко не уплывешь, а парусных судов еще не было.

Но люди всегда были любознательны. Неизведанные дали манили их. Казалось, что где-то непременно должны существовать страны, богатые золотом и драгоценными камнями, плодородной почвой, приносящей обильные урожаи; реками и озерами, полными рыбы; лесами, в которых много дичи. Наверное там, в этих странах, счастливая и богатая жизнь.

Финикийские купцы отваживались совершать дальние плавания за пределы Средиземного моря.

Когда начала развиваться торговля и купцы со своими товарами стали уплывать все дальше и дальше от родной земли, появились рассказы о неведомых чудесных краях.

Купцы приукрашивали свои рассказы самыми фантастическими подробностями. Так создавались легенды и предания, многие века бытующие в народе.

До наших дней, например, дошло предание о сказочной стране Офир, откуда библейский царь Соломон вывозил несметные богатства: золото и драгоценные камни. Рассказывали, что Соломон владел бесчисленными сокровищами и окружал себя неслыханной роскошью.

Однако где находилась страна Офир, никто не знал. Одни считали, что, судя по описаниям, она где-то далеко на юге, на отдаленных островах Тихого океана. Другие утверждали, что страна Офир в Восточной Африке, неподалеку от границы Судана с Эфиопией.

Но никто не нашел этой сказочной страны и не доказал, что она существует.

Немало бродило по свету преданий и о так называемых «счастливых островах», расположенных будто бы в Атлантическом океане. В средние века существовала легенда «о земле пресвитера

Иоанна». Рассказывали, что пресвитер (по-гречески «священник») Иоанн вместе со своими единомышленниками покинул Иерусалим, отправился в далекое странствие и где-то в Азии основал христианское государство. Очень долго пытались разыскать царство «пресвитера Иоанна». Его искали и на Кавказе, и в Средней Азии, и в Китае.

Все было напрасно.

Только португальцы, заплывавшие далеко на юг вдоль африканского побережья, слышали от местных жителей рассказы о каком-то могущественном христианском государстве, расположенном будто бы на востоке Африки.

Но это царство, как и страна Офир и таинственные «счастливые острова» Атлантического океана, так никогда и не было найдено.

Проходили столетия, накапливались знания, люди начали понимать неправдоподобность многих старых легенд и преданий. Появлялись отважные путешественники, далеко заплывавшие на своих кораблях в поисках нового, неизведанного.

Нередко в путешествие отправлялись и искатели легкой наживы. В их разгоряченном воображении слухи о богатых землях обрастали невероятными подробностями, переплетались с самыми фантастическими историями. На смену старым легендам и преданиям стали приходить новые, и трудно было понять, где кончается правда и начинается вымысел.

Например, вскоре после открытия Америки Христофором Колумбом возникла легенда о счастливой золотой стране Эльдорадо.

В XVI столетии испанцы начали завоевывать Южную Америку. В поисках золота и других драгоценностей, они продвигались все дальше в глубь материка, мечтая найти сказочно богатую страну, где, по рассказам индейцев, дороги вымощены золотыми слитками, а дно озер усеяно золотым песком и изумрудами. Называлась эта страна Эльдорадо, что значит по-испански «позолоченный человек».

В поисках золота и драгоценностей испанские завоеватели продвигались всё дальше в глубь Южной Америки.

Отряды завоевателей и в самом деле вскоре добрались до страны, где нашли золотые россыпи. Сейчас эта страна называется Колумбией. Правда, золота там оказалось совсем не так много, как обещали рассказы об Эльдорадо, и дороги были самые обычные, а не золотые. Но по некоторым обрядам и обычаям местных жителей стало понятно, откуда появились

фантастические слухи о таком сказочном богатстве.

Индейцы, населявшие те края, поклонялись двум божествам: солнцу и воде. Религиозные обряды, связанные с жертвоприношениями этим божествам, совершались обычно на озерах.

Особенно торжественно происходило избрание нового верховного жреца, который становился также верховным вождем племени. На одно из священных озер являлась процессия. Во главе ее шествовали жрецы, сопровождая нового верховного вождя и жреца, который должен был принять здесь посвящение.

Он всходил на большой плот, нагруженный всевозможными приношениями из золота и драгоценных камней. С будущего верховного жреца и вождя снимали одежды, обмазывали его липкой землей и сверху посыпали золотым песком. После этого он выплывал на плоту на середину озера и совершал жертвоприношение. Он отдавал божеству воды дары Солнца — золото и драгоценные камни, кидая их в пучину озера.

Посвящение верховного жреца и вождя Эльдорадо сопровождалось жертвоприношениями.

Отсюда возникли рассказы об озерах, дно которых усеяно золотом и изумрудами, отсюда и страна получила свое название.

Так складывались легенды.

Порой путешественники ошибались, определяя географическое положение той или иной земли. Получалось, что вновь открытая земля оказывалась на карте не в тех широтах, где

должна была бы находиться. А иные мореплаватели просто обманывали своих соотечественников, рассказывая об открытиях, которых в действительности не совершали. Для большей убедительности они подчас даже наносили на карты несуществующие земли, острова и проливы. Так, испанский мореплаватель Хуан де Фука и мексиканский адмирал Бартоломео де Фонте утверждали, что во время плавания на Тихом океане они будто бы обнаружили севернее полуострова Калифорния большой залив, далеко уходящий на восток. При этом они добавляли, что видели множество островов, разбросанных в разных местах этого залива. А де Фонте рассказывал, что он встретил там корабль, плывущий из Бостона. Одного этого достаточно, чтобы усомниться в правдивости мексиканского адмирала. Ведь корабль никак не мог проплыть из Бостона, расположенного на восточном побережье Северной Америки, прямо на запад, в Тихий океан. Для этого нужно было бы плыть по суше через весь Североамериканский материк. Да и вообще неизвестно, был ли в действительности де Фонте в Тихом океане. Многие исследователи считают, что рассказ о неизвестном заливе — выдумка какого-то англичанина. Даже назывались имена известных английских писателей Даниэля Дефо, автора «Робинзона Крузо», и Джонатана Свифта, написавшего знаменитое «Путешествие Гулливера». Однако точно никто не мог ничего сказать.

Да, немало географических легенд о таинственных островах, землях и материках жило в древности и в средние века. Некоторые из них впоследствии оказались правдой, другие так и остались легендами.

Но поиски заманчивых и богатых земель ускорили открытие многочисленных островов Океании, Австралийского материка, внутренних обширных областей Северной и Южной Америки.

Шло время. Множество кораблей избороздило вдоль и поперек поверхность Тихого, Атлантического и Индийского океанов. Путешественники тщательно исследовали поверхность всех обитаемых материков — Африки и Европы, Азии, Америки и Австралии. Только бассейн Северного Ледовитого океана и покрытый ледяным панцирем материк Антарктида долго оставались загадочными.

В наши дни, казалось бы, географическим загадкам пришел конец: все материки открыты, все океаны исследованы. Но это не так. Пытливый человеческий ум, изучив поверхность земного шара, теперь стремится проникнуть в недра земли, заглянуть в морские глубины. Здесь тоже, оказывается, множество удивительных явлений. Возникают другие географические

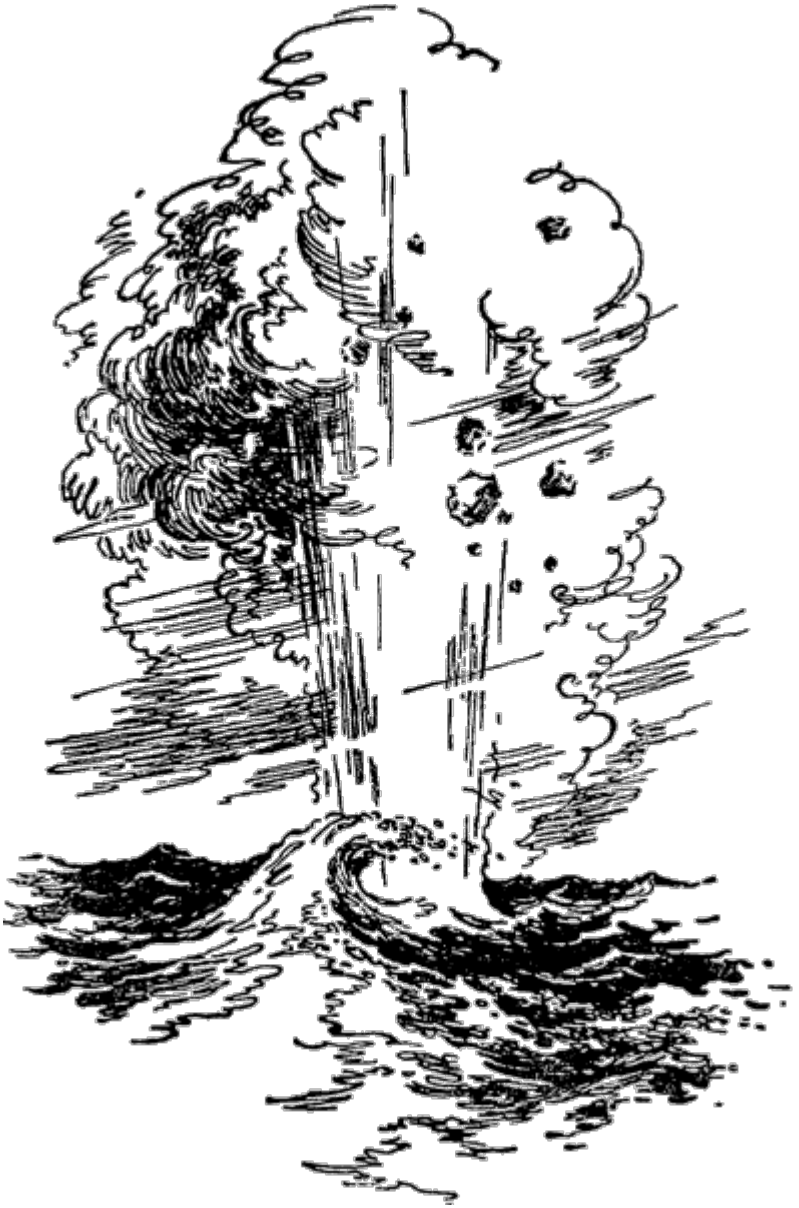
загадки, не менее интересные, чем открытие новых земель.

И действительно, разве не интересно исследовать огромные пространства Атлантического океана! Между тремя течениями — Гольфстримом, Северным экваториальным и Канарским — находится Саргассово море. Оно так названо потому, что его огромная поверхность покрыта скоплениями плавающих водорослей — саргассов. Но почему их здесь так много? Откуда они появились?

А разве не удивительно такое явление, как продолжение реки Амазонки в открытом океане! Ведь на расстоянии сотни километров от берегов можно зачерпнуть пресную воду!

А «пороро́ка» на Амазонке, когда приливная волна входит в устье реки и поднимается вверх, против течения, почти на 900 километров! Она идет отвесной стеной, достигая вначале высоты 5 метров и страшно шумит. Это грозное и величественное зрелище.

Или подводные вулканы, выбрасывающие иногда на поверхность океана куски вулканического стекла и клубы дыма!



Подводные вулканы нередко нарушают покой Тихого океана, выбрасывая на поверхность клубы дыма и куски вулканического стекла.

Или гейзеры — это своеобразное проявление вулканической деятельности, природные фонтаны горячей воды!

А подземные реки, которые то текут по поверхности земли, то исчезают в ее недрах! Они пробивают себе дорогу в известковых породах, образуя при этом причудливые подземные сооружения:

лабиринты, пещеры, дворцы.

Много любопытнейших явлений можно наблюдать как на поверхности земли, так и внутри ее. Исследовать, понять и изучить эти явления — важная задача науки будущего.

Многие географические загадки разрешены только недавно. О самых интересных из них будет рассказано в этой книге. А некоторые не решены до сих пор, и ученые продолжают думать над ними.

Остров, поглощенный океаном

К северо-востоку от Таймырского полуострова, там, где море Лаптевых смыкается с Восточно-Сибирским морем, расположены острова: Котельный, Фаддеевский и Новая Сибирь.

Вместе с Большим и Малым Ляховскими островами, лежащими южнее, они составляют Новосибирский архипелаг.

Вести о Новосибирских островах стали появляться в середине XVII века. Однако только в 1770 году якутский купец Ляхов посетил их впервые. Вслед за ним и другие промышленники — так назывались люди, занимавшиеся охотничьим промыслом, — не раз добирались сначала до Ляховских, а потом и до Новосибирских островов. Их привлекало туда обилие песца, мех которого можно было выгодно продать.

Кроме того, промышленники находили там трупы мамонтов. Эти гигантские животные существовали еще в ледниковый период, когда только-только появился на Земле человек.

Трупы мамонтов пролежали в слое вечной мерзлоты, как в огромном холодильнике, многие тысячелетия почти не разлагаясь.

На Новосибирских островах промышленники находили хорошо сохранившиеся трупы мамонтов.

Но мамонтово мясо, хотя оно неплохо сохранилось, мало интересовало промышленников. Гораздо большую ценность для них имели гигантские бивни, не уступавшие по качеству слоновой кости.

Возвращаясь на материк, промышленники много рассказывали о Новосибирском архипелаге. В 1808 году туда

направилась специальная экспедиция, чтобы изучить и описать острова.

Экспедиция состояла всего из трех человек: руководителя Геденштрома, землемера Кожевина и промышленника Якова Санникова.

За два года (1809 и 1810) исследователи несколько раз побывали на Новосибирских островах, определили очертания их береговой линии, описали природные особенности.

Экспедиция уже подходила к концу, когда Яков Санников неожиданно сделал необычное открытие. Исследуя остров Новая Сибирь, он пересек его с юга на север. Очутившись на побережье, промышленник неожиданно увидел на горизонте, примерно на расстоянии 50 километров, очертания какой-то гористой земли. Он попытался добраться до нее по льду. Однако на пути встретились большие разводья — перебраться через них было немыслимо. Огорченный неудачей, Яков Санников вернулся на остров.

Вдали Санников увидел смутные очертания земли.

Через некоторое время на Новую Сибирь прибыл Геденштром. С интересом выслушав рассказ Санникова, он немедленно отправился на северный берег острова и тоже усмотрел на северо-востоке темное пятно, очень напоминающее землю. Он, как и Санников, попробовал пройти по льду к замеченной им «синеве», но, когда впереди уже начали вырисовываться в тумане неясные контуры земли, путь ему преградила огромная полынья.

Геденштрому тоже пришлось вернуться ни с чем.

Почти весь следующий, 1811 год Санников потратил на то, чтобы обойти побережье островов Котельный и Фаддеевский. Мысль о вновь открытой земле не покидала его. И вот однажды, находясь на северном берегу острова Котельный, Яков Санников вновь увидел в отдалении землю. Геденштром в своем описании путешествия говорит: «На северо-запад, в примерном расстоянии 70 верст, видны высокие каменные горы». На карте Новосибирских островов Геденштром к северу от острова Новая Сибирь и к северо-западу от острова Котельный изобразил контуры обеих земель, обнаруженных Санниковым.

Так на географической карте впервые появились очертания таинственных земель Санникова.

Но прошло целых десять лет, прежде чем адмиралтейский департамент решил проверить это открытие.

Были снаряжены два отряда, чтобы уточнить очертания побережья Восточно-Сибирского моря. Одним из отрядов командовал лейтенант П. Ф. Анжу. Ему было поручено описать побережье между реками Яной и Индигиркой, произвести геодезическую съемку Новосибирских островов, а также попробовать добраться до земель Санникова и описать их.

В марте 1821 года Анжу со своими спутниками переправился на собаках по льду на остров Котельный. Достигнув его северного побережья, он продолжал путь снова по льду уже на северо-запад — туда, где десять лет назад Яков Санников увидел землю.

Анжу удалось пройти около 70 километров. Погода стояла ясная, видимость была хорошая, но никакой земли он не увидел. Однако Анжу не терял надежды. Он твердо решил узнать правду о таинственных землях. Закончив съемку острова Котельный, он со своим отрядом перебрался на Фаддеевский остров. Снова и снова отважный путешественник пытался пройти по льду как можно дальше на север. Но каждый раз на пути попадалась полынья или лед был слишком тонок — приходилось поворачивать обратно.

В 1822 году Анжу вторично посетил остров Фаддеевский. Когда он осматривал горизонт с северо-западного мыса, ему вдруг показалось, что он видит синеву, совершенно подобную отдаленной земле.

Анжу немедленно отправился в этом направлении, но, пройдя около 20 километров, убедился в своей ошибке. То, что он принял за землю, оказалось лишь причудливым нагромождением торосов.

Земли не было, в этом не оставалось сомнений. Но вот что Анжу показалось странным: в направлении синевы, принятой им за остров, уходили следы диких оленей.

Куда вели эти следы? Для чего животные направлялись во льды? Неужели они рассчитывали найти там пищу и твердую почву? Об этом следовало подумать.

Но в то время никто не занялся этим вопросом. Экспедиция Анжу благополучно завершилась, и Земля Санникова оказалась забытой надолго. О ней никто не вспоминал почти 60 лет. В печатных трудах о Северном Ледовитом океане, вышедших за эти годы, о Земле Санникова ничего не говорилось.

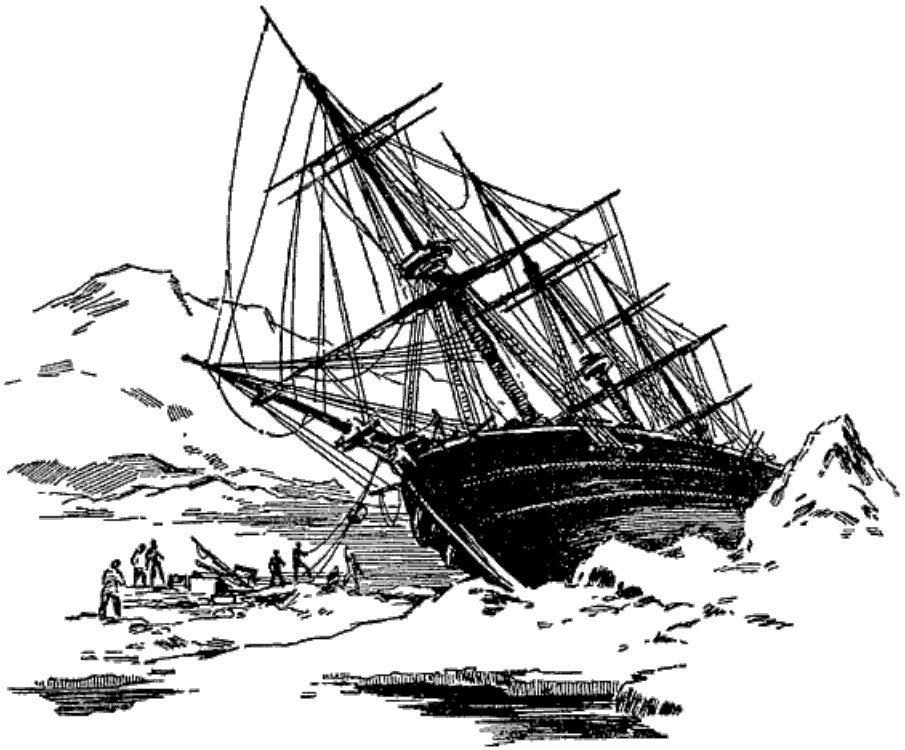
Сложилось мнение, что и Санников и Геденштром оказались попросту жертвами оптического обмана, обычного в высоких полярных широтах.

Но одно событие возродило интерес к этой всеми забытой земле.

В 1880 году судно американской экспедиции «Жаннетта» отправилось в плавание, чтобы достигнуть Северного полюса. Командовал судном лейтенант де Лонг. Путешествие оказалось неудачным: к северо-востоку от острова Врангеля «Жаннетта» вмерзла во льды. Дальше она дрейфовала вместе с ледяными полями на северо-запад. К маю следующего, 1881 года судно очутилось в Восточно-Сибирском море, северо-восточнее Новосибирских островов.

Измученные люди много месяцев видели вокруг себя сплошные льды. Судя по карте, никакой земли не предвиделось. Надежда увидеть сушу становилась все призрачнее. И вдруг, когда путешественники меньше всего этого ожидали, показался остров, не обозначенный ни на одной карте. «Земля! Оказывается, что здесь, кроме льда, есть и нечто иное», — записал в своем путевом дневнике де Лонг. Остров назвали Землей Жаннетты в честь судна, которое тем временем продолжало дрейфовать. Через несколько дней на горизонте показались очертания еще одного небольшого острова. Назвали его островом Генриэтты.

Прошло еще несколько дней. Льды все теснее сжимались вокруг судна, все крепче давили на его корпус. Наконец «Жаннетта» не выдержала мощного напора льдов: судно было раздавлено. Участники экспедиции высадились на лед и двинулись к Новосибирским островам. Много бедствий и лишений испытали они, прежде чем достигли материка. Однако им удалось сделать еще одно открытие. Они обнаружили третий остров, тоже не обозначенный на карте, определили его координаты и присвоили ему имя Беннетта.



Экипаж «Жаннетты» покидал корабль, попавший в смертельные тиски льдов.

И тут заволновались русские ученые. Координаты острова Беннетта были очень близки к тем координатам, которые указал «на глазок» Яков Санников, увидев с северного побережья острова Новая Сибирь неясные очертания гористой земли. Только Санников определил расстояние от острова Новая Сибирь до своей земли в 50 километров, а остров Беннетта находился значительно дальше.

Но Санников мог ошибиться. Ведь на севере в хорошую, ясную погоду видно очень далеко. Например, люди, живущие возле устья Индигирки, не раз видели горы острова Новая Сибирь. А ведь он удален от материка более чем на 300 километров.

Значит, не де Лонг, а Яков Санников первый открыл остров Беннетта. В этом не оставалось сомнений. Но тогда напрашивалась и другая мысль: если подтвердилось существование одной из земель Санникова, то возможно, что существует и другая, та, которую он видел к северо-западу от острова Котельный. Вполне вероятно, что она тоже находится гораздо дальше, чем думал Санников. Поэтому-то лейтенант

Анжу, пытаясь еще в 1821 году добраться до Земли Санникова, не обнаружил ее. Ведь он прошел только около 70 километров, точно следуя указаниям промышленника.

Итак, о Земле Санникова снова заговорили, как о существующей. Российская Академия наук решила продолжить исследование Новосибирского архипелага. Для этого была снаряжена большая экспедиция. Одним из руководителей ее был геолог Э. Толль.

Ранней весной 1886 года, когда лед еще был достаточно крепок, экспедиция переправилась сначала на Ляховские, а затем на Новосибирские острова.

Толль обосновался на острове Котельный и занялся обширными исследовательскими работами.

Однажды, в спокойный и ясный августовский день, обходя северо-западное побережье острова, он был поражен внезапно открывшейся на горизонте картиной: вдали, на северо-западе, четко вырисовывались очертания гористой земли.

Исследователь не поверил себе: не почудилось ли ему это? Он несколько раз протер глаза, но видение не исчезало. Без сомнения, перед ним была земля, самая настоящая земля!

Толль записал в своем дневнике:

«Горизонт совершенно ясный. Вскоре после того, как мы снялись с устья реки Могур-урях, мы в направлении на… 14–18° ясно увидели контуры четырех гор, которые на востоке соединялись с низменной землей. Таким образом, сообщение Санникова подтвердилось полностью. Мы вправе, следовательно, нанести в соответствующем месте на карту пунктирную линию и надписать над ней: Земля Санникова».

Теперь Толль твердо верил, что Земля Санникова действительно существует. Эту уверенность подкреплял своим свидетельством и его спутник — эвенк Джергели, который тоже не раз видел незнакомую землю с острова Котельный.

Толль понял, что он не успокоится, пока не доберется до Земли Санникова, не ступит на ее почву и не докажет, таким образом, что она действительно существует.

Он вернулся в Петербург и начал энергично добиваться, чтобы правительство снарядило новую специальную экспедицию в Северный Ледовитый океан.

И Толль добился своего: Академия наук согласилась организовать такую экспедицию.

Пока Толль занимался сборами, в Северный Ледовитый океан отправился знаменитый норвежский путешественник Фритьоф Нансен. Его мечтой было достигнуть Северного полюса.

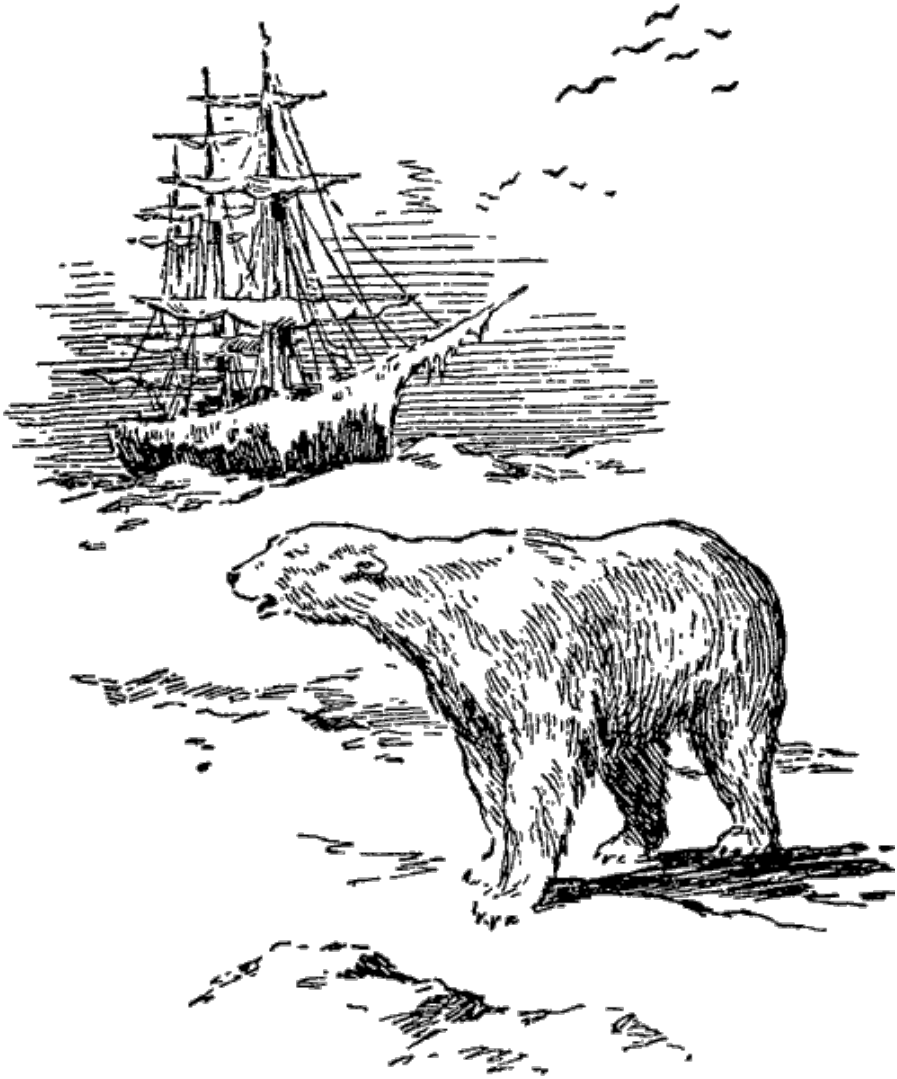
Нансен хотел пройти на корабле вдоль побережья Северного

Ледовитого океана до Новосибирских островов.

Он предполагал, что, очутившись несколько севернее этого архипелага, его судно вмерзнет во льды и будет вместе с ними дрейфовать на север. Может быть, кораблю удастся пересечь центральную часть Северного Ледовитого океана и пройти близко от Северного полюса, а то и через самый полюс.

И вот в сентябре 1893 года судно Нансена «Фрам» оказалось в тех самых местах, где по расчетам Толля должна была находиться Земля Санникова.

Нансен стал внимательно наблюдать за горизонтом. Его тоже занимал вопрос: существует ли эта загадочная земля? Но земли не было, хотя Нансен и его спутники часто видели птиц — гаг, чибисов, куликов, летевших с севера на юг большими стаями. Кроме того, около корабля путешественники не раз замечали маленьких хищных песцов, оставлявших запутанные следы. А одно время к судну чуть ли не ежедневно стали подходить белые медведи.



Частыми гостями в окрестностях «Фрама» были белые медведи.

Если здесь, вдали от суши, встречаются животные, значит, где-то неподалеку есть земля. Да и глубина океана здесь небольшая. Это тоже указывает на близость земли.

Путешественники ждали, что вот-вот увидят ее. Но ожидания оказались напрасными. По-прежнему вокруг было сплошное хаотическое нагромождение торосов и ничего похожего на землю.

Почему же Нансен, пройдя через то место, где по предположению Толля находилась Земля Санникова, не заметил ее? На этот вопрос могло быть два ответа. Или и Санников, и Толль, и Джергели ошибались и никакой Земли Санникова в

природе не существует, или они неверно определили расстояние до этой земли, сильно его сократив.

Однако Толль не допускал и мысли, что Земли Санникова нет. Он решил, что просто ошибся в определении ее координат, тем более, что Нансен, вернувшись из своей экспедиции, так и не достигшей Северного полюса, поддержал Толля. Он заявил на заседании Географического общества в Петербурге, что севернее Новосибирских островов, судя по наблюдениям за состоянием льдов и перелетом птиц, должны находиться какие-то острова.

Воодушевленный поддержкой, Толль решил продолжать поиски таинственной земли несколько севернее тех мест, где ее разыскивал «Фрам».

Летом 1900 года экспедиция Толля отплыла на корабле «Заря» из Петербурга к далеким Новосибирским островам. Больше года понадобилось, чтобы добраться до места поисков. С огромным трудом «Заря» пробивала себе дорогу во льдах. Дошли до 77-й параллели — никаких признаков земли. Севернее продвинуться не удалось: помешали льды и туманы.

Экспедиция повернула к острову Беннетта, предполагая зазимовать. Однако оказалось, что подойти к острову невозможно. Снова путь преградили тяжелые льды. Оставалось одно: идти к Новосибирским островам. Но Толль не хотел уходить побежденным. Прежде чем повернуть к югу, он еще раз попытался пробиться на север. С большими трудностями «Заре» удалось продвинуться немного дальше, чем в предыдущий раз. И снова на многие километры вокруг огромная ледяная пустыня и ничего похожего на землю.

Перезимовав на Новосибирских островах, в июле 1902 года Толль с несколькими спутниками отправился по льду на остров Беннетта. Оттуда он думал продолжить поиски Земли Санникова.

С тех пор ни Толля, ни его спутников никто не видел.

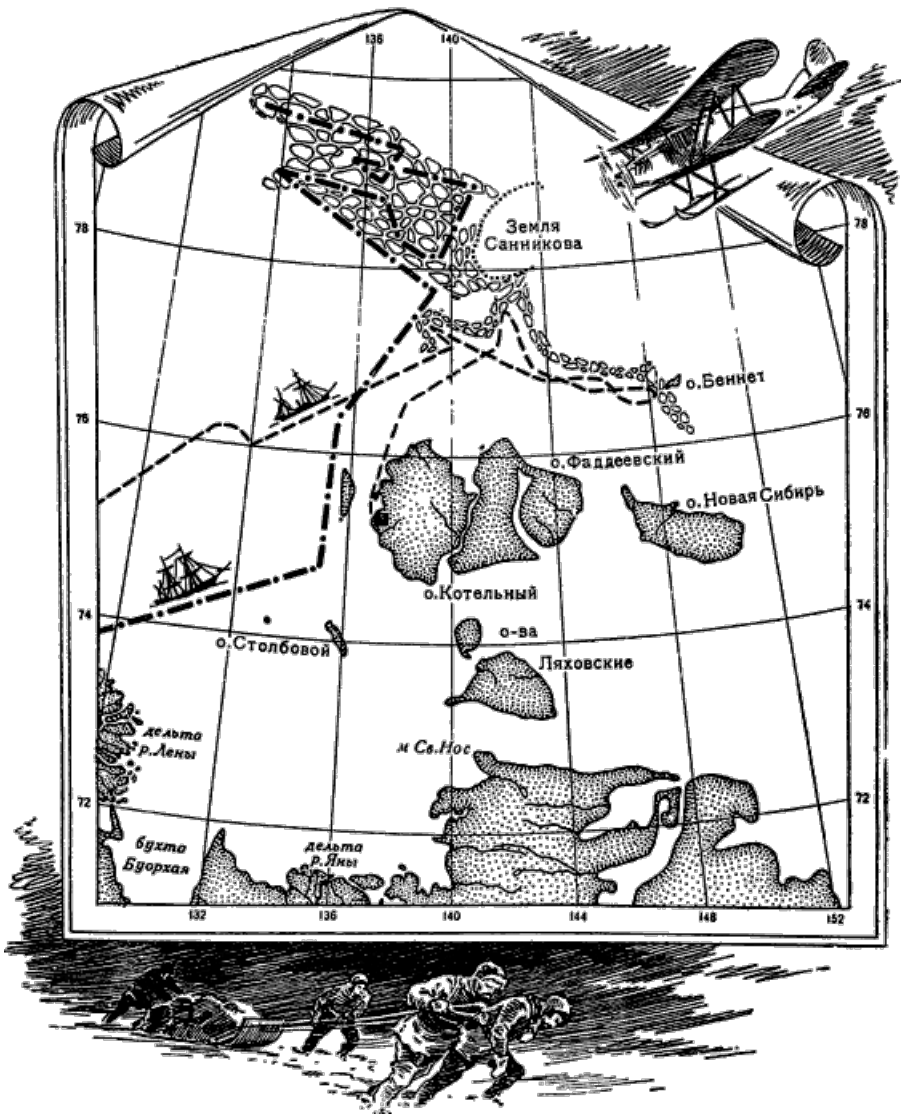
Только через год специально посланная поисковая партия нашла на острове Беннетта записку Толля, где он подробно описывал геологическое строение и небогатый животный мир острова. О Земле Санникова в записке говорилось:

«…Пролетными птицами явились: орел, летевший с S на N, сокол — с N на S и гуси, пролетавшие стаями с N на S. Вследствие туманов, земли, откуда прилетели эти птицы, также не видно было, как и во время прошлой навигации Земли Санникова».

Позднее удалось установить, что Толль и его спутники погибли, пытаясь в ноябре 1902 года совершить опасный переход по льдам с острова Беннетта на Новосибирские острова.

Таким образом, загадка Земли Санникова по-прежнему оставалась нерешенной. После гибели Толля, горячо верившего в

существование этой земли, большинство полярных исследователей снова стали считать, что никакого острова к северо-западу от Новосибирского архипелага нет. В самом деле, если Земля Санникова существует, то почему ни Анжу, ни де Лонг, ни Нансен, ни, наконец, сам Толль не могли найти ее? Они ведь избороздили большие пространства Северного Ледовитого океана около Новосибирских островов. Может быть, и Санников, и Толль, и Джергели видели один и тот же мираж?



Новосибирские острова и предполагаемое местонахождение Земли Санникова.

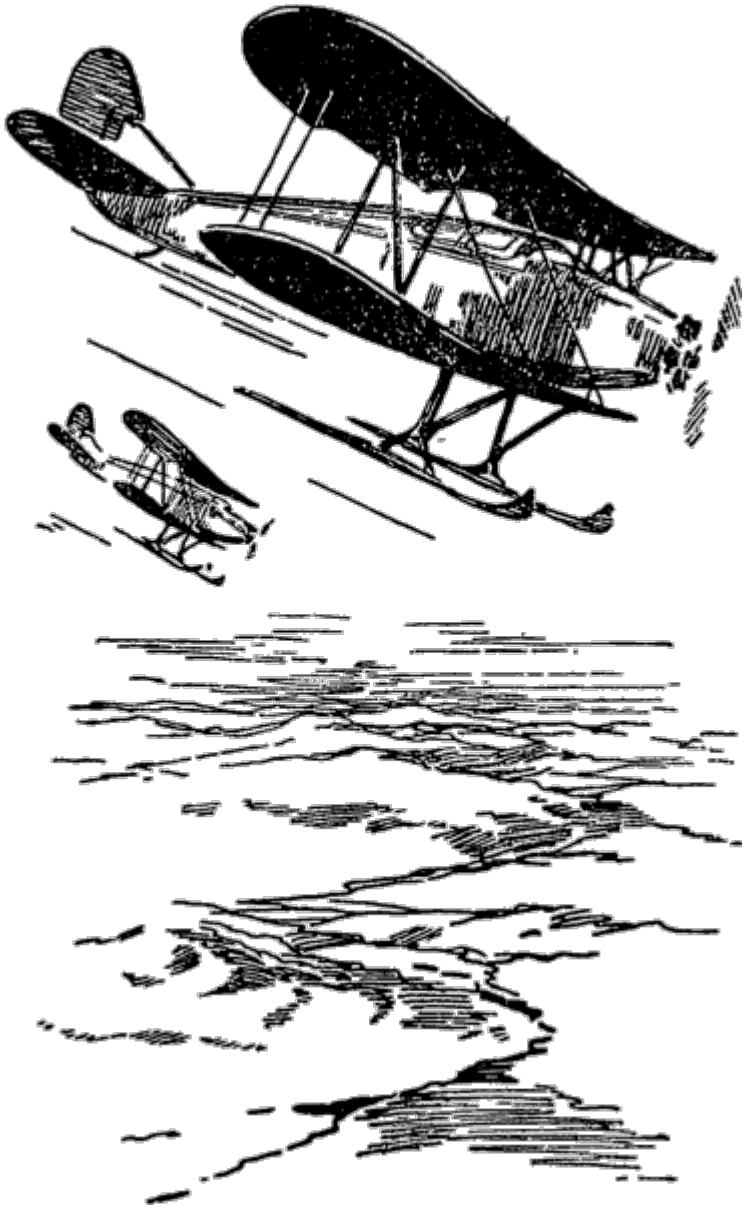
· — · *Курс и дрейф «Фрама»*

Но если эта земля не существует, откуда взялись среди льдов в открытом океане песцы и медведи? А птицы, совершающие перелеты на север и обратно? Куда и откуда они летели? Наконец, почему там были небольшие глубины, обнаруженные Нансеном, а затем и Толлем?

Нет, не может быть, чтобы люди, жившие в разное время, одинаково ошибались. Земля Санникова должна существовать.

В 1913 и 1914 годах суда русской гидрографической экспедиции «Таймыр» и «Вайгач» снова пытались найти эту загадочную землю. Но их поиски были тоже безуспешны. Затем, уже в советское время, крупные ледоколы «Седов» и «Садко» еще раз исследовали море севернее Новосибирских островов. И опять ничего нового не удалось выяснить.

Но советские ученые не могли оставить такой интересный вопрос нерешенным. Выдающийся ученый и путешественник академик Владимир Афанасьевич Обручев не хотел примириться с мыслью, что Земли Санникова нет. Он предложил призвать на помощь авиацию. Там, где льды помешают пройти кораблю, свободно промчится самолет. И в начале 1938 года над местом, где, по Толлю, должна находиться Земля Санникова, несколько раз пролетели самолеты воздушной экспедиции Героя Советского Союза А. Д. Алексеева. Экипажи воздушных кораблей пристально всматривались в расстилавшиеся под ними бескрайные ледяные пространства. Но все их старания были напрасны. До самого горизонта во все стороны уходили ледяные поля, кое-где пересеченные полосками и змейками трещин и разводьев.



Летчики полярной авиации упорно искали Землю Санникова, но не находили ее следов.

В 1944 году Владимир Афанасьевич Обручев вновь настоял на воздушной разведке. Снова к Новосибирским островам были посланы самолеты арктической авиации. И опять ничего нового летчики не сообщили.

Неужели Земля Санникова — арктическая загадка, которую невозможно разрешить? Неужели столько сил и средств

потрачено зря? Может быть, оставить эти бессмысленные поиски, не дающие никаких обнадеживающих результатов?

Но советские ученые попытались найти ответ на этот вопрос.

На Втором Всесоюзном географическом съезде в 1946 году полярный гидролог В. Н. Степанов рассказал об очень любопытных явлениях.

Вместе со своими помощниками он долго изучал район Восточно-Сибирского моря. Оказалось, что и Новосибирские, и Ляховские острова, и даже часть побережья материка, лежащая против этого архипелага, состоят из ископаемого льда. Когда-то, в далеком геологическом прошлом, в ледниковый период, Северная Азия была покрыта огромными толщами льда. Наступил период потепления, лед начал постепенно таять, и наконец от него почти ничего не осталось. Только кое-где сохранились пласты этого льда, потому что они оказались погребенными под песчаными и глинистыми наносами. Кроме того, они находились в зоне вечной мерзлоты, где почва накрепко скована морозом. Так этот ископаемый лед и пролежал нетронутым многие сотни тысячелетий, пока слои земли, скрывавшие его от солнца, не разрушились. Быть может, их размыло море или развеял ветер. Но так или иначе, ископаемый лед постепенно освободился из заточения, и воды Северного Ледовитого океана стали его довольно быстро разрушать.

Так исчезали буквально на глазах у людей два острова, состоящие из ископаемого льда: Васильевский и Семеновский.

Первый, расположенный к западу от острова Котельный, сейчас уже не существует. К 1936 году он был полностью размыт и навеки исчез в океане, оставив вместо себя лишь небольшое мелководье.

Второй, Семеновский остров, тоже обречен: каждый год океан отнимает у него один квадратный километр. Нет сомнения, что через несколько лет он, как и остров Васильевский, навсегда скроется в пучине океана.

Советские исследователи решили, что с Землей Санникова могло произойти то же самое.

Это подтверждалось, во-первых, небольшими глубинами тех мест, где, как предполагали, находится Земля Санникова; во-вторых, такими же песчаными отложениями на севере от острова Котельный, какие остались на месте острова Васильевский.

Можно, конечно, предположить, что отложения попали сюда с Новосибирских островов, тоже состоящих почти целиком из ископаемого льда. Но эти отложения слишком удалены от островов, и воды океана не могут занести их так далеко.

Скорее всего, песчаные отложения появились потому, что

здесь была какая-то суша, тоже состоявшая из ископаемого льда. И размывание происходило, очевидно, куда быстрее, чем у Новосибирских островов, так как ему помогало теплое течение, проникающее из моря Лаптевых. Кроме того, тщательно изучив песчаные отложения, исследователи нигде не обнаружили ила. А это значит, что суша окончательно разрушилась сравнительно недавно.

Вот и получается, что и Санников, и Толль, и Джергели не ошибались. Очевидно, в то время, когда они находились на Новосибирских островах, какие-то участки Земли Санникова еще поднимались над поверхностью океана. Эту землю и посещали животные и птицы. Корабли же не могли достигнуть ее, так как льды мешали им двигаться на север. А к тому времени, когда к Новосибирским островам была впервые послана воздушная разведка, океан уже завершил свою разрушительную работу, и Земля Санникова навеки скрылась под водой.

Неразгаданная загадка

На Втором Всесоюзном географическом съезде полярный исследователь В. Н. Степанов сообщил новое еще об одной таинственной земле — Земле Андреева.

Первый раз об этой земле услышали в начале XVIII века. Это было время, когда отважные русские землепроходцы исследовали необозримые пространства Северной Азии. По бурным рекам и сквозь угрюмую тайгу, по коварным волнам Студеного моря, как называли тогда Северный Ледовитый океан, и через горные хребты Сибири пробирались смелые путешественники всё дальше и дальше к восточным и северным окраинам России. Одни из них достигали устьев сибирских рек Лены, Яны, Индигирки, Колымы, другие дошли до тихоокеанских берегов, третьи — к Чукотскому и Камчатскому полуостровам.

Изредка на их пути попадались кочевья охотников и оленеводов — якутов, чукчей, юкагиров и других северных народностей. Впервые эти края слышали русскую речь.

Местные жители часто рассказывали легенды о богатых островах, лежащих в Студеном море. Эти легенды иногда подтверждались. Так, например, землепроходцу Михаилу Стадухину в 1645 году говорили об островах, расположенных против устьев рек Яны и Колымы. Спустя некоторое время здесь

действительно были открыты Большой Ляховский остров и Медвежьи острова. В то время думали, что эти острова и земли очень велики, населены народом, родственным чукчам, и богаты пушным зверем.

Предполагали, что все эти земли не что иное, как продолжение Американского материка. Добраться до них было очень заманчиво.

Летом по морю на лодках, а ранней весной или осенью — по льду пешком или на собаках пускались в путь смельчаки-землепроходцы для «проведывания», как тогда говорили, Медвежьих островов. Походы не всегда кончались удачно: часто льды и туманы заставляли поворачивать назад.

Первым благополучно достиг Медвежьих островов промышленник Иван Вилегин. Это было в ноябре 1720 года. Но «за беспрерывными ветрами и туманом, — как писал он, — не могли ехать вдаль, почему и не знают, твердая ли то была земля или остров и есть ли на нем жители и растет ли лес. Видели старые юрты и места прежде бывших юрт, но не могли узнать, какому народу они принадлежат».

Вслед за Вилегиным Федот Амосов пытался добраться до Медвежьих островов. Во второй раз это ему удалось, но нового он ничего не сообщил.

Однако слухи о Большой Земле были упорны. Она была даже нанесена на некоторые карты. Надписи на картах объясняли: «Большая Земля открыта в 1723 году шелагским князем. На этой земле много жителей, множество соболей, лисиц, бобров, куниц и леса».

Кто такой шелагский князь, никто не знал, но богатства загадочной Большой Земли разжигали любопытство беспокойных исследователей.

В 1764 году начальник Охотского и Камчатского краев подполковник Плениснер послал два отряда «проведать» неизвестные острова, определить положение Большой Земли.

Один отряд под командой казака Николая Дауркина отправился на Чукотский полуостров. Другой, под начальством сержанта Степана Андреева, должен был двинуться к Медвежьим островам.

В один из погожих мартовских дней Андреев покинул Нижнеколымск. Поход был удачным, и в апреле Андреев уже перебрался на собаках по льду на ближний из Медвежьих островов. Здесь он обнаружил следы жилищ.

Андреев посетил все пять островов и составил их описание. На последнем, пятом острове, как он написал в своем отчете, «всходили наверх горы и смотрели на все стороны… влево, в

восточной стороне, едва чуть видеть, синь синеет, или назвать какая чернь: что такое, земля или море, о том в подлиннике обстоятельно донести не умею».

Андреев и его спутники уверенно продвигались по ледяному пути.

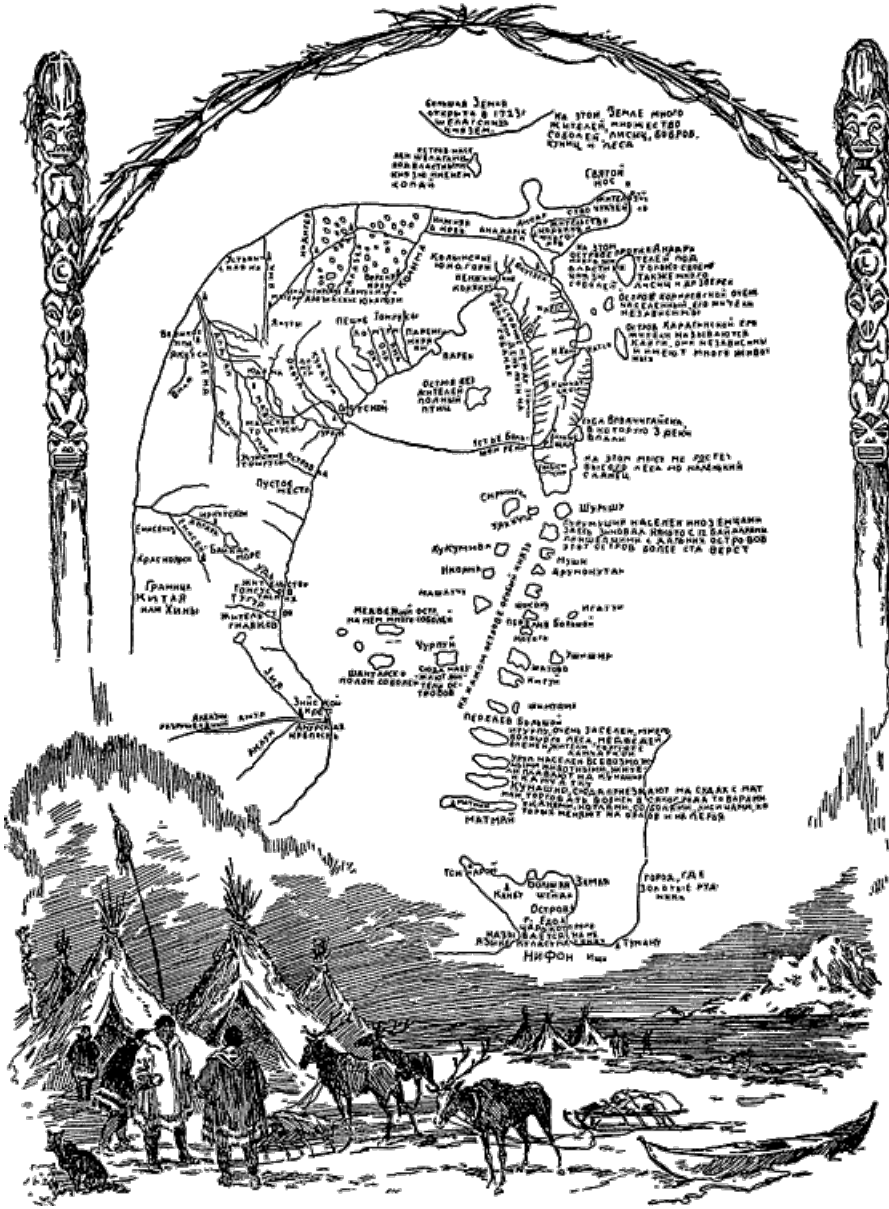
Больше сержант Андреев наблюдений не вел: корм для собак кончился и пришлось вернуться на материк.

Плениснера заинтересовало сообщение Андреева. К тому же возвратившийся с Чукотского полуострова Николай Дауркин рассказал, что тамошние жители часто говорили о какой-то северной «Землице Тикиген», где живут люди «храхай».

На следующий год подполковник снова послал Степана Андреева на Медвежьи острова, приказав ему уточнить местоположение виденной им земли.

Андреев решил двигаться с острова Четырехстолбового. 16 апреля он со своими спутниками на собаках отправился в путь по льду. Спустя шесть дней, 22 апреля, вдали показалась земля. Обрадованные путешественники поехали вперед.

До берега оставалось не больше 20 верст, когда Андреев увидел на льду совсем свежие следы восьми оленьих упряжек. Это еще больше подбодрило людей.



Карта северо-востока Сибири, составленная полковником Шестаковым.

Но когда цель, казалось, была уже совсем близка, внезапно тяжело заболел один из спутников Андреева. Сержант не хотел рисковать жизнью человека и вынужден был дать приказ о возвращении.

Так и не удалось смелым путешественникам побывать на земле, которую открыл Андреев. Но зато уже никто не

сомневался, что Большая Земля существует. Ведь теперь не только чукчи и Андреев, но и спутники его видели эту землю.

Оставалось выяснить, что это за земля, каковы ее размеры и кто ее населяет.

Для этого новая экспедиция в составе геодезии-прапорщиков Леонтьева, Лысова и Пушкарева в 1769 году отправилась на Медвежьи острова.

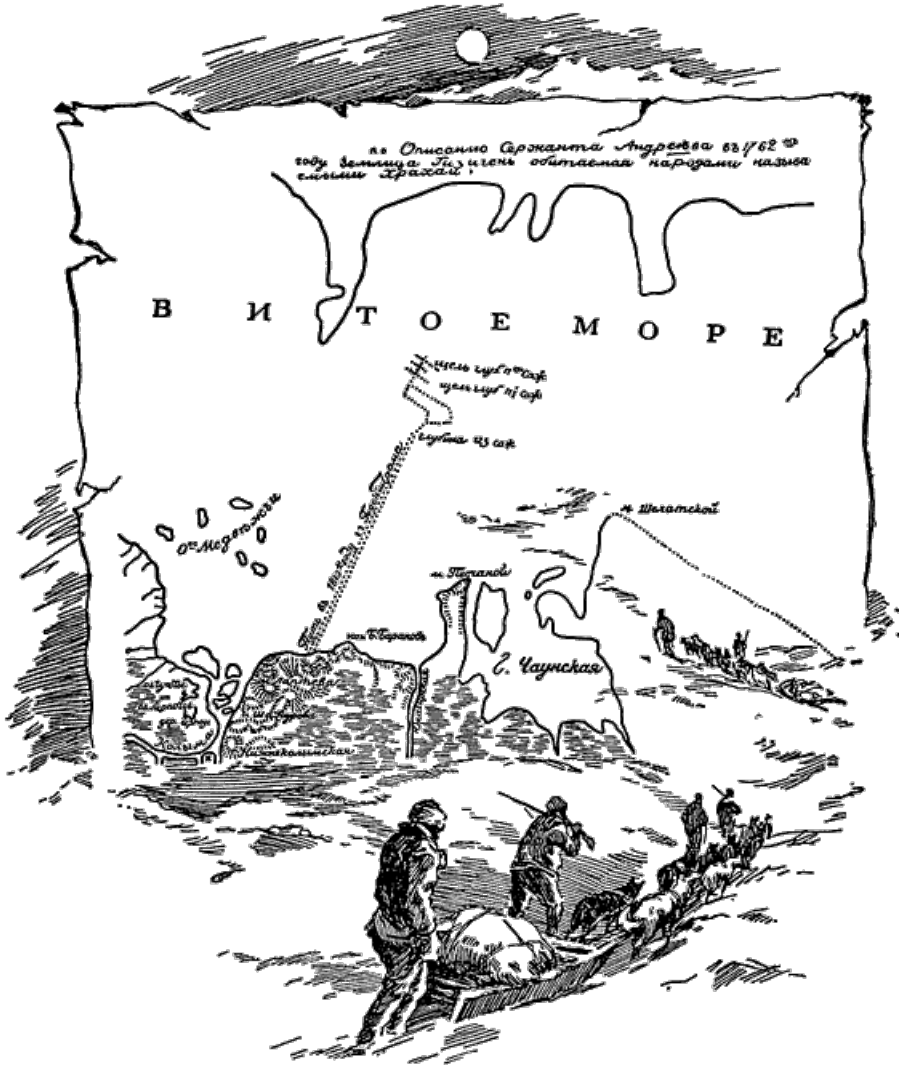
Пять лет геодезисты занимались описанием этих островов, определяли их очертания и размеры. И много раз они пытались проникнуть дальше на север и восток. Однако Земли Андреева им не удалось увидеть ни разу.

Так же неудачно искали Землю Андреева Биллингс и Сарычев. С 1785 по 1793 год они совершали плавание на корабле в восточных водах Северного Ледовитого океана, но не обнаружили никаких следов Большой Земли. Единственное, что оставляло надежду, была запись Г. Сарычева:

«Мнение о существовании матерой земли на севере подтверждает бывший 22 июня юго-западный ветер, который дул с жестокостью двои сутки. Силою его, конечно бы, должно унести лед далеко к северу, если б что тому не препятствовало; вместо того на другой день увидели мы все море, покрытое льдом».

Через несколько десятилетий, в 1810 году, в Нижнеколымск приехал Геденштром. Кроме Земли Санникова, ему нужно было узнать все, что можно, и о Земле Андреева.

Геденштром собирался идти на поиски этой земли не с Медвежьих островов, как делали другие путешественники, а прямо с материка, от так называемого Баранова камня (на карте показан его путь и очертания предполагаемой земли).



Изображение Земли Андреева на карте Геденштрома.

У Баранова камня Геденштрома застигла непогода. Жестокая пурга не утихала целую неделю.

«Наконец, — пишет сам путешественник, — я отправился в море на О (то есть на восток. — *С. У.*). Проехав 150 верст, начали попадаться нам земляные глыбы на льдинах. Земля сия совсем другого была рода, как находящаяся в ярах матерого берега Сибири. Она совершенно походила на землю Новой Сибири, хотя отдаленность сего места не дозволяла думать, чтобы льдины проходили близ берегов Новой Сибири и срыли с оных сии глыбы. 1 (13) мая видели мы стадо гусей, летевших на NNW (то есть на северо-северо-запад. — *С. У.*), и белого филина. На севере

подымались облака. Глубина морская, измеряемая мною в щелях (трещинах ледяных полей. — *С. У.*), постепенно уменьшалась. Все сие доказывало близость земли. Но скоро нашли мы непреодолимые препятствия к продолжению пути нашего. В 245 верстах от Баранова камня переехали мы щель в 1 аршин шириною, а в 5 верстах далее достигли щели в 15 сажен».

Казалось, все предвещало землю. Но природа как будто ополчилась на исследователей. Широкие трещины в ледяных полях преграждали им путь. Пришлось отказаться от поисков и вернуться к Баранову камню.

Основываясь на своих личных наблюдениях и прежних сведениях, Геденштром составил карту, на которую нанес причудливые очертания Земли Андреева в восточной части Северного Ледовитого океана. Судя по этой карте, путешественнику оставалось пройти совсем немного, чтобы достигнуть южного выступа этой земли.

Геденштром своими наблюдениями снова подтвердил существование Земли Андреева. Однако основательных доказательств не было: ведь никому не довелось ступить на нее.

Нужна была новая экспедиция. И когда лейтенант Анжу искал Землю Санникова, лейтенант Врангель был послан, как говорилось в инструкции, «для описи берегов от устья реки Колымы к востоку от Шелагского мыса и от оного на север, к открытию обитаемой земли, находящейся, по сказанию чукчей, в недалеком расстоянии».

Врангель дважды отправлялся из Нижнеколымска на север и северо-восток, но никакой земли обнаружить не мог. Он решил попытаться еще раз и снова отправился в путь. Во время этой последней поездки он стал подробно расспрашивать встречных чукчей, не слыхали ли они, что к северу от чукотских берегов есть какая-то земля.

— Есть ли на севере земля? — спрашивает лейтенант Врангель встречных чукчей.

Из рассказов чукчей он выяснил, что «между мысом Ерри (Шелагским) и Ир-Кайпио (Северным), близ устья одной реки, с невысоких прибрежных скал в ясные летние дни бывают видны на севере, за морем, высокие, снегом покрытые горы, но зимой, однако ж, их не видно. В прежние годы приходили с моря, вероятно, оттуда большие стада оленей, но, преследуемые и истребляемые чукчами и волками, теперь они не показываются. По мнению (рассказчика), — пишет далее Врангель, — виденные с берегов горы находились не на острове, а на такой же пространной земле, как его родина. От отца своего слышал он, что в давние времена один чукотский старшина со своими домочадцами поехал туда на большой кожаной байдарке, но что там нашел он и вообще возвратился ли оттуда — неизвестно. Основываясь на том, что с высоты даже Шелагских гор не видно на севере никакой земли, он полагал, что она против того места, где видны высокие, снегом покрытые горы, образует мыс, далеко выдающийся в море».

Врангель очень обрадовался рассказам чукчей: вести были обнадеживающими. С удвоенной энергией он продолжал поиски. Но беспрерывные туманы, густой снег, сильные ветры и множество трещин во льду сводили почти на нет все его усилия. Лишь изредка в тумане прорывались просветы, и сквозь них можно было видеть пустынный океан, до самого горизонта закованный в сплошные льды.

«С горестным удостоверением в невозможности преодолеть поставленные природой препятствия исчезла и последняя

надежда открыть предполагаемую нами землю, в существовании которой мы уже не могли сомневаться, — писал Врангель. — Должно было отказаться от цели, достигнуть которой постоянно стремились мы в течение трех лет, презирая все лишения, трудности и опасности. Мы сделали все, чего требовали от нас долг и честь. Бороться с силой стихии и явной невозможностью было безрассудно и еще более бесполезно».

Итак, после долгих и тщетных поисков Врангель пришел к выводу, что «в удободосягаемом от азиатского берега расстоянии нет на Ледовитом море никакой земли». Однако он не сомневался, что где-то далеко, за горами льда, есть земля или остров. Действительно, через полстолетия именно в том месте, где он указывал, была открыта земля. Она получила наименование острова Врангеля.

Однако к Земле Андреева этот остров не мог иметь никакого отношения. С Медвежьих островов его нельзя было увидеть — слишком велико расстояние. Кроме того, это был маленький остров, а Земля Андреева представлялась исследователям частью Большой Земли.

Таким образом, вопрос о Земле Андреева снова остался открытым.

Многие ученые и исследователи относились скептически к существованию этой земли. Они говорили, что никакой земли нет и не было — Андреев попросту все выдумал. При этом они ссылались на спутников Андреева, которые будто бы заявили, что ничего не видели.

Действительно, в свое время геодезисты Леонтьев, Лысов и Пушкарев допрашивали спутников Андреева, и те сознались, что все рассказываемое ими о виденной земле — вымысел Андреева. Их показания подтвердил Николай Дауркин.

Возможно, конечно, что это и так. Однако следует помнить, что геодезисты после трехлетних поисков не нашли Земли Андреева и высказали предположение, что ее вообще нет. Им, конечно, нужно было оправдаться перед начальством, убедить его в своей правоте. В их интересах было получить от спутников Андреева такие сведения, которые подтверждали бы их точку зрения. Возможно, что геодезисты подкупили или подпоили этих людей. А может быть, пригрозили им и заставили сказать неправду. Что же касается Николая Дауркина, то странно, как его словам вообще могли придавать значение. Ведь он ездил на Чукотский полуостров, а вовсе не был в экспедиции вместе с Андреевым. Как же он мог знать, видел Андреев землю или нет!

Одним словом, существование Земли Андреева было по-прежнему не доказано, и на долгое время интерес к этому

вопросу остыл.

Снова вспомнили о Земле Андреева лишь в конце XIX века. Вот как это случилось.

Французское судно «Жаннетта» под командованием де Лонга находилось севернее острова Врангеля. Однажды стоящий на вахте лейтенант Чипп внезапно увидел землю. Он тут же постарался возможно точнее определить ее местоположение и нанести на карту. Судя по его показаниям, эта земля лежала к западу от острова Врангеля, сравнительно недалеко от него.

Вахта лейтенанта Чиппа ознаменовалась редким событием: замечена земля.

Однако видение это больше не повторилось. Был ли это обман зрения или Чипп действительно видел землю, судить трудно, так как больше об этом в отчете экспедиции не упоминалось.

Но это событие заставило снова вспомнить все, связанное с Землей Андреева.

В то время центральная часть Восточно-Сибирского моря, как и многие другие районы Северного Ледовитого океана, была совсем не исследована.

Северный морской путь еще не был освоен. Поэтому плавать во льдах Северного Ледовитого океана было трудно. Экспедиции стоили дорого, и царское правительство снаряжало их редко.

Вновь искать Землю Андреева стали только в 1913 году. К этому времени в Северный Ледовитый океан вышли специально построенные крупные ледоколы «Таймыр» и «Вайгач». Они должны были вести гидрографические работы и впервые пройти из Тихого океана в Атлантический через Северный Ледовитый океан.

Постоянной базой этих судов служил Владивосток. Оттуда они каждое лето отправлялись через Берингов пролив в Северный Ледовитый океан. В одно из таких плаваний, в 1913 году, ледоколы прошли к северу от Новосибирских островов. Экспедиция рассчитывала пересечь центральную часть Восточно-Сибирского моря. Однако тяжелые льды заставили ледоколы повернуть на юг.

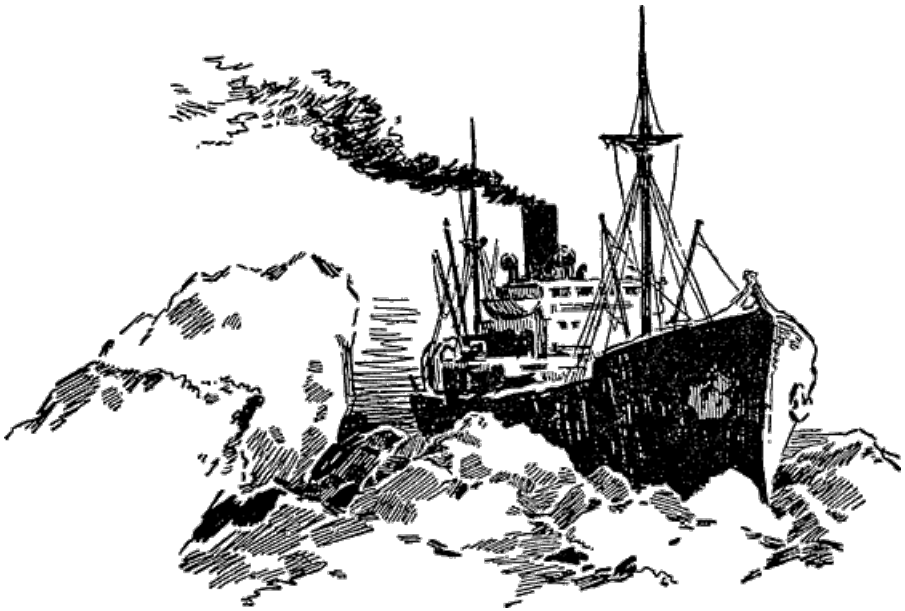
В следующем году они снова попытались пройти этот район, но уже не с запада, а с востока, но полярная стихия опять не пожелала открыть человеку свои сокровенные тайны, отгородившись от него прочным ледяным барьером. Ничего нового эти экспедиции в историю Земли Андреева не вписали.

Только в советское время начались обстоятельные исследовательские работы в Арктике.

Центральная часть Восточно-Сибирского моря, где, по предположению, находилась Земля Андреева, была «белым пятном» на карте Северного Ледовитого океана. Это «белое пятно» необходимо было стереть.

Знаменитый пароход «Челюскин» в одну навигацию прошел Северным морским путем из Ленинграда до Берингова пролива. Когда судно находилось в Восточно-Сибирском море, этот район снова был тщательно исследован. Однако и «Челюскину»

непроходимые льды преградили путь.



Непроходимые льды преградили путь «Челюскину».

Годом позже ледоколу «Красин» удалось продвинуться несколько севернее, чем «Челюскину». Команда корабля вела неусыпные наблюдения за горизонтом, но никаких следов земли не обнаружила.

Оставалось последнее средство: воздушная разведка.

В 1935 году Герой Советского Союза летчик В. Молоков искал Землю Андреева.

Вслед за ним многие пилоты пролетали над Восточно-Сибирским морем, но не только Земли Андреева, даже и следов ее не нашли.

В 1943 и 1946 годах Восточно-Сибирское море обследовали корабли экспедиции Арктического института. Они проникли еще севернее, чем «Красин», и опять ничего не обнаружили.

Казалось, все ясно: в центральной части Восточно-Сибирского моря земли нет и не было.

Однако полярный гидролог В. Н. Степанов в своем докладе на Втором Всесоюзном съезде географов рассказал, что в разное время в Восточно-Сибирское море посылались специальные экспедиции. Они измеряли глубину моря в разных местах, следили за тем, как происходят приливы и отливы, какова их высота у берегов материка. Кроме того, они наблюдали за режимом льдов: насколько льды отступают на север в летние

месяцы, всюду ли это происходит одинаково, как движутся льды, в каком направлении, что за сила влечет их за собой.

Тщательно изучив результаты этих наблюдений, В. Н. Степанов пришел к неожиданному для всех выводу: Земля Андреева существовала, и совсем еще недавно.

В доказательство он привел несколько интересных доводов. Прежде всего, важные результаты дали наблюдения за приливной волной в Восточно-Сибирском море.

Как известно, около берегов высота прилива всегда больше, чем в открытом океане. На земном шаре есть немало мест, где приливы особенно высоки: например, у берегов Патагонии в Южной Америке, в северной части Атлантического океана — на границе США и Канады, в Англии и во Франции, в Тихом океане — у берегов Калифорнии и Австралии. Сила приливной волны бывает сказочно велика.

Так, у берегов Индии приливная волна попадает в устье реки Ганг и поднимается вверх против течения на 250 километров. А около берегов Южной Америки приливная волна входит в устье реки Амазонки огромным клокочущим валом и идет вверх на 870 километров.

У северных берегов Советского Союза, в Белом и Охотском морях, высота приливной волны достигает 5, 8, 12 и даже 16 метров.

Конечно, такие высокие приливы бывают далеко не везде. Иногда они совсем небольшие, особенно во внутренних морях. Там они подчас даже измеряются сантиметрами. Таковы Средиземное, Черное, Азовское, Балтийское моря и почти все моря, омывающие Советский Союз с севера.

Невысок прилив и в Восточно-Сибирском море. Полярные исследователи тщательно изучили его высоту в разных местах побережья. И что же они заметили? В западной и восточной частях побережья прилив обычный, а в средней части никакого прилива нет. Как же так? Куда исчезает приливная волна?

Несомненно, она встречает на своем пути какое-то препятствие, разбивается о него и не доходит до берегов материка Но что же это за препятствие? Никаких островов в этом районе Восточно-Сибирского моря нет, — все исследователи Арктики давно знают об этом. А может быть, все-таки там есть земля, вернее, остатки земли, сильно размытой, но еще сохранившейся в виде больших отмелей?

Эта догадка и легла в основу предположения о том, что Земля Андреева не вымысел.

Исследователям удалось подметить и другое необычайное явление.

Они установили, что в наиболее теплые годы льды на западе и востоке Восточно-Сибирского моря отступают далеко на север, а в центральной его части удерживаются, выдаваясь языком к югу.

Похоже, что остатки какой-то суши мешают льдам в этом месте отступать к северу.

Это еще один довод в пользу существования Земли Андреева.

И наконец третий довод, подтверждающий все остальные. В 1946 году экспедиция Арктического института обнаружила на льдах в центральной части Восточно-Сибирского моря землистый материал. По виду он очень напоминал тот, который в свое время описал Геденштром, пытаясь добраться до Земли Андреева.

Когда этот землистый материал тщательно исследовали, оказалось, что он совсем не похож на материковые отложения, но имеет много общего с отложениями Новосибирских островов. А эти острова почти целиком состоят из ископаемого льда.

Неужели этот землистый материал попал сюда с Новосибирских островов? Нет, этого не может быть. Во-первых, льды дрейфуют не с запада на восток, а с востока на запад. Значит, принести в центр Восточно-Сибирского моря отложения с Новосибирских островов льды не могут. Во-вторых, Новосибирский архипелаг лежит слишком далеко от места находки землистых отложений.

Откуда же взялось такое большое скопление землистого материала? Должно быть, когда-то поблизости находилась земля. Может быть, та самая, которая мешала приливной волне добраться до берега и не давала льдам отодвинуться к северу.

В. Н. Степанов сделал вывод: Андреев действительно видел землю. Это был остров, состоящий из ископаемого льда. Все время он активно размывался водами Северного Ледовитого океана и истирался мощным, постоянно движущимся ледяным покровом. Поэтому, когда начались деятельные поиски Земли Андреева, она в большей своей части, а возможно и целиком, уже скрылась в океанских волнах.

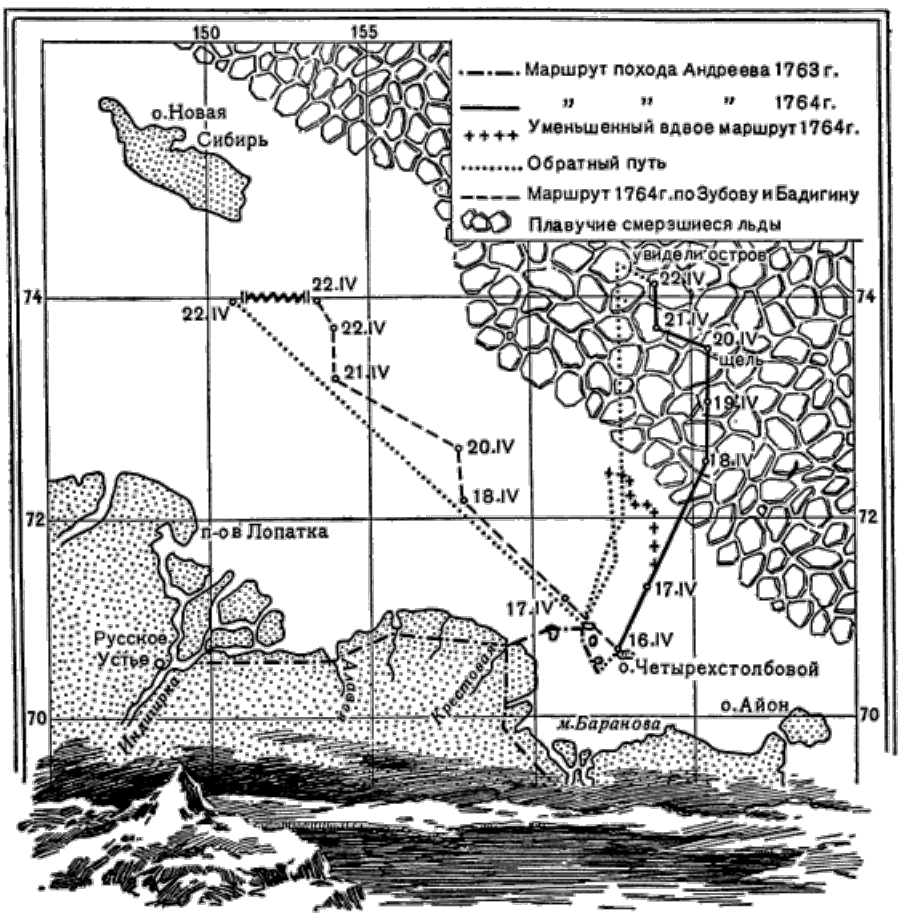
Эти доказательства были очень убедительны. Казалось, теперь можно не сомневаться, что Земля Андреева существовала.

Однако не все согласились с доводами В. Н. Степанова. Несколько лет назад в газетах появилась статья Н. Н. Зубова с многообещающим названием: «Разгадка легенды о Земле Андреева».

В статье сообщалось, что аспирант географического факультета Бадигин, бывший капитан ледокола «Седов», случайно нашел в архивах рапорты и журналы походов Андреева. Оказалось, что и походы Андреева, и экспедиция Леонтьева, Лысова и Пушкарева в свое время были строго секретными.

Поэтому большая часть всего сделанного Андреевым и геодезистами долго оставалась в тайне. И это понятно. В те годы в северной части Тихого океана, у Алеутских островов, Аляски и Чукотского полуострова подозрительно часто стали появляться иностранные суда. России было необходимо укрепить свои позиции в этих местах. Если бы удалось найти Большую Землю и закрепить ее за собой, то положение на северо-востоке России значительно бы упрочилось. Из-за секретности не все материалы экспедиции Андреева дошли до исследователей. Известен был только путевой журнал 1763 года и выдержки из рапорта о походе 1764 года.

Теперь, когда удалось найти все материалы, картина поисков Земли Андреева предстала совсем в ином свете.



Карта маршрутов Андреева.

Андреев действительно видел землю и в 1763 и в 1764 году.

Но это, как утверждает автор статьи Н. Н. Зубов, был не остров, состоящий из ископаемого льда и со временем размытый водами Ледовитого океана. Земля, которую видел Андреев, существует поныне, и называется она Новая Сибирь.

Вывод оказался самым неожиданным. И правда, ведь все поиски Земли Андреева велись к северо-востоку от Медвежьих островов, а Новая Сибирь лежит далеко на северо-западе. В чем же дело?

Бадигин и Зубов предлагают посмотреть на карту, составленную Плениснером после возвращения Андреева из обоих походов.

Посмотрите, — говорят они, — на ней изображена Большая Земля, которая является будто бы продолжением Америки. Самый южный ее выступ находится к северо-западу от острова Четырехстолбового, а этот остров лежит восточнее всех Медвежьих островов. Вероятнее всего, Андреев как раз этот выступ Большой Земли и видел.

После Андреева Медвежьи острова исследовали Леонтьев, Лысов и Пушкарев. Они довольно точно определили размеры и местоположение каждого острова. И оказалось, что Четырехстолбовой остров лежит гораздо западнее, чем предполагал Плениснер, когда составлял свою карту. По новым данным получилось, что южный выступ Большой Земли расположен не на северо-западе от этого острова, а на северо-востоке. Отсюда и началась путаница.

Значит, не приходится удивляться, что никто не мог найти Землю Андреева. Ведь Андреев двигался все время на северо-запад, а землю искали как раз в противоположном направлении. Вполне вероятно, что он видел остров Новую Сибирь, в то время еще не открытый.

Однако тут возникает новое возражение. Ведь Новая Сибирь лежит в 500 километрах от Медвежьих островов. Сомнительно, чтобы Андреев мог увидеть ее на таком большом расстоянии. Кроме того, Андреев писал в своем дневнике, что добирался до острова шесть с половиной суток. Значит, он должен был каждые сутки делать более чем 80-километровые переходы. Возможно ли это?

Зубов и Бадигин полагают, что вполне возможно. Они изучили материалы многих экспедиций и убедились, что по ровному льду можно делать в сутки даже больше 80 километров. А льды по пути к Новой Сибири как раз ровные. Их называют припайными, то есть береговыми. Поверхность припайных льдов в весеннее время такая же гладкая, как поверхность льда небольших озер и прудов. И если принять во внимание, что

Андреев и его спутники были опытными ездоками на собаках, то вполне возможно, что они в сутки покрывали очень большие расстояния.

Доводы эти, конечно, очень интересны.

Однако некоторые географы возражают против них. В конце 1952 года в журнале «Известия Всесоюзного Географического общества» была напечатана статья Белова «Существовала ли Земля Андреева». Автор статьи отвергает доводы Зубова и Бадигина и доказывает, что Андреев заблуждался и принял за землю какое-то нагромождение торосов.

Кто же прав?

В. Н. Степанов, который высказал предположение, что Земля Андреева существовала? Или Зубов и Бадигин, настаивающие на том, что Земля Андреева и Новая Сибирь — одно и то же? Или другие исследователи, уверенные, что никакой земли нет и что Андреев заблуждался?

Трудно сказать, на чьей стороне правда. Возможно, кто-нибудь скоро отыщет новые, никому не известные документы, проливающие свет на эту таинственную загадку Восточно-Сибирского моря. А может быть, наши отважные исследователи Арктики, ведущие работу на дрейфующих станциях, со временем дадут окончательный ответ — существовала или нет Земля Андреева.

Так или иначе, можно надеяться, что тайна загадочной земли рано или поздно непременно будет раскрыта.

Земли, открытые за письменным столом

Как увлекательно и романтично плыть на корабле среди пустынных волн океана, вперед, в неведомую даль! Как радостно после многих дней трудного пути, после жестокого шторма, едва не погубившего судно и весь экипаж, внезапно услышать взволнованный голос вахтенного: «Земля!» И какое необъяснимое чувство восторга охватывает путешественников, когда выясняется, что открыт новый, неизвестный до сих пор остров или архипелаг!

Теперь новую землю надо осмотреть, составить ее описание, нанести на карту, дать название.

А если по каким-либо причинам подойти к ней не удается, она наносится на карту примерно, и уже другие путешественники будут уточнять ее положение и составлять описание.

Так открывались многие материки, архипелаги и острова.

Но история путешествий и открытий знает случаи, когда новые земли были открыты не во время плавания на корабле, а в кабинете, за письменным столом.

Конечно, на первый взгляд это кажется невероятным. Однако здесь нет ничего удивительного. Вспомним, как появились на карте Северного Ледовитого океана Земля Франца-Иосифа и

остров Визе.

Это было в 70-х годах прошлого столетия. В то время огромные пространства Северного Ледовитого океана оставались еще не исследованными. Правда, острова, лежащие вблизи материка, были уже известны людям. Но никто не знал, что находится дальше, к северу, за бесконечными ледяными полями.

Плавание в водах Северного Ледовитого океана было очень опасным. Беспрерывно движущиеся горы льда преграждали путь кораблям, глубокие разводья останавливали пеших путешественников. Сколько нужно было сил, отваги и решительности, чтобы проникнуть в эти угрюмые, малодоступные края и освоить их!

Но исследовать Арктику было необходимо для России. С освоением Северного морского пути плавание из Европы в Тихий океан могло стать гораздо короче.

В полярном бассейне побывало немало русских и иностранных экспедиций. Порой отважные исследователи сообщали миру о вновь открытом острове или архипелаге. Но случалось и так, что в результате путешествия на карте не появлялось ничего нового. Однако и тогда экспедиции приносили большую пользу: люди наблюдали за движением льдов, течениями, глубинами полярных морей. Знания о таинственной Арктике постепенно расширялись.

Но снарядить каждую новую полярную экспедицию было непросто. Не всегда царское правительство шло навстречу ученым и отпускало средства для путешествия.

В конце 60-х годов прошлого столетия известный русский ученый, автор книги «Климаты земного шара», Александр Иванович Воейков проектировал большую экспедицию в Северный Ледовитый океан. Руководить экспедицией должен был Петр Алексеевич Кропоткин.

Увлечение географией, любовь к путешествиям определили судьбу Кропоткина. Он был сыном богатого человека и легко мог сделать себе карьеру по государственной службе. Но, окончив пажеский корпус, двадцатилетний Кропоткин, вопреки желанию отца, уехал в далекую Сибирь.

«Еду туда, где белые пятна на картах, куда ни черта лысого не носило», — писал он старшему брату.

«С несколькими фунтами хлеба и маленьким запасом чая в переметных сумах, с котелком и топором у седла», — как писал сам Кропоткин, он проехал по Сибири 70 тысяч километров, то есть почти столько, сколько нужно проехать, чтобы дважды обогнуть земной шар. Он написал серьезные труды по геологии и географии Сибири. Его исследования до сих пор имеют большое

значение.

Кропоткин был не только крупным ученым и путешественником. За революционную деятельность царь приказал заключить его в Петропавловскую крепость. Бесстрашному революционеру удалось бежать, и до самой Октябрьской революции он жил за границей.

Но еще задолго до этих событий, вернувшись из Сибири, Кропоткин очень заинтересовался Крайним Севером. Он начал работать в Комитете Севера при Географическом обществе и скоро стал секретарем комитета. В его обязанности входила разработка плана большой полярной экспедиции.

Кропоткин тщательно изучал все прежние северные путешествия русских ученых, читал отчеты экспедиций. Он готовил подробный доклад о предстоящем путешествии.

Во время этой работы Кропоткин пришел к неожиданному выводу: между островами Шпицберген и Новая Земля, только несколько севернее их, должна существовать еще одна обширная земля.

Но каким же образом, ни разу не побывав в тех местах, Кропоткин сделал такое заключение?

Вот что он написал об этом в своей автобиографической книге «Записки революционера»:

«Эта экспедиция могла бы сделать также попытку добраться до большой неизвестной земли, которая должна находиться не в далеком расстоянии от Новой Земли. Возможное существование такого архипелага указал в своем превосходном, но малоизвестном докладе о течениях в Ледовитом океане русский флотский офицер барон Шиллинг. Когда я прочитал этот доклад, а также путешествие Литке на Новую Землю и познакомился с общими условиями этой части Ледовитого океана, то мне стало ясно, что к северу от Новой Земли действительно должна существовать земля, лежащая под более высокой широтой, чем Шпицберген. На это указывали неподвижное состояние льда на северо-запад от Новой Земли, камни и грязь, находимые на плавающих здесь ледяных полях, и некоторые другие мелкие признаки. Кроме того, если бы такая земля не существовала, то холодное течение, несущееся на запад от меридиана Берингова пролива к Гренландии (то самое, в котором дрейфовал „Фрам“, — на него указывал еще Ломоносов), непременно достигло бы Нордкапа и покрывало бы берега Лапландии льдом точно так, как это мы видим на крайнем севере Гренландии. Теплое течение, являющееся слабым продолжением Гольфстрима, не могло бы помешать нагромождению льдов у северных берегов Европы, если бы такой земли не существовало…»

Действительно, путешественники не раз наблюдали севернее Новой Земли неподвижно стоящие льды. А это несомненно означало, что где-то недалеко должна быть земля, около которой льды закрепились. Ведь в Ледовитом океане только береговые льды неподвижны. Это объясняется тем, что на небольших глубинах крупные торосы садятся на мель и задерживают движущиеся ледяные поля.

Но не только стоячие льды наводили на мысль о существовании какой-то земли. На движущихся ледяных полях путешественники находили камни и остатки почвы, которые могли попасть сюда только с земли. Однако что это за земля, никто не знал.

И наконец последнее и самое интересное явление, которое подтверждало все догадки.

Еще в XVIII веке знаменитый русский ученый Михаил Васильевич Ломоносов говорил, что в Северном Ледовитом океане есть течение. Оно направляется с востока на запад, от Берингова пролива к берегам Гренландии. Впоследствии это неоднократно подтверждалось. Вспомним экспедицию де Лонга. Его судно «Жаннетта» было раздавлено льдами и затонуло к северо-востоку от Новосибирских островов в середине 1881 года. А спустя три года жители Южной Гренландии нашли на плавучей льдине вмерзшие в лед вещи с «Жаннетты». Здесь была опись продовольствия, подписанная самим де Лонгом, список шлюпок и непромокаемые брюки с меткой, которая неопровержимо свидетельствовала, что они принадлежали члену экипажа «Жаннетты» — матросу Норосу.

Жители Гренландии с удивлением рассматривали вещи, приплывшие на льдине из далекого Восточно-Сибирского моря.

Значит, льдина с вещами затонувшей экспедиции проделала огромный путь от Новосибирских островов до Гренландии. Разве это не говорит о существовании течения?

Кроме того, были и другие любопытные случаи. Откуда, например, у берегов Гренландии мог появиться деревянный метательный снаряд, употребляемый эскимосами Аляски? Или почему плавучий лес, или, как его называют, плавник, который собирали жители Аляски, состоял из сибирских кедров и лиственниц?

Конечно, только потому, что течение, проходящее с востока

на запад через Северный Ледовитый океан, принесло эти предметы от берегов Аляски и Чукотки к берегам Гренландии.

Но вот что было интересно. Это течение выходило в Атлантический океан севернее острова Шпицберген, а не южнее его, как следовало бы ожидать. Значит, что-то мешало ему повернуть в Атлантику южнее Шпицбергена.

«Это могла быть только какая-нибудь суша, и притом обширная», — решил Кропоткин.

Предположение было смелым и оригинальным. Ясно, что его следовало проверить как можно скорее. Поэтому-то Кропоткин с таким увлечением взялся за проект экспедиции для исследования северных морей. В 1870 году он представил в Географическое общество подробный план экспедиции. Географы заинтересовались открытием. Оставалось только получить необходимые средства на снаряжение. Но царские чиновники заботились больше о собственных карманах, чем об интересах России. В правительственных кругах проект встретили холодно и денег на экспедицию не дали.

Кропоткин очень огорчился. Географическое общество, чтобы морально поддержать ученого, направило Кропоткина в Финляндию и Швейцарию. Там он должен был собирать материалы для другой своей работы — о ледниковом периоде в истории Земли.

А земля, открытая теоретически и нанесенная на карту немного севернее островов Шпицберген и Новая Земля, так и осталась неизвестной.

Прошло около двух лет. В июне 1872 года от причалов Бремерхафена, порта в Северном море, отшвартовалось австрийское судно «Тегетгоф». Оно было снаряжено на частные пожертвования и направлялось в Северный Ледовитый океан. По замыслу руководителей экспедиции — австрийцев Юлия Пайера и Карла Вейпрехта — судно должно было обогнуть Азию и вернуться назад через Берингов пролив.

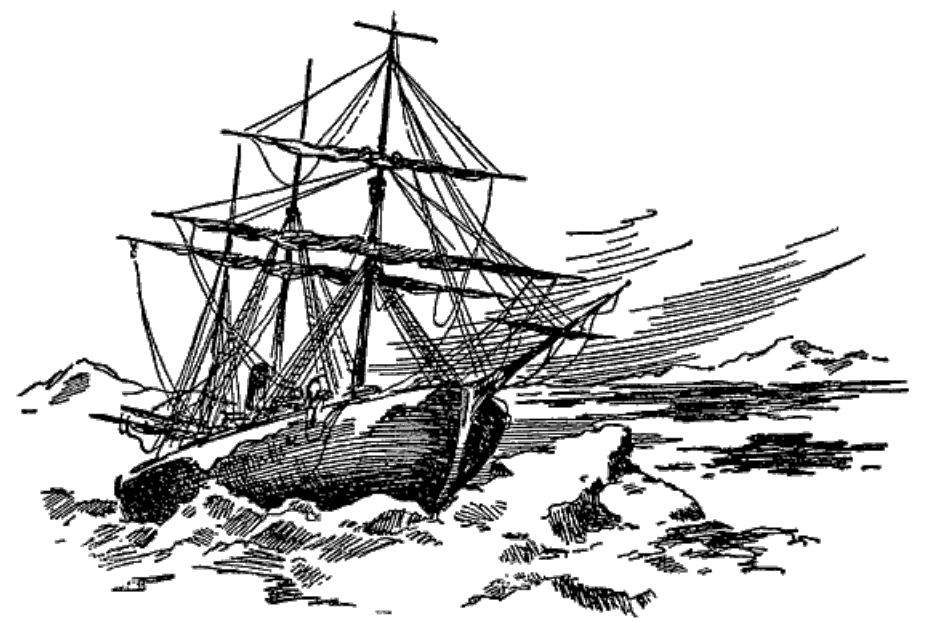
Однако австрийцам не повезло. Уже около Новой Земли судно встретило тяжелые льды. Все попытки пробиться на север были напрасны. Здесь, совсем недалеко от Новой Земли, льды так сковали корабль, что он уже не мог двигаться самостоятельно. Наступила полярная ночь. Льды продолжали тесниться вокруг хрупкого судна, ежеминутно угрожая ему гибелью. Экипаж корабля совсем измучился от чувства постоянной опасности. Пайер и Вейпрехт вынуждены были отдать приказ о зимовке во льдах.

Ровно год продолжались блуждания плененного льдами корабля по просторам Баренцова моря. Наступило лето, но оно не

принесло желанного освобождения. Бесконечные льды, простиравшиеся до самого горизонта, крепко держали судно в своих тисках.

Так продолжалось до 30 августа 1873 года. Вот как описывает знаменательное событие, происшедшее в этот день, Пайер:

«Около полудня мы стояли, облокотившись о борт корабля, и бесцельно глядели в туман, который то тут, то там начинало разрывать. Внезапно на северо-западе туман рассеялся совсем, и мы увидели очертания скал. А через несколько минут перед нашими глазами во всем блеске развернулась панорама горной страны, сверкавшей своими ледниками. Первое время мы стояли точно парализованные и не верили в реальность открывшейся перед нами картины. Затем, осознав наше счастье, мы разразились бурными криками: „Земля! Земля!“»



Дрейфующие льды привели «Тегетгоф» к берегам неизвестной земли.

Да, это была земля. Земля реальная, ощутимая. Но в этом мореплаватели смогли убедиться только через два месяца, когда им удалось по льду добраться до ее южной оконечности — острова Вильчека. Пайер и Вейпрехт, понимая, что им все равно суждено зимовать во льдах, решили исследовать землю. Берега ее, гористые и крутые, сверкали ослепительной снежной белизной. Пайеру удалось достигнуть 82°05′ северной широты. Севернее этой точки до тех пор не бывал ни один человек. Во

время этого путешествия Пайер чуть не погиб: сани, в которых он ехал со своим спутником, неожиданно провалились в огромную трещину. Пайер случайно зацепился за камни крепким и толстым поясом, а его спутник полетел вниз. Пайеру большого труда стоило высвободиться самому и спасти своего товарища. Австрийцы назвали вновь открытый архипелаг Землей Франца-Иосифа.

Вывести корабль из ледового плена не было никакой надежды. Путешественникам пришлось покинуть судно. Весной 1874 года они двинулись к югу, девяносто шесть дней блуждали во льдах Баренцова моря и в конце концов снова очутились в 15 километрах от «Тегетгофа». Оказалось, что ветер все время гнал льды на север и, таким образом, мешал им продвигаться к югу.

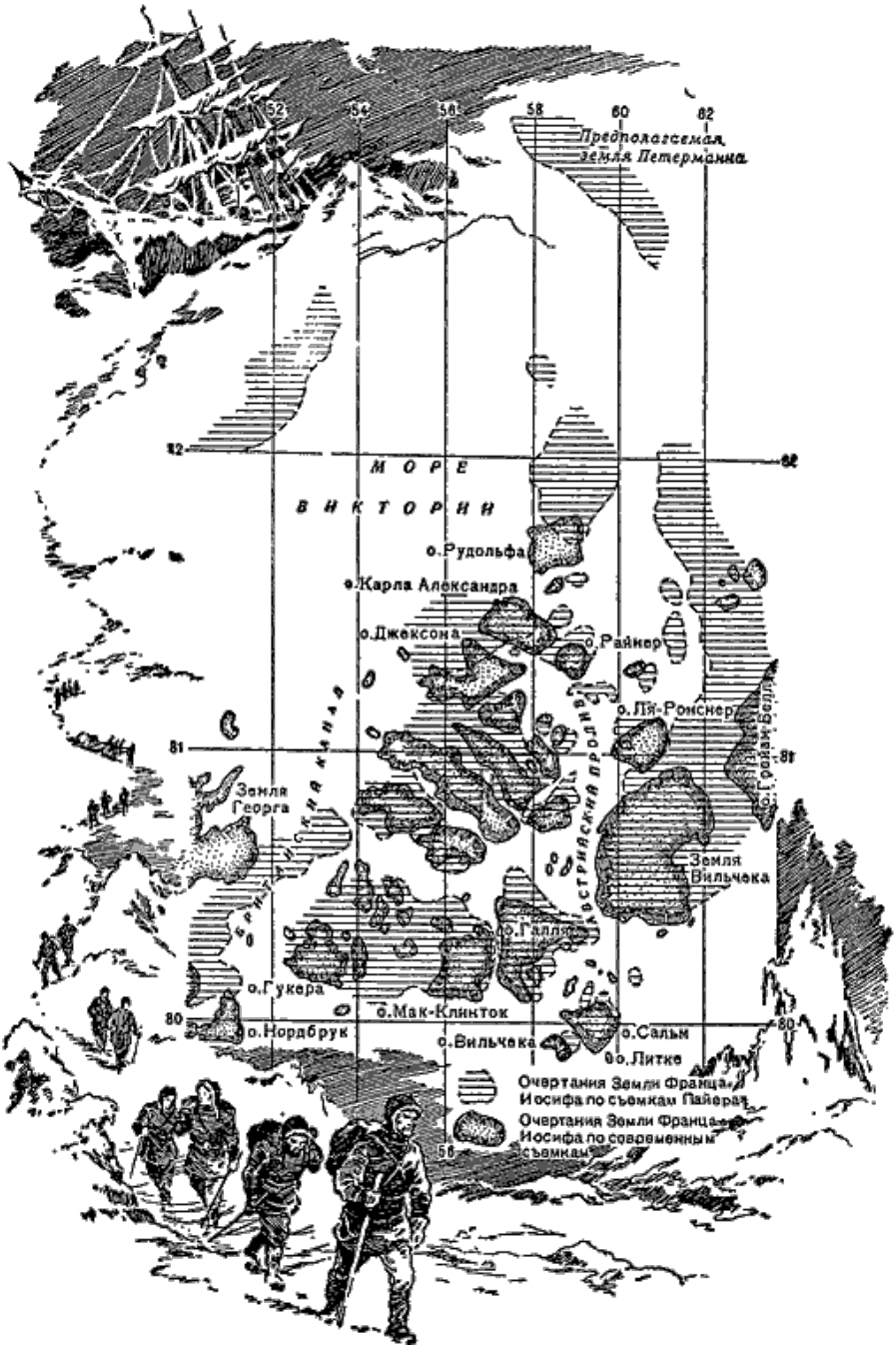
Только в конце августа этого же года измученные люди добрались до Новой Земли, где их подобрала русская шхуна.

Вскоре весь мир узнал об открытой австрийцами земле. И что же оказалось? Этот архипелаг лежал как раз там, где, по предположению Кропоткина, существовала какая-то земля.

То, что русский ученый определил на основании теоретических рассуждений, сидя в собственном кабинете, случайно подтвердилось экспедицией Пайера и Вейпрехта, занесенной далеко на север Баренцова моря дрейфующими льдами.

Заслуга П. А. Кропоткина не подлежит сомнению. И, конечно, обнаруженную австрийцами землю следовало назвать не именем австро-венгерского императора, а именем человека, который «провидел ее сквозь полярную мглу».

Земля Франца-Иосифа не единственный случай географического открытия, сделанного за письменным столом.



Карта Земли Франца-Иосифа.

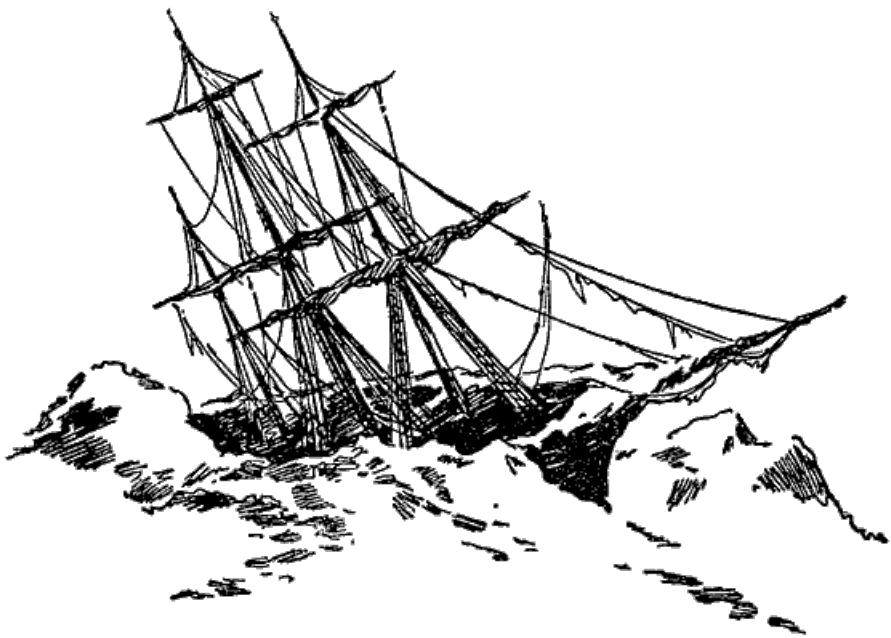
В августе 1912 года из Петербурга вышло судно «Святая Анна». Командовал кораблем лейтенант Г. Л. Брусилов. Он намеревался пройти из Атлантического океана в Тихий через

моря Северного Ледовитого океана. В середине сентября «Святая Анна» была уже у пролива Югорский Шар, который соединяет Баренцово и Карское моря и находится между материком и островом Вайгач. В проливе «Святая Анна» встретилась с несколькими судами. Оказалось, что за все летние месяцы ни одному из них не удалось проникнуть в Карское море, сплошь забитое непроходимыми льдами.

Брусилов не стал дожидаться улучшения ледовой обстановки — рассчитывать на это не приходилось. Он отважно двинул судно во льды Карского моря.

С тех пор «Святую Анну» никто не видел. Судно погибло. Однако история его плавания сохранилась.

После выхода в Карское море «Святую Анну» затерло льдами неподалеку от полуострова Ямал. Некоторое время корабль оставался здесь не двигаясь. 28 октября положение изменилось. Лед, сковавший «Святую Анну», стал дрейфовать на север, оторвавшись от берегового льда.



«Святая Анна» гибла под неумолимым натиском льдов.

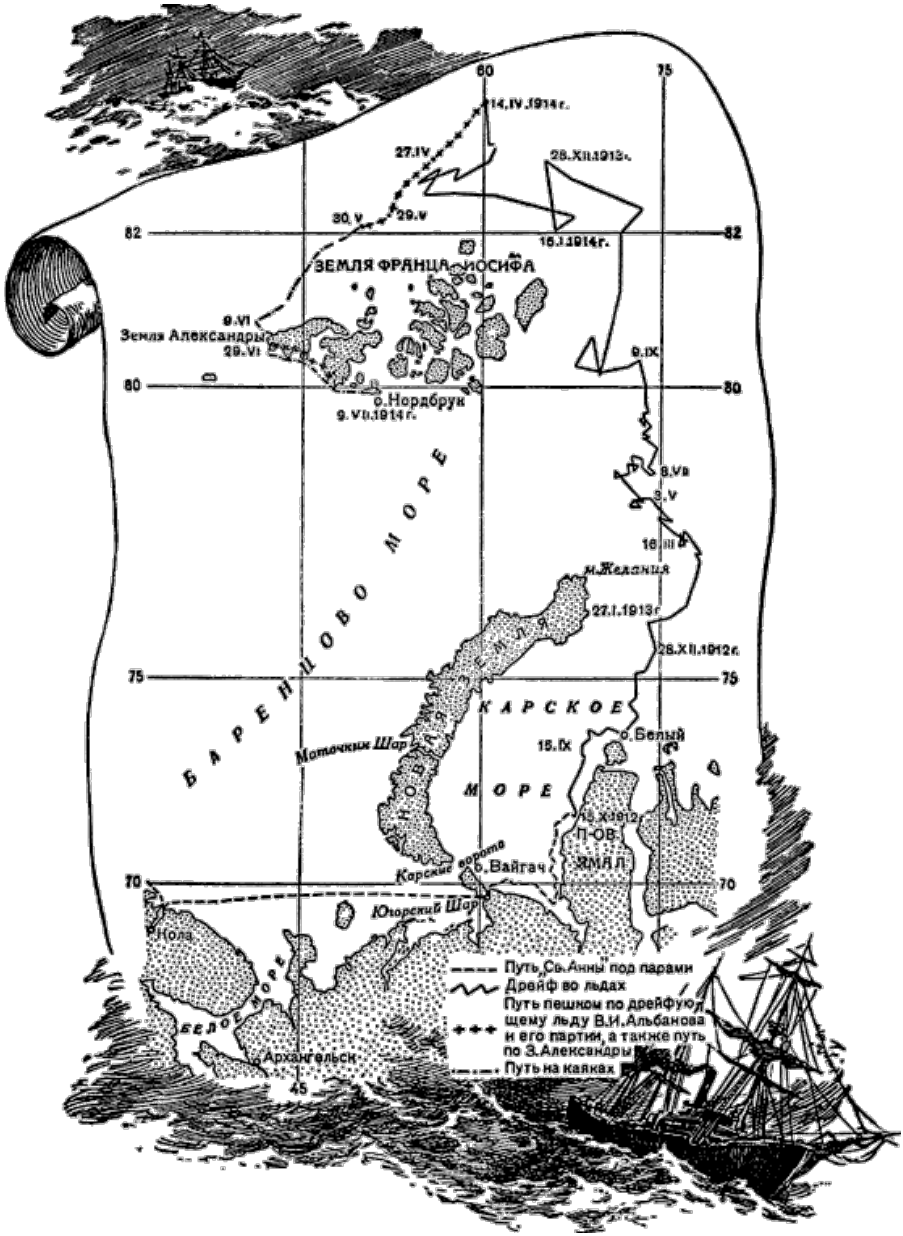
Этот дрейф продолжался около полутора лет. В конце концов судно очутилось несколько севернее Земли Франца-Иосифа.

На корабле свирепствовала цинга, провизия кончилась. Положение экипажа было тяжелое. Одиннадцать человек во главе

со штурманом Альбановым решили покинуть судно, чтобы добраться до земли. Путешествие по льдам океана было очень сложным и опасным. Почти все спутники Альбанова погибли. Только сам Альбанов и матрос Конрад добрались до мыса Флоры, южной оконечности Земли Франца-Иосифа. Здесь они встретились с первой русской экспедицией на Северный полюс во главе с Георгием Седовым и рассказали про все злоключения «Святой Анны». Из всей экспедиции лейтенанта Брусилова они были единственные, кто остался в живых.

Экспедиция Георгия Седова тоже кончилась трагично. Большинство ее участников, как и сам командир, погибли. В числе немногих спасшихся был ученый полярник Владимир Юльевич Визе. Ему-то Альбанов и передал все журналы научных наблюдений экспедиции Брусилова.

Визе долго и тщательно изучал эти документы. Однажды, просматривая судовой журнал «Святой Анны», он обратил внимание на особенности дрейфа судна к северу. Визе нанес на карту извилистый путь «Святой Анны», сравнил его с упоминаемыми в журнале направлениями ветра и сделал вывод, что между 78° и 80° северной широты какое-то препятствие помешало кораблю отклониться к востоку. Это могла быть только земля. Визе был так уверен в этом, что даже рассчитал ее примерные координаты и нанес предполагаемую землю на карту.



Карта дрейфа «Святой Анны».

Теперь оставалось проверить догадку. Сделать это довелось самому В. Ю. Визе.

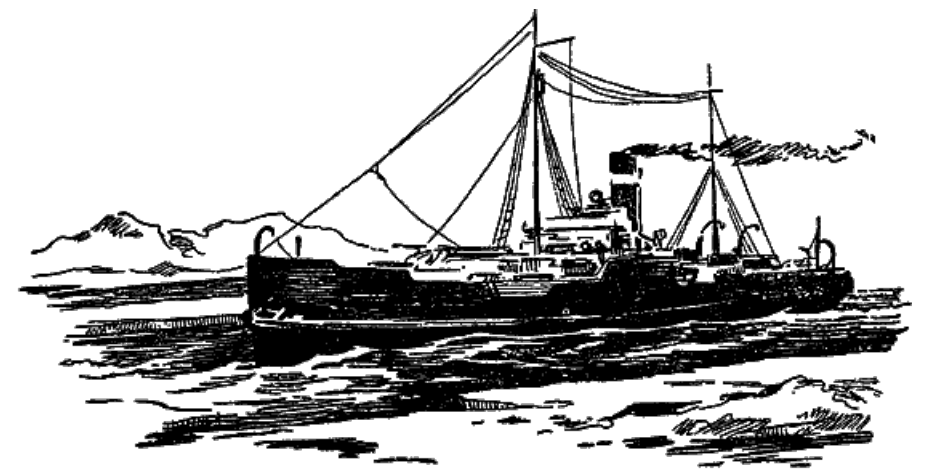
В 1930 году в Северный Ледовитый океан вышел мощный советский ледокол «Седов». В составе экспедиции был В. Ю. Визе. Ледокол сначала пришел к Земле Франца-Иосифа, где высадил новую смену зимовщиков и забрал старую. Затем он направился к

северо-западному берегу Новой Земли, а оттуда через Карское море к островам Северной Земли. Северная часть Карского моря в то время была еще не изучена, и экспедиции на «Седове» предстояло восполнить этот пробел.

На пути к Северной Земле ледокол должен был пересечь то место, где, по предположению Визе, находилась неизвестная земля.

13 августа вся команда «Седова» очень волновалась. Приближался момент, когда решалась судьба теоретического открытия В. Ю. Визе. Больше всех, конечно, волновался сам ученый. Однако то, что произошло, он впоследствии описал очень кратко и скромно:

«Вечером капитан „Седова“ В. И. Воронин спустился с мостика в кают-компанию и объявил: „Земля впереди!“»



Предположение Визе подтвердилось — ледокол «Седов» подходил к неизвестному острову.

Первая высадка на вновь открытый остров, получивший название острова Визе, была сделана 14 августа. Площадь его составляет 50 квадратных километров. Затерянный среди арктических льдов, этот остров производит крайне унылое и безотрадное впечатление. Он низменный, сложен из осадочных пород, поверхность его лишена растительности. Крайне бедна и его животная жизнь. Даже птицы, обычно встречающиеся на арктических островах летом в большом количестве, здесь имелись только в единичных экземплярах.

Таков этот остров, существование которого советский ученый предсказал за шесть лет до его открытия.

Плавающие острова

Много тайн хранит Северный Ледовитый океан. Немало смелых путешественников рисковало жизнью, пытаясь разгадать их, не один ученый исследователь мучительно решал эти вопросы.

Но коварный океан открывает свои удивительные тайны не сразу. Часто вводит он в заблуждение опытных мореплавателей, ставит в тупик экипажи судов. И проходят десятилетия, прежде чем удается окончательно объяснить ту или иную загадку Арктики.

Нечто подобное произошло и с так называемыми плавающими островами.

Австрийские ученые Пайер и Вейпрехт привезли из своего трудного и опасного путешествия по Баренцову морю много ценных наблюдений. Но самой большой ценностью была карта Баренцова моря, которую они составили. На ней появились две новые земли: Франца-Иосифа и Петерманна.

Пайер рассказал, что однажды, во время исследования Земли Франца-Иосифа, ему удалось достигнуть северной оконечности архипелага. Здесь, вглядываясь в горизонт, он усмотрел на северо-востоке смутные очертания какой-то новой земли. Пайер решил, что это продолжение Земли Франца-Иосифа. Он приблизительно нанес ее на карту и назвал Землей Петерманна.

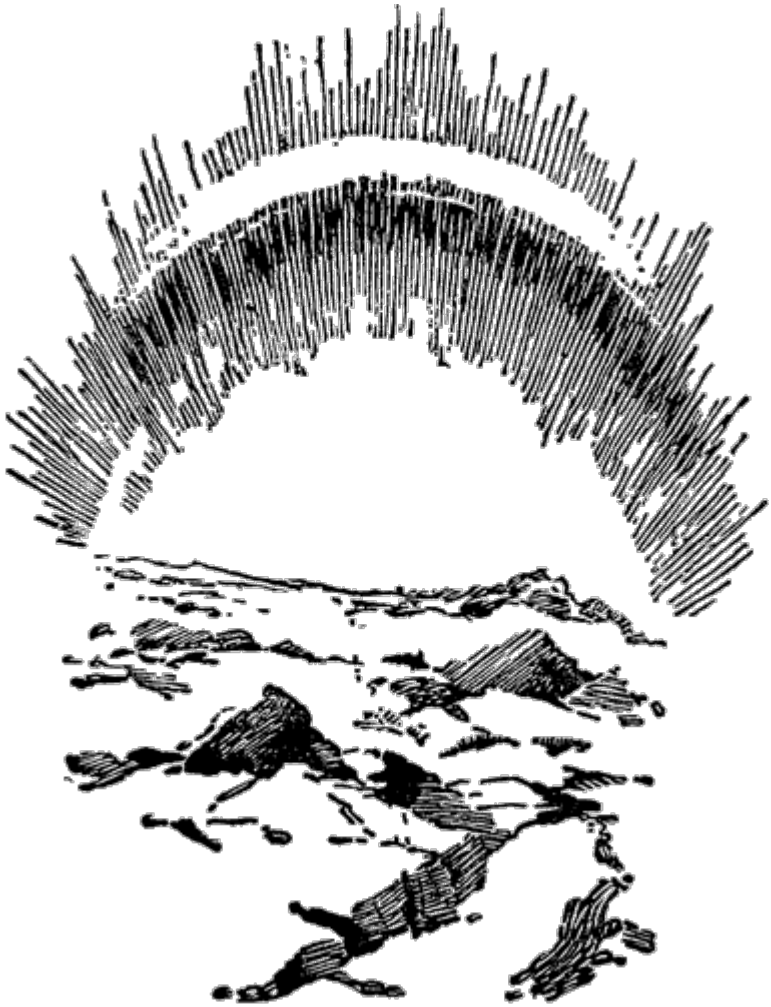
Но добраться до этой земли ни ему, ни его спутникам так и не удалось — мешали льды.

Пайеру поверили. Действительно, сомневаться в правдивости открытия не было особых оснований. Никто не стал винить путешественников в том, что они не побывали на новой земле и не подтвердили тем самым ее существования. Все отлично понимали, что людям пришлось в тяжелых условиях зимовать на Земле Франца-Иосифа и нужно было беречь свои силы, чтобы выбраться на материк. Земля Петерманна так и осталась на карте рядом с Землей Франца-Иосифа.

В 1899 году в Италии снарядили экспедицию на Северный полюс. Участники экспедиции рассчитывали пробиться к крайней северной точке Земли Франца-Иосифа — острову Рудольфа. А на Земле Петерманна они намечали организовать базу, откуда санные партии смогли бы отправляться к полюсу.

В этот год ледовые условия в Баренцовом море были очень благоприятны для плавания. «Полярная звезда», судно экспедиции, благополучно пересекло Баренцово море и подошло к южной оконечности Земли Франца-Иосифа. Затем без особого труда оно добралось до острова Рудольфа, миновало его и двинулось дальше на север. Вот-вот должна была появиться Земля Петерманна, но путешественники тщетно всматривались в горизонт. Ничто не говорило о близости суши. Вокруг были сплошные ледяные поля, местами вздыбленные беспорядочным нагромождением торосов.

Пришлось отказаться от задуманного плана. Путешественники вернулись к острову Рудольфа, чтобы перезимовать там и приготовиться к штурму полюса.



Долгая полярная ночь в Арктике озаряется волшебными огнями северного сияния.

Когда кончилась долгая полярная ночь и наступила весна, группа участников экспедиции двинулась по льду к полюсу. Земля Петерманна должна была лежать на их пути. Конечно, путешественники ни на минуту не забывали о ней. Они прошли далеко к северу, но никаких признаков земли не нашли. До полюса добраться не удалось, и люди ни с чем вернулись на остров Рудольфа.

После этой неудачи появились первые сомнения в существовании Земли Петерманна. Однако твердой уверенности в том, что Пайер ошибся, еще не было.

Это стало ясно только после того, как штурман Альбанов, участник экспедиции Брусилова на «Святой Анне», пытаясь

добраться до Земли Франца-Иосифа, прошел то место, где на карте изображалась Земля Петерманна. Как и участники итальянской экспедиции, Альбанов не увидел ничего, кроме льдов. Не только пространной суши, но даже маленького островка нигде не было.

После свидетельства Альбанова уже не осталось сомнений, что Земли Петерманна в том районе, где ее видел Пайер, нет. Ее перестали наносить на карты и решили считать несуществующей.

Это одна история. А вот и другая.

В 1707 году капитан английского судна Джиллес, находясь на своем корабле к северу от острова Шпицберген, увидел вдалеке землю. Добраться до нее не удалось, но в том, что это была действительно земля, Джиллес не сомневался. Возвратившись в Англию, он рассказал о своем открытии, и английское адмиралтейство нанесло на карту примерные контуры этой земли.

В английском адмиралтействе с интересом слушали сообщение капитана Джиллеса о замеченной им к северу от Шпицбергена земле.

Прошло почти 200 лет. За это время никто из мореплавателей, побывавших в этих краях, не видел Земли Джиллеса. Но никому не приходило в голову отрицать ее существование.

В конце XIX века знаменитый русский флотоводец и ученый, адмирал Степан Осипович Макаров предложил организовать

экспедицию «К Северному полюсу напролом». Для этого по проекту самого Макарова был выстроен первый в мире мощный ледокол — «Ермак».

И вот в 1899 году «Ермак» вышел в Северный Ледовитый океан. Им командовал сам творец ледокола и автор проекта экспедиции.

14 августа «Ермак» находился уже на 81° северной широты, к северу от острова Шпицберген. В этот день астроном Кудрявцев, участник экспедиции Макарова, наблюдая за горизонтом, увидел на востоке контуры гористой земли. Путешественники тут же определили, что расстояние до нее примерно около 100 миль. Эту землю они наблюдали еще довольно долго, почти сутки. Им удалось зарисовать ее гористые очертания. Потом она как бы растворилась в воздухе и исчезла из виду.

В своей книге «„Ермак“ во льдах», где описывалась эта экспедиция, С. О. Макаров рассказывает:

«Общая радость при виде этой земли была несказанная. Каждый путешественник доволен, если ему удается сделать хоть маленькое открытие… Видели ли мы действительно землю? Думаю, что да, но поручиться за это невозможно. Если бы это были облака, то они не смогли бы продержаться на одном месте в течение суток».

Первым побуждением адмирала Макарова было пробиться на ледоколе к замеченной земле. Но пробоина в подводной части корабля помешала выполнить это намерение.

Что же видели Макаров и его спутники? Может быть, это была та самая земля, которую 200 лет назад открыл Джиллес. Но это мог быть и какой-то другой, еще никем не обнаруженный остров. А возможно, участники экспедиции приняли за землю обычное скопление торосов.

Любое предположение допустимо. Многие путешественники вслед за Макаровым пытались выяснить, что именно он видел.

В 1925 году английский мореплаватель Уорслей побывал в Баренцовом море севернее Шпицбергена. Он тоже наблюдал на горизонте контуры земли, но подойти к ней не смог из-за нагромождения льдов.

Спустя три года в этих краях плавал советский ледокол «Красин». Его направили сюда для спасения участников итальянской экспедиции Нобиле, которые хотели долететь до Северного полюса на дирижабле, но потерпели бедствие. Экипаж ледокола тоже пытался выяснить, какую землю видели здесь мореплаватели. Но, к своему недоумению, они ничего не нашли.

В 1930 году известный полярный исследователь Н. Н. Зубов был в этом районе и тоже не обнаружил земли. Но через 5 лет,

снова посетив эти места, он был очень удивлен и обрадован: подобно Макарову и Уорслею, ему дважды удалось увидеть к северу от Шпицбергена гористые контуры какого-то острова.

Не доверять путешественникам, видевшим эту землю, нет никаких оснований. О ней рассказывали известные исследователи, глубоко заинтересованные в каждом новом открытии. Но точно так же не было оснований не верить тем мореплавателям, которые не нашли никакой земли, как ни пытались. То, что земля так странно появлялась и вновь исчезала, могло бы показаться неправдоподобным, но таких историй известно немало. В 1934 году к северо-востоку от острова Геральд, который находится восточнее острова Врангеля, с советского судна «Крестьянка» была замечена неизвестная земля. Однажды наши зимовщики на острове Генриэтты видели на северо-востоке очертания какой-то гористой земли. В разное время разные экспедиции обнаружили и нанесли на карту в канадском секторе Арктики несколько островов. Ни на одной из этих земель побывать не удалось, а поэтому фактически их существование не было доказано.

Что же это за земли? Почему одним путешественникам удается их увидеть, а другим нет?

Очевидно, это какая-то загадка природы, и ее нужно разрешить.

После долгих наблюдений полярные летчики установили, что все земли, которые путешественники видели в самых различных районах Северного Ледовитого океана, не что иное, как плавающие ледяные острова.

Как известно, многие полярные острова — такие, как Земля Элсмира, Гренландия, Земля Франца-Иосифа, Северная Земля, — в большей своей части покрыты ледниками.

Лед, из которого состоят эти ледники, образовался из пресной воды. Он совсем не такой, как в Северном Ледовитом океане, — тот лед образовался из соленой морской воды.

Теперь представим себе ледник, длинным языком выдающийся в океан. Все дальше и дальше сползает он с берега, унося на себе частицы суши. В один прекрасный день в леднике почему-либо образуется трещина. Она растет, расширяется.

Медленно движется ледник, сползая в море.

В конце концов от края ледника отламывается какая-то часть и уносится в открытый океан. Такие обломки ледников называются айсбергами. Они часто попадаются в морях Северного и Южного полушарий и бывают очень велики. У берегов Антарктиды мореплаватели встречали айсберги, имеющие в длину сто и даже более километров.

Судьба айсбергов складывается по-разному. Одни из них, оторвавшись от ледника и двигаясь по течению, попадают в свободную ото льдов воду. Такие айсберги часто встречаются в северной части Ледовитого океана, как раз там, где между Нью-Йорком и Европой курсируют корабли. Для судна встреча с айсбергом очень опасна — ведь подводная часть этого плавающего ледяного острова обычно в два, а то и в четыре раза больше, чем надводная. Корабль может неожиданно наскочить на подводную часть айсберга, и тогда трудно избежать катастрофы. В 1912 году гигантский пассажирский пароход «Титаник» потерпел бедствие и затонул: он натолкнулся на огромный, почти целиком скрытый под водой айсберг.

Отколовшиеся части ледника образуют айсберги.

Поэтому за движением айсбергов установлено регулярное наблюдение. Оно ведется специальной службой, которая сообщает кораблям по радио, где находятся в данный момент опасные плавающие острова.

Другие айсберги попадают в ледовое окружение и теряют свою самостоятельность. Они вмерзают во льды и начинают дрейфовать вместе с ними.

Если смотреть на такой айсберг со стороны, то он очень похож на обычный остров. Предположим, стоит путешественник у борта корабля и наблюдает за горизонтом. Вдруг он замечает очертания гор, низменности и обрадованно восклицает: «Земля!» Ему кажется, что это остров, а на самом деле это айсберг.

Подобраться к нему невозможно, потому что не пускают льды. Значит, и удостовериться в том, что открыт новый остров, не удается.

А если смотреть на айсберг с самолета, можно совсем сбиться с толку. Видны характерные контуры гор, русла речек. Лед, покрывающий айсберг, во многих местах усеян крупными и мелкими валунами, обломками скал. Виден землистый материал. Конечно, летчик подумает, что под ним остров, а между тем это всего-навсего айсберг. Вид его обманчив не только сбоку, но и сверху.

Валуны и землистый материал, делающие айсберг таким похожим на остров, это остатки морены — скопления обломков горных пород. Когда ледник сползает с суши, он выпахивает себе ложе и в донной части уносит с собой обломки пород. Одновременно он разрушает края своего ложа, и на его поверхности тоже остаются валуны, обломки скал. Их может быть

больше и меньше; они бывают крупные и мелкие. С ними ледник и отправляется в путешествие.

Наши полярные летчики впервые обратили внимание на то, что в Северном Ледовитом океане часто встречаются айсберги, удивительно похожие на настоящие острова. Один из летчиков во время ледовой разведки обнаружил айсберг площадью более 600 квадратных километров. Другому удалось увидеть еще более крупный. Было замечено, что эти айсберги[1] движутся в определенном направлении. Их путем управляют течения и ветры.

Теперь становится понятным, что за странные — то исчезающие, то снова появляющиеся — земли видели путешественники. На их пути попадался дрейфующий айсберг, к которому невозможно было подобраться из-за льдов. Стало быть, никаких земель Петерманна и Джиллеса, Крестьянки и многих других в природе не существует. Это айсберги — плавучие острова, которые мореплаватели приняли за острова настоящие.

Некоторые исследователи полагают даже, что и Земля Санникова и Земля Андреева тоже были не чем иным, как плавающими ледяными островами. Но действительно ли это так — неизвестно.

Неведомая Южная Земля

За Полярным кругом, у самого Южного полюса, лежит огромный материк, скованный мощным ледяным панцирем. Это Антарктида. Высота ее над уровнем океана достигает 3000 метров, а отдельных хребтов и вершин — до 4500 метров. Бесконечные ледяные поля окружают эту землю и преграждают путь к ее бесплодным берегам.

Безжизнен Антарктический материк. Нет там ни шумных городов, ни тихих селений, ни зеленых лесов, ни полноводных рек. Куда ни глянь, повсюду бесконечная снежная пустыня с причудливыми нагромождениями ледяных утесов, гор и уступов. Гигантские ледники спускаются с берегов в воды Атлантического, Тихого и Индийского океанов, которые со всех сторон окружают эту угрюмую землю. Ледяной щит в сотни метров толщины наглухо скрыл ее от солнечного света.

Сурова и мрачна Антарктида и в долгую полярную ночь, и в короткий полярный день. Зимой там проносятся страшные бури и ураганы; у холодных берегов бушуют сильные штормы. А лета в нашем понимании нет совсем. Даже в самый теплый месяц температура там всегда ниже нуля и не прекращаются жестокие метели.

Растительность Антарктиды так скудна, что даже Земля Франца-Иосифа, почти сплошь покрытая ледниками, в сравнении

с ней кажется цветущим садом. Там имеется тридцать шесть видов цветковых растений, а на всем Антарктическом материке только два вида. Да и что это за цветы! Высотой всего 2–3 сантиметра, с маленькими, слабыми листочками. И кроме этих «цветов» только неприхотливые мхи и лишайники кое-где покрывают небольшие участки суши или гнездятся в трещинах скал.

Одни лишь птицы — буревестники, поморы, морские ласточки, чайки да огромные стада пингвинов — немного оживляют однообразный пейзаж этого ледяного материка. Наземных животных там нет совсем.

Стада пингвинов оживляют однообразный пейзаж ледяного материка.

Зато воды Антарктики богаты морским зверем — дельфином и китом. Из многих стран прибывают в Антарктику промысловые суда; регулярно ведет здесь добычу советская китобойная флотилия «Слава».

До сих пор никто еще не знает точно, что скрыто под толщей ледников в недрах Антарктиды. Ученые предполагают, что там

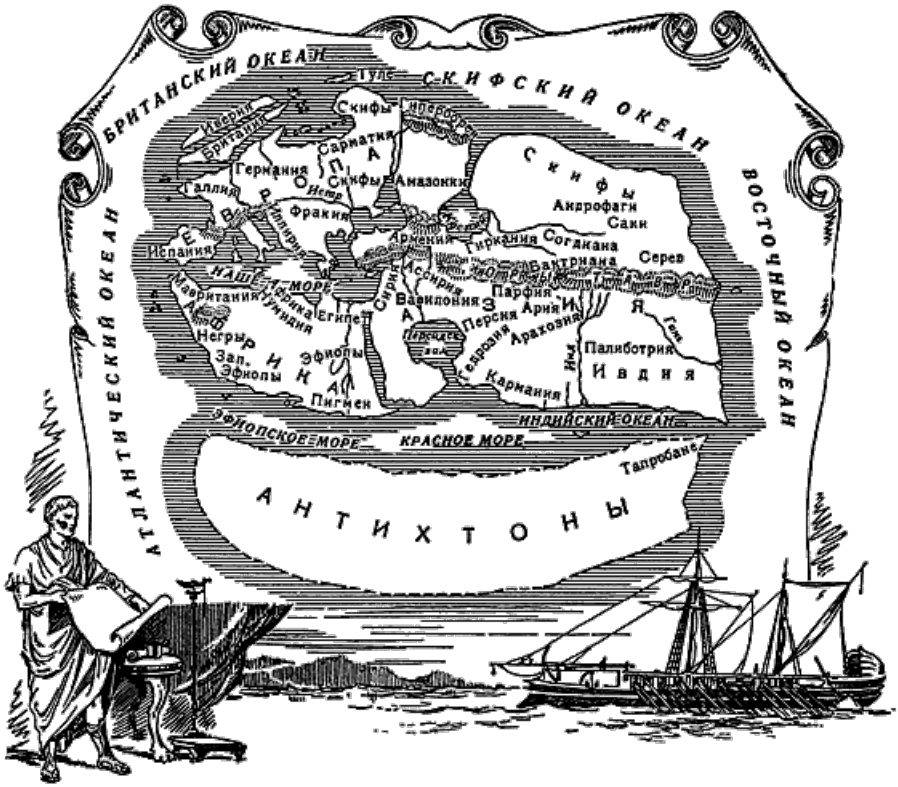
хранятся неисчислимые богатства: уголь и железная руда, цветные, редкие и драгоценные металлы.

Однако жестокий, суровый климат мешает людям исследовать эту угрюмую часть света: ведь для того чтобы добраться до почвы, бур должен пробить сотни метров ледяного покрова. А сделать это нелегко. Кроме того, люди переносят антарктические морозы особенно тяжело из-за сильнейших ветров, дующих круглый год. Средняя годовая скорость ветра там достигает 19,2 метра в секунду. В других местах земного шара такой ветер бывает только в очень сильные штормы. Поэтому изучать Антарктиду очень трудно, и почти $^2/_3$ ее поверхности до сих пор представляют собой сплошное «белое пятно».

Такова эта шестая часть света площадью около 14 миллионов квадратных километров. Она в полтора раза больше, чем вся Европа, и почти вдвое больше Австралии.

Название материка Антарктида впервые появилось на географической карте в начале прошлого столетия. До тех пор на всех картах мира вместо Антарктиды изображались неопределенные контуры суши и стояла надпись: «Неизвестная земля».

Интересно, что люди предполагали существование какого-то Южного материка еще задолго до того, как стали пускаться в дальние плавания по океанам. Какую старинную карту ни возьмешь, на любой из них у Южного полюса изображен обширный материк. При этом одни древние ученые считали, что он окружен со всех сторон океаном. Так думал известный римский географ Помпоний Мела, написавший в 40-х годах нашей эры трехтомный труд «О строении Земли». Другие же утверждали, что, наоборот, сама неведомая Южная Земля окружает со всех сторон океан. Такого мнения придерживался знаменитый древнегреческий ученый Птолемей.



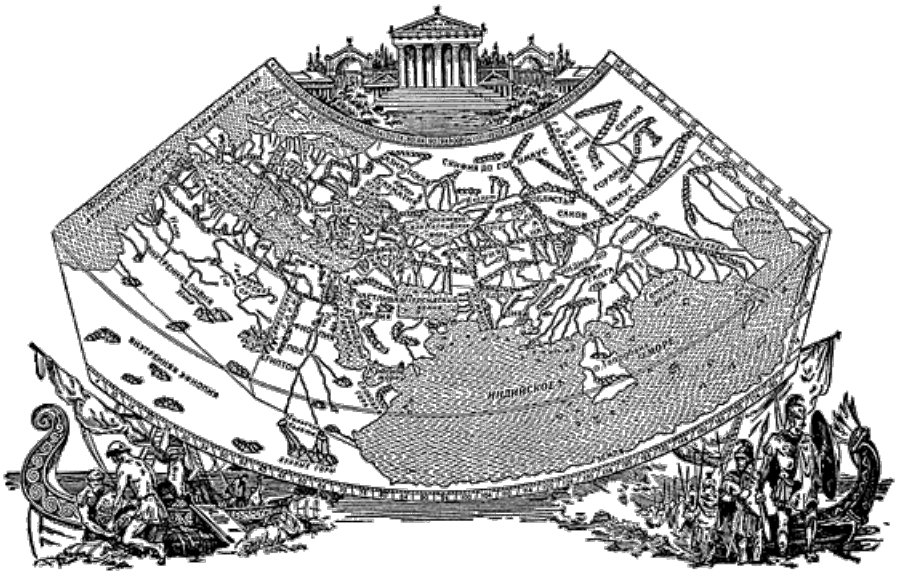
Земля в представлении Помпония Мелы.

Как же древние ученые догадались о существовании большого материка у Южного полюса?

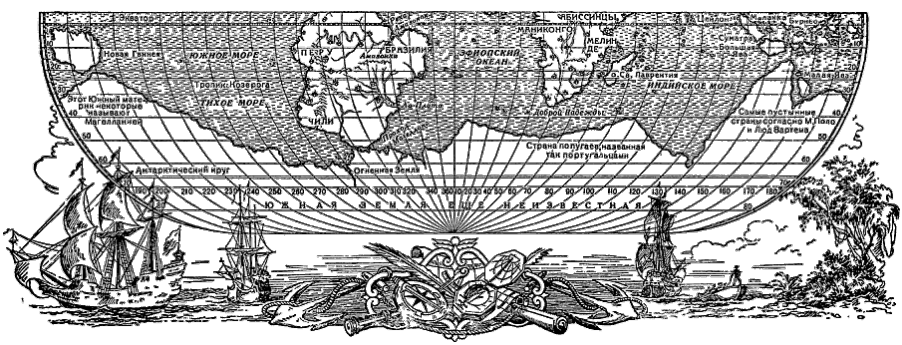
Когда окончательно признали шарообразность Земли, то стали рассуждать так: если в Северном полушарии имеется такая большая масса суши, как Европа, Азия и Африка (Австралии и Америки древние народы еще не знали), то и в Южном полушарии должна быть не меньшая суша. Иначе между Северным и Южным полушариями не было бы равновесия, и земной шар перевернулся бы. Вот откуда на картах древних географов появился Южный материк — Terra Australis incognita, как называли его римляне, что в переводе означает: «Земля Южная неизвестная».

Конечно, теперь совершенно ясно, что рассуждения о равновесии Северного и Южного полушарий наивны и смешны. Однако люди долго и безоговорочно доверяли авторитету Птолемея и других известных ученых. Поэтому и в средние века, и в эпоху великих географических открытий, и вплоть до XIX века на всех географических картах по-прежнему изображался огромный и таинственный Южный материк. А если материк

находился на картах в совершенно определенном месте, то его можно было искать.

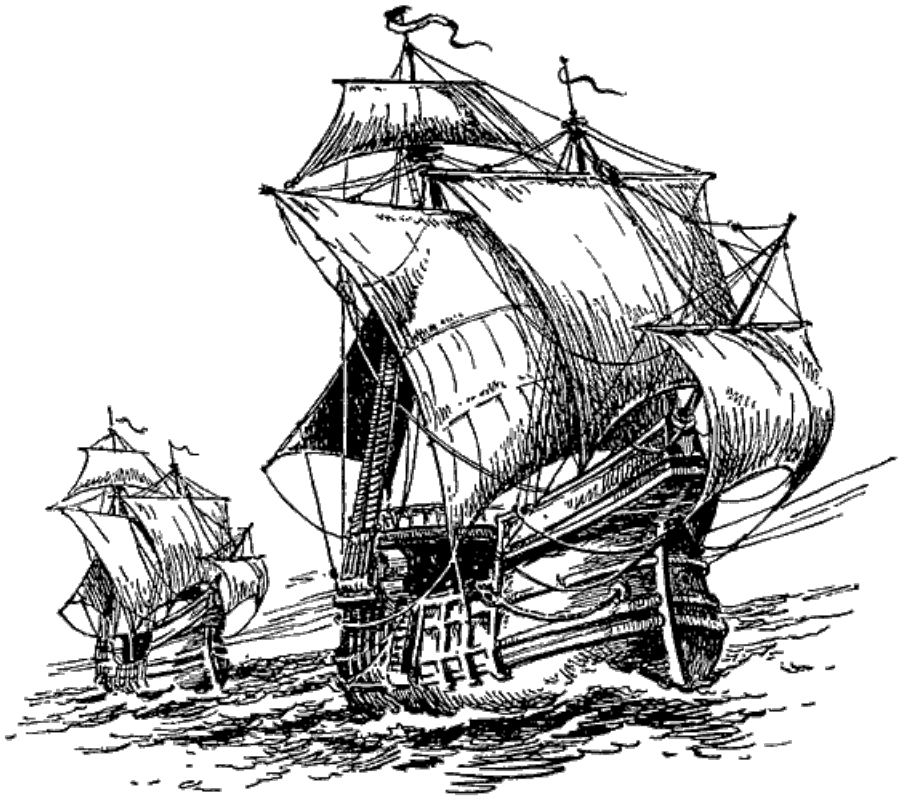


Мир по Птолемею.



Южный материк на карте XVI столетия.

Первыми в плавание по океану пустились португальцы и испанцы. Они искали морской путь в Индию — страну сказочных богатств, о которой так заманчиво рассказывали побывавшие там арабские купцы. Золото, драгоценности и пряности Востока манили к себе западноевропейских правителей и торгашей.



Первыми в плавание по океану пустились португальские и испанские каравеллы.

Португальцы двигались вдоль побережья Африки на юг. В конце XV века мореплавателю Бартоломео Диасу удалось обогнуть южную оконечность Африки, которую он назвал мысом Бурь. Впоследствии этот мыс переименовали в мыс Доброй Надежды. Но до Индии Бартоломео Диас не добрался.

Немного позже другому знаменитому португальскому мореплавателю, Васко да Гама, посчастливилось достигнуть сначала берегов полуострова Индостан, а затем и Островов пряностей, как назывались острова Индонезии. Он привез на родину несметные богатства и в том числе идола, сделанного целиком из чистого золота, весом 27 килограммов, с изумрудными глазами и рубином величиной с грецкий орех на груди. Рассказы о богатствах и чудесах Востока были волшебнее самых волшебных сказок.

Васко да Гама привез из Индии несметные богатства.

В то время как португальцы прокладывали путь к Индии на востоке, их соседи по Пиренейскому полуострову, испанцы, искали ее на западе.

В 1492 году Христофор Колумб в поисках Индии и Китая на трех кораблях пересек Атлантический океан. Пути в Индию он не нашел, но зато впервые открыл европейцам доступ в Новый Свет — Америку.

В результате всех этих путешествий Португалия захватила большие колонии в Африке, а Испания — в Америке. Местных жителей забирали в рабство, а наиболее воинственных истребляли целыми селениями. Особенно жестоки и жадны к наживе были испанские завоеватели — им скоро стало недостаточно американских колоний.

В 1519 году знаменитый путешественник Магеллан, португалец, состоявший на испанской службе, отправился в первое кругосветное плавание.

После долгого путешествия он открыл пролив из Атлантического океана в Тихий. Прежде Тихий океан назывался Южным морем. Когда Магеллан впервые увидел его, погода стояла ясная, и океан показался ему спокойным и тихим. Так Магеллан и назвал его — «Тихий океан», и с тех пор это название закрепилось на всех картах мира.

Пролив, получивший впоследствии имя Магеллана, разделял

берега Южной Америки и еще какой-то неизвестной земли, лежащей южнее. На этой земле высоко к небу поднимались столбы дыма, а ночью таинственно мерцали огни костров. Мореплаватели назвали ее Землей Огней. Теперь мы называем ее Огненной Землей. Никто не знал, как далеко простирается она на юг. Многие предполагали, что это и есть тот самый Южный материк, который обозначен на всех древних картах. Но путешественники не могли удостовериться, верно ли это.

К югу от материка Южной Америки лежала земля, на которой ночью мерцали огни костров.

Впоследствии один из кораблей испанской экспедиции, посланной повторить маршрут Магеллана, отнесло бурей далеко на юг. Корабль очутился у берегов неизвестной земли. Командовавший им капитан Осес, вместо того чтобы попытаться обогнуть эту землю и таким путем выйти в Тихий океан, вернулся к Магелланову проливу. Только много лет спустя выяснилось, что он видел южную часть Огненной Земли, северные берега которой обнаружила экспедиция Магеллана. А до тех пор продолжали думать, что Земля Огней — это северная оконечность неведомого Южного материка.

Испанские мореплаватели открывали далеко к западу от Магелланова пролива всё новые и новые острова. Каждый новый остров принимался за берег Южного материка. Так, в середине XVI века капитан испанского судна Ортис де Ретес однажды приплыл к берегам какой-то, как ему показалось, обширной земли. Ретес принял ее за северную оконечность Южного материка, провозгласил собственностью испанской короны и назвал Новой Гвинеей. С тех пор так и полагали, что Новая Гвинея — тоже часть неизвестной Южной Земли.

К тому времени испанские колонизаторы уже завоевали почти всю Южную Америку. На севере ее возникла богатая колония Новая Испания, ныне Мексика, на юге образовалось вице-королевство Перу.

Но испанским конкистадорам, то есть завоевателям, уже не хватало доходов с этих колоний. Жажда наживы толкала их искать новые земли.

В конце 1567 года вице-король Перу снарядил два корабля, чтобы отправить их на поиски таинственного Южного материка. Командовал кораблями испанец Альваро Менданья. Вице-король и богатые испанцы были весьма заинтересованы в успехе экспедиции. Каждый имел в Перу серебряные рудники или плодородные плантации. Работали на них местные жители — индейцы, превращенные в рабов. Но из-за невыносимо тяжелых условий труда индейцы заболевали и умирали сотнями и тысячами. Колонизаторы рисковали остаться без рабочих рук. Однако им не приходило в голову облегчить труд индейцев. Единственная их надежда была на Южный материк. Ведь там должны жить черные люди — они сильны и выносливы. Таких людей видел Ретес на беретах Новой Гвинеи. И если привезти их в Перу, они вполне смогут заменить тщедушных, больных индейцев.

Мечтали завоеватели, конечно, и о золоте, предполагая, что его немало на Южном материке.

Корабли Менданьи покинули перуанский порт Кальяо и двинулись на запад. За три месяца плавания они не нашли ничего, кроме маленького кораллового острова. Но наконец ожидания оправдались — впереди показалась земля.

В порту Кальяо снаряжалась экспедиция Менданьи.

Когда корабли подплыли к берегу, путешественники увидели довольно высокие горы, сплошь покрытые тропическими лесами. Кое-где виднелись селения.

Менданья решил, что ему посчастливилось найти легендарную страну Офир, полную сказочных богатств. По его убеждению, она должна была находиться на Южной Земле.

Но вскоре пришлось разочароваться: открытая земля оказалась островом. Поблизости обнаружились другие острова. Никаких намеков на близость материка не было. Путешественники попытались найти золото и хоть этим вознаградить себя за трудные месяцы пути. Но золота не оказалось, и мореплаватели ни с чем вернулись в Перу.

Испанцы вступили на берег неведомой земли, которую Менданья принял за страну Офир.

Неудача не помешала Менданье рассказывать всем, что на открытых им островах находится страна Офир. Поэтому, очевидно, эти острова и получили название Соломоновых.

Ведь, по преданию, из страны Офир царь Соломон вывозил в несметном количестве золото и драгоценные камни.

Однако одни рассказы о горах золота и драгоценностей мало удовлетворяли вице-короля и его приближенных. Они предпочитали иметь дело с настоящим золотом. И спустя четверть века Менданья снова отправился в плавание.

Во время этого путешествия Менданье удалось открыть группу из четырех островов. Она была названа Лас-Маркесас де Мендоса. Жестокий и грубый человек, Менданья не желал вступать в дружеские отношения с мирными жителями. Его солдаты зверски убивали островитян. Жена Менданьи, которую он взял с собой в плавание, надменная и властолюбивая женщина, имела на мужа большое влияние и распоряжалась многими делами экспедиции. Обращение с командой было очень жестоким — экипаж не один раз поднимал бунт.

После долгих и бесплодных попыток найти большую, богатую страну Менданья решил еще раз посетить открытые им ранее Соломоновы острова. Но ему не довелось увидеть их снова. Во время этого плавания Менданья неожиданно умер.

Командование кораблями после его смерти принял португалец Педро Фернандо де Кирос. Он хотел продолжить поиски, но среди экипажа неожиданно вспыхнула эпидемия чумы.

В довершение всего, жена Менданьи стала требовать власти. Все ненавидели ее, особенно за то, что, невзирая на недостаток питьевой воды, она стирала в этой драгоценной пресной воде свои наряды. Когда Кирос приказал ей прекратить подобное безобразие, сеньора Менданья спрятала ключи от помещения, где хранилась вода…

Претерпев большие трудности, экспедиция наконец вернулась на родину, так и не открыв желанной Южной Земли.

Однако по возвращении Кирос с поразительным упорством старался доказать всем, что теперь в существовании Южного материка можно не сомневаться. Особенно пылко он убеждал в этом тех, от кого могло зависеть снаряжение новой экспедиции.

Увидев, что перуанская знать не очень-то верит ему, Кирос отправился в Испанию и стал соблазнять испанских вельмож и богатых купцов баснословными сокровищами Южного материка.

Но все его старания не привели ни к чему. Никто не соглашался дать средства на новую экспедицию.

Тогда Кирос решил заручиться поддержкой самого папы римского. Он отправился в Рим, где находится Ватикан — резиденция главы католической церкви. Там он добился приема у папы и с пылким красноречием нарисовал перед ним заманчивые картины легкого обогащения.

«Святой отец» не устоял перед посулами Кироса и обещал свою помощь.

Очевидно, обещание свое папа выполнил, потому что в 1605 году в начале декабря из порта Кальяо вышла флотилия в составе трех кораблей. Вел ее Кирос.

Папа римский благосклонно внимал красноречию Кироса и обещал свою помощь.

Опять корабли плыли на запад в поисках таинственной Южной Земли. То и дело на их пути попадались небольшие острова. От жителей одного из этих островов Кирос услышал, что где-то южнее лежит большая земля. Он охотно поверил этому и поспешил повернуть на юг. Теперь Кирос был убежден, что непременно откроет Южный материк.

И действительно, вскоре мореплаватели увидели гористую землю, покрытую пышной растительностью. Она казалась обширной. Многочисленные селения были разбросаны по склонам гор и вдоль побережья. Корабли вошли в живописную бухту.

Кирос торжествовал. Наконец-то его мечты сбылись: он открыл Южную Землю! Теперь золото неистощимым потоком хлынет в его карманы. Не будет забыт и папа римский: придется кое-что ему уделить. А тем временем можно сделать благочестивый жест. И Кирос называет открытый им «материк» Южной Землей Духа Святого — Эспириту Санто. На берегу бухты он закладывает город Новый Иерусалим.

Но торжество было недолгим: даже малейших признаков желанного золота обнаружить не удалось. Среди команды кораблей началось недовольство. Надежды моряков быстро и легко разбогатеть не оправдались. А тут еще новое несчастье:

тропическая лихорадка стала валить людей с ног. Многие умирали.

Перепуганный Кирос решил покинуть злополучную землю и тайно бежал на одном из кораблей. Возвратившись в Перу, он объявил, что им открыт огромный материк. По его словам, там было все необходимое для легкой жизни.

«Я могу сказать на основании фактов, — писал он в докладной записке испанскому королю, — что нет на свете страны, более приятной, здоровой и плодородной; страны, более богатой строительным камнем, лесом, черепичной и кирпичной глиной, нужной для создания большого города, с портом у самого моря, и притом орошаемой хорошей, текущей по равнине рекой, с равнинами и холмами, с горными кряжами и оврагами; страны, более пригодной для разведения растений и всего того, что производит Европа и Индия… Из всего сказанного мною неопровержимо вытекает, что имеются два континента, стоящие отдельно от Европы, Азии и Африки. Первым из них является Америка, открытая Христофором Колумбом, вторым и последним на земле — тот, который я видел и который я прошу исследовать и заселить…».

Пока Кирос упивался собственными рассказами о богатствах новой земли, корабли, брошенные им, покинули Эспириту Санто. Под командованием Луиса Торреса они обошли землю вокруг. «Материк» Кироса оказался небольшим островом. Как удалось установить позднее, это был один из островов нынешнего Новогебридского архипелага. Убедившись в ошибке Кироса, Торрес решил попытать счастья в другом месте. Он припомнил, что где-то на северо-западе лежит Новая Гвинея, которую тоже считали оконечностью Южного материка. Торрес направился на северо-запад и скоро достиг побережья Новой Гвинеи. Проплывая вдоль ее южного берега, мореплаватели неожиданно увидели широкий пролив. Хотя множество подводных скал и мелких островков не раз грозили катастрофой, Торрес, правда с трудом, но провел свои корабли этим проливом. Таким образом он впервые обнаружил, что Новая Гвинея — тоже остров, а не часть Южного материка. Правда, путешественники видели на юге очертания еще какой-то земли, но Торрес не стал обследовать ее берега. И напрасно. Как оказалось впоследствии, это была Австралия, и мореплаватель открыл пролив, отделяющий ее от Новой Гвинеи. Пролив получил имя Торреса, но честь открытия Австралии досталась другому.

Торрес с великим трудом вел свой корабль через пролив, усеянный подводными скалами.

Долгое время открытия, совершенные Менданьей, Киросом и Торресом, оставались для всех тайной. Испанское правительство не хотело предавать их гласности. Только более чем 150 лет спустя испанские секретные документы были опубликованы. Сделали это англичане, захватившие их во время Семилетней войны в Маниле — столице Филиппинских островов.

Торрес был последним крупным испанским мореплавателем, совершившим значительные открытия. К началу XVII века Испания постепенно приходит в упадок и становится

второстепенной державой. Обширные колонии у нее остаются, но господство на море она навсегда уступает другим, быстро развивающимся государствам. На смену испанцам и португальцам в океанские просторы пришли новые охотники за сокровищами — англичане, голландцы, французы.

Английские корабли рыскали по морям и океанам в поисках еще не открытых земель. Попутно они грабили встречные французские, испанские, голландские торговые суда. Однако английская королева Елизавета смотрела на это сквозь пальцы. Она даже поощряла грабителей, так как они отдавали ей крупную долю захваченных богатств. Недаром их называли королевскими пиратами.

Одним из выдающихся английских мореплавателей был Френсис Дрейк. В нем удивительно сочетались черты пирата-грабителя и отважного искателя приключений. В конце XVI столетия он совершил кругосветное плавание, длившееся около трех лет.

«В седьмой день (сентября), — как пишет сам Френсис Дрейк, — сильный шторм помешал нам войти в Южное море (то есть в Тихий океан. — *С. У.*)… в одном градусе к югу от (Магелланова) пролива. Из залива, названного нами заливом Разлуки Друзей, нас отогнало на юг от пролива до 57 с третью параллели, на каковой широте мы и стали на якорь среди островов».

Френсис Дрейк составил карту, где южнее Магелланова пролива изобразил группу островов. Около них было написано: Terra Australis bene cognita, что означает в переводе «Южная Земля хорошо известная». В планы Дрейка не входило заниматься исследованием этой земли. Он прошел Магеллановым проливом в Тихий океан и двинулся на север вдоль Чили, захватывая и грабя по пути встречные суда и разоряя испанские порты. Но его рукописная карта до сих пор хранится в Британском музее и говорит о том, что Френсис Дрейк считал, будто им открыт знаменитый Южный материк.

Френсис Дрейк составил карту, где южнее Магелланова пролива изобразил группу островов.

В начале XVII века поисками неведомой Южной Земли начинают заниматься голландцы. Некоторые голландские купцы, которые торговали с островами Малайского архипелага, то есть Индонезией, были очень заинтересованы в каком-нибудь новом пути к Островам Пряностей. Два пути — через Африку и Магелланов пролив, открытые к тому времени, — их не

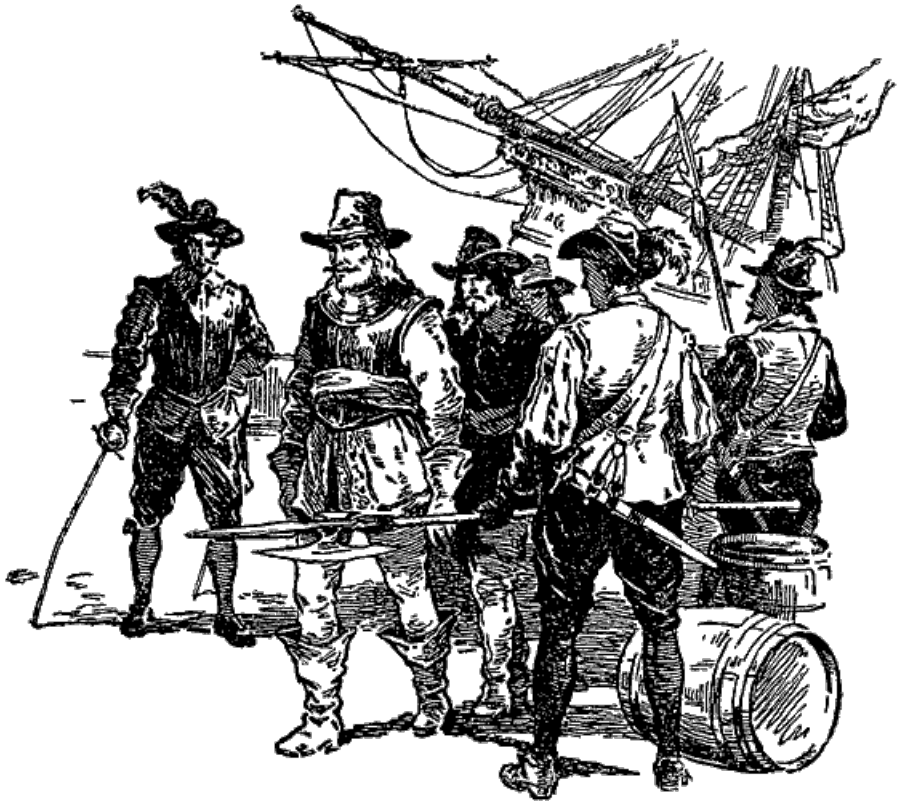
устраивали, так как почти целиком были во владении голландского торгового объединения, так называемой Ост-Индской компании. Ни один корабль без разрешения этой могущественной компании не имел права проходить мимо мыса Доброй Надежды и через Магелланов пролив.

В 1615 году амстердамский купец Лемэр организовал экспедицию. Она должна была найти новый путь в Тихий океан, обойдя Магелланов пролив. Кроме того, в ее планы входили поиски Южного материка. Во главе экспедиции был Виллем Скоутен. Сам Лемэр не поехал, а отправил в путешествие двух своих сыновей.

Мореплаватели миновали вход в Магелланов пролив и двинулись вдоль берегов Огненной Земли. Наконец перед ними открылся какой-то залив или пролив — этого они пока не знали. На западе он граничил с берегами Огненной Земли, а на востоке виднелись высокие снежные берега. О них не упоминал до тех пор еще ни один мореплаватель.

Скоутен и его спутники, не колеблясь, решили, что перед ними часть Южного материка. Они назвали его Землей Штатов в честь нидерландского парламента, называющегося Генеральными Штатами. Затем путешественники двинулись на запад, обогнули Огненную Землю с юга, назвав ее самую южную точку мысом Горн, и вышли в Тихий океан. Здесь они без особых приключений добрались до берегов Новой Гвинеи, которую тоже приняли за выступ Южного материка. Они были в полной уверенности, что Новая Гвинея тянется далеко на восток и соединяется с Землей Штатов, открытой ими южнее Америки. И так считали в Европе довольно долгое время, пока не установили, что Скоутен и его спутники видели лишь небольшой остров, покрытый снегом и ледниками.

От Новой Гвинеи Скоутен двинулся к острову Ява. Но там его ожидали большие неприятности. Администрация Ост-Индской компании не поверила, что экспедиция нашла новый путь из Атлантического океана в Тихий. Скоутена и его товарищей обвинили в том, что, вопреки запрету, они прошли Магеллановым проливом. Корабли Скоутена были конфискованы, а моряков отправили в Голландию.



Голландские мореплаватели на острове Ява были арестованы.

Скоутен и братья Лемэр были не первыми голландцами, пытавшимися найти Южный материк. В 1606 году их соотечественник Виллем Янсзон, плывя от Явы на восток, к Новой Гвинее, достиг берегов неизвестной суши. Вслед за Янсзоном другие голландские мореплаватели установили, что побережье этой суши тянется далеко на запад и юго-запад. Земля казалась обширной. Голландцы приняли ее за часть Южного материка и назвали Новой Голландией.

Действительно, земля голландских мореплавателей была совсем не похожа на все другие земли, которые путешественники принимали за Южный материк.

Чтобы окончательно выяснить размеры Новой Голландии и, по возможности, исследовать ее, в 1642 году с острова Ява, из города Батавии — теперь он именуется Джакартой (столица Индонезийской Республики), отплыла экспедиция Абеля Тасмана. Она двинулась на юг, а затем повернула на юго-восток и восток. Вскоре мореплаватели увидели остров. Тасман назвал его Вандименовой Землей в честь губернатора Голландской Индии Ван Димена. Впоследствии этот остров переименовали, и теперь

на всех географических картах он называется Тасманией.

Очень бегло осмотрев побережье Вандименовой Земли, Тасман продолжал плыть на восток. Спустя некоторое время путешественникам открылись берега еще какой-то земли, тоже уходящей далеко на восток. Тасман решил, что перед ним часть Земли Штатов, открытой Скоутеном.

Продвигаясь дальше на север, экспедиция достигла Новой Гвинеи и, обогнув ее с севера, возвратилась в Батавию.

Плавание Тасмана продолжалось год. За это время он обошел вокруг всю Новую Голландию, которая впоследствии была названа Австралией. Самое интересное, что никто из участников экспедиции ни разу не видел берегов Новой Голландии и не подозревал, что объехал ее кругом. Но хотя экспедиция Тасмана не подтвердила открытия голландцев, на картах того времени появились очертания нового материка.

Для острова эта земля, несомненно, была слишком велика. А для материка, уравновешивающего огромные массы суши Северного полушария, она казалась слишком малой. Примерно так думали мореплаватели и ученые в середине XVII столетия. К тому же, рассуждали они, Тасман и его спутники видели на востоке еще одну землю — Землю Штатов. Скорее всего это и была неведомая Южная Земля древних географов.

Конечно, тогда еще не было известно, что Земля Штатов — это западные берега Новой Зеландии, двух крупных островов, лежащих к востоку от Австралии. И поиски неведомой Южной Земли продолжались.

Всё южнее и южнее проникали корабли. Всё новые и новые экспедиции пересекали воды Индийского и Тихого океанов, надеясь отыскать загадочный материк. Открытие его сулило обогащение, и западноевропейские мореплаватели пускались в далекие плавания, не боясь лишений, голода, болезней, самой смерти. Но каждый поход голландцев, англичан, французов приносил новое разочарование. Никому не удавалось раскрыть тайну неведомой Южной Земли.

В 1738 году из французского порта Лориан вышли два корабля под командой Лозье де Буве. Они взяли курс на юг, туда, где незримо смыкались воды Атлантического и Индийского океанов.

После шестимесячных блужданий в океане мореплаватели увидели скалистый, покрытый снегом берег неизвестной земли. Буве поспешил отплыть на родину, чтобы сообщить торжественную весть об открытии им Южного материка. Но он тоже жестоко ошибался. Ему удалось открыть всего лишь небольшой остров, и по сей день носящий имя Буве.

В 1771 году из Франции отправились корабли, чтобы повторить маршрут Буве. Командовал ими Ив Жозеф де Кергелен.

Долго плыли его суда по пустынным водам океана. Но вот наконец на горизонте показались смутные очертания земли. Кергелен вообразил, что он достиг Южного материка. Вернувшись из плавания, он писал без всяких оснований: «Земли, которые я имел счастье открыть, по-видимому, образуют центральный массив Антарктического континента… Нет сомнения, что в ней будет найдено ценное дерево, минералы, рубины, драгоценные камни и мрамор».

Вскоре стало известно, что земля, открытая Кергеленом, — тоже незначительный остров и никаких драгоценностей там нет и в помине.

Казалось бы, все эти неудачи должны были охладить пыл искателей таинственной Южной Земли. А между тем многие ученые XVIII столетия продолжали упорно настаивать, что Южный материк существует. Возглавлял их английский географ Александр Дальримпль. Это были сторонники так называемого умозрительного направления в географии.

Повторяя мысль географов древней Греции и Рима, они утверждали, что на земном шаре распределение суши и воды не случайно и что Северное и Южное полушария должны находиться в равновесии. Чтобы доказать справедливость этой мысли, они приводили сведения о Земле Штатов, Новой Зеландии, островах, открытых французами в Индийском океане. Все эти земли в южной части Тихого, Индийского и Атлантического океанов ученые рассматривали как части единого Южного материка. Дальримпль даже подсчитал, что между экватором и 50° южной широты океан занимает площадь в восемь раз большую, чем суша. На основании этих подсчетов он утверждал, что южнее 50° южной широты должен быть расположен огромный материк.

Поэтому искатели Южной Земли не могли успокоиться, и по-прежнему одна флотилия за другой направлялись к южным широтам.

В 1768 году английское адмиралтейство решило снарядить экспедицию на поиски Южного материка. Сначала даже намеревались во главе ее поставить самого Дальримпля.

Англичане хотели первыми ступить на землю Южного материка и присоединить ее к владениям английской короны. Тогда им удалось бы укрепить свои позиции в Тихом океане. В Атлантическом и Индийском океанах они уже добились полного господства.

Кроме того, в руки англичан попали секретные испанские документы об открытиях Менданьи, Кироса и Торреса. Надо было

срочно воспользоваться этими документами, пока о них не узнали французы.

Английское адмиралтейство сохраняло в тайне истинные цели путешествия. Официально объявили, что экспедиция будет проводить на острове Таити в Тихом океане астрономические наблюдения. В тот год планета Венера должна была пройти по диску Солнца. Венера расположена к Солнцу ближе, чем наша Земля. Время от времени она, двигаясь по своей орбите, проходит между Солнцем и Землей. Тогда на солнечной поверхности появляется отражение Венеры в виде маленького черного кружочка. Это явление и называется прохождением Венеры по диску Солнца.

На острове Таити англичане производили астрономические наблюдения.

Астрономы думали с помощью этих наблюдений измерить расстояние от Земли до Солнца. Для этого следовало найти два места на земном шаре — одно в Северном, а другое в Южном полушарии, — которые находились бы друг от друга на расстоянии 180°, то есть половины окружности Земли. Такими местами оказались порт Варде в Норвегии и остров Таити в Тихом океане.

Проделав наблюдения в этих пунктах и произведя необходимые математические вычисления, можно рассчитать расстояние между Солнцем и Землей.

Этим важным делом английское адмиралтейство прикрыло настоящую цель путешествия.

Летом 1768 года судно под командой крупнейшего английского мореплавателя капитана Джемса Кука покинуло Лондон.

Кук был сыном бедного крестьянина. Ему пришлось пройти трудный путь, прежде чем он стал капитаном корабля. На этого способного, энергичного, но жестокого человека английское адмиралтейство возлагало большие надежды. Секретная инструкция, как говорил впоследствии Джемс Кук, предписывала ему: «По окончании астрономических наблюдений приступить к осуществлению плана открытий в Южном Тихом океане, идя на юг до 40° южной широты, затем, если я не найду никакого материка, идти на запад между 40° и 35° южной широты, пока не дойду до Новой Зеландии, которую мне было приказано исследовать; отсюда я должен был вернуться в Англию по тому пути, который я найду удобным».

Корабль Кука благополучно обогнул мыс Горн — южную оконечность Огненной Земли — и достиг острова Таити. Произведя там все необходимые астрономические наблюдения, Кук двинулся далее на запад. Больше месяца длилось плавание по пустынным водам Тихого океана. Сорок дней не видно было ни малейших признаков суши. Но вот появились птицы — предвестники долгожданной земли, а вскоре на горизонте начали вырисовываться очертания гор.

«Материк или остров?» — спрашивал себя Кук. Ему очень хотелось верить, что это был Южный материк. Желая удостовериться в этом, он повернул корабль на юго-запад и поплыл вдоль побережья. Иногда он высаживался на берег, вступая в стычки с местными жителями и безжалостно истребляя их, но в глубь земли пробраться не решался. Наконец корабль

вошел в большой залив, как показалось капитану Куку. Однако он скоро убедился в своей ошибке. Это был не залив, а пролив. Он отделял землю, которую обошел корабль, от какой-то другой земли, расположенной дальше к юго-западу.

Предположение, что экспедиция достигла Южного материка, рухнуло. Правда, оставалась надежда, что виднеющийся на юго-западе берег имеет какое-то отношение к Южной Земле. Это следовало немедленно проверить.

И снова корабль поплыл в юго-западном направлении. Перед глазами мореплавателей проходили зеленые склоны гор, живописные бухты… Внезапно корабль изменил курс. В чем дело? Дальше на юг земли не было. Судно повернуло вдоль берега на запад, затем на север и северо-восток. И снова путешественникам открылся пролив, которым они проходили, огибая северный остров.

Не Южный материк открыл Кук, а два острова, впервые обнаруженные Тасманом и названные Землей Штатов. Получалось так, что Кук вторично открыл Новую Зеландию.

Первое плавание Кука принесло большое разочарование сторонникам Дальримпля. Ни в Атлантическом, ни в Индийском, ни в Тихом океанах не было обнаружено признаков большой земли почти до 50° южной широты. Значит, в поясе умеренного климата Южного полушария материка не было.

Где же в таком случае его искать? Очевидно, только к югу от 50-й параллели. Большинство ученых XVIII столетия продолжало утверждать, что Южная Земля существует, но ее невидимые границы пришлось отодвинуть дальше на юг.

Поиски продолжались. Летом 1772 года английское адмиралтейство вторично снарядило экспедицию во главе с Джемсом Куком. Задача была сформулирована кратко и четко: во что бы то ни стало найти таинственный материк и провозгласить его собственностью английской короны.

На этот раз два корабля Кука направились в южные широты Атлантического океана, туда, где находилась открытая незадолго до этого Земля Буве. Северную оконечность этой земли, которую Буве назвал мысом Сирконсисьон, многие считали тогда выступом Южного материка.

К этому мысу и держали путь корабли Кука.

За 50-й параллелью путешественникам впервые встретились льды. Осторожно лавируя между отдельными льдинами и большими ледяными полями, суда медленно продвигались к югу. Шли дни, недели, но земли, открытой Буве, не было видно. Так в бесплодных поисках мореплаватели достигли 67° южной широты. Забираться еще дальше в глубь льдов, за Южный Полярный круг,

Кук не рискнул. Он повернул на север и двинулся к Новой Зеландии.

Сделав там небольшую передышку, экспедиция снова отправилась на поиски. Три месяца корабли бороздили волны Тихого океана в южных широтах. Один из кораблей побывал около островов Эспириту Санто. Кук переименовал их, назвав Новогебридскими. Кроме того, ему удалось открыть еще один остров, которому он дал имя Новая Каледония.

Во время этого плавания Кук опять попытался углубиться на юг. Как и в Атлантическом океане, путь кораблям преграждали льды. Начались снегопады. Мореплаватели достигли 71° южной широты, но, кроме льдов, ничего не встретили. Все плотнее теснились льды вокруг кораблей, все сложнее и опаснее становился дальнейший путь.

Корабли повернули и спешно направились в теплые широты. Они снова пересекли Тихий океан, проплыли мимо Новой Зеландии, обогнули Огненную Землю и через воды Атлантического океана вернулись на родину.

И эта экспедиция Кука не оправдала надежд английского адмиралтейства. Тайна Южного материка оставалась неразгаданной.

Однако Джемс Кук, возвратясь в Англию, заявил:

«Я обошел океан Южного полушария на высоких широтах и совершил это таким образом, что неоспоримо отверг возможность существования материка, который если и может быть обнаружен, то лишь близ полюса, в местах, недоступных для плавания… Я льщу себя надеждой, что задачи моего путешествия во всех отношениях выполнены полностью; Южное полушарие достаточно обследовано; положен конец дальнейшим поискам Южного материка, который на протяжении двух столетий неизменно привлекал внимание некоторых морских держав и был излюбленным предметом рассуждений для географов всех времен».

Капитан Джемс Кук пользовался в Западной Европе неоспоримым авторитетом. После его заявления западноевропейские географы и мореплаватели сочли возможным легенду о неведомой Южной Земле — Terra Australis incognita — сдать в архив.

Вскоре Кук совершил еще одно, третье путешествие. Во время этого путешествия он открыл Сандвичевы острова, которые ныне называются Гавайскими. Пребывание на этих островах оказалось для него роковым. Отважный капитан был убит местными жителями во время нападения их на команду английских кораблей. С большим трудом экипажам судов удалось взять у

туземцев тело своего командира. Похоронив своего капитана в море, последняя экспедиция Кука вернулась в Англию.

Минуло 40 лет. Наступило XIX столетие. На просторах Атлантического, Тихого и Индийского океанов появились корабли русского флота. Одна за другой уходили из Кронштадта кругосветные морские экспедиции. Жители Бразилии и Австралии, Нидерландской Индии и Китая впервые увидели у своих берегов корабли под русским флагом.

Многие русские мореплаватели — Крузенштерн и Лисянский, Головнин, Лазарев, Понафидин — совершали дальние морские переходы, открывали новые земли, обследовали неизученные области Тихого океана, обогащали науку ценными наблюдениями и исследованиями.

И вот во втором десятилетии XIX века мысли передовых русских мореплавателей обратились к таинственной Южной Земле. Не золото и пряности, не рабы и плодородные земли привлекали их мысли к таинственному Южному материку. Русские мореплаватели стремились завершить исследования южной части Индийского, Тихого и Атлантического океанов, исправить все неточности и ошибки, допущенные их предшественниками — испанцами и голландцами, англичанами и французами.

Передовых русских людей не удовлетворяло заявление Джемса Кука, что можно положить конец дальнейшим поискам Южного материка. Ведь огромные пространства вокруг Южного полюса оставались неисследованными. Если капитан Кук не смог преодолеть ледяные барьеры и проникнуть далеко на юг, то вовсе не значит, что какой-нибудь другой экспедиции это не удастся.

Русские мореплаватели всячески настаивали на длительной экспедиции к Южному полюсу.

«Путешествие, единственно предпринятое к обогащению познаний, имеет, конечно, увенчаться признательностью и удивлением потомства… Славу такого предприятия не должны мы допускать отнять у нас; она в продолжение краткого времени достанется непременно в удел англичанам или французам», — так писал Иван Федорович Крузенштерн, знаменитый русский мореплаватель, совершивший в 1803–1806 годах вместе с Юрием Федоровичем Лисянским первое русское кругосветное путешествие на кораблях «Надежда» и «Нева». И. Ф. Крузенштерн был самым горячим сторонником русской антарктической экспедиции.

После многих хлопот Крузенштерна и других русских мореплавателей правительство разрешило экспедицию.

4 июля 1819 года жители Кронштадта собрались на

набережной, чтобы проводить в далекое плавание к Южному полюсу два русских корабля: «Восток» и «Мирный».

«Вся пристань была унизана зрителями; все желали нам счастливого плавания, махали шляпами и кричали „ура“. Прокричав, в свою очередь, „ура“ и отсалютовав крепости, при ровном благополучном ветре мы быстро понеслись вперед», — описывает отплытие кораблей из Кронштадта мичман Новосильский, участник плавания.

Жители Кронштадта провожали в далекое и трудное плавание русские шлюпы.

Инструкция морского министерства, которую получили руководители экспедиции — капитан 2-го ранга Фаддей Фаддеевич Беллинсгаузен и лейтенант Михаил Петрович Лазарев, предлагала им проследовать в южные воды Атлантического океана, к островам Южная Георгия и к Земле Сандвича. Необходимо было исследовать эти острова и приложить все усилия, чтобы проникнуть возможно дальше на юг.

Кроме того, в этой инструкции, адресованной официальному начальнику экспедиции Ф. Ф. Беллинсгаузену, говорилось:

«Он (то есть Ф. Ф. Беллинсгаузен. — *С. У.*) употребит все возможное старание и величайшее усилие для достижения сколько можно ближе к полюсу, отыскивая неизвестные земли, и не оставит сего предприятия иначе, как при непреодолимых препятствиях.

Ежели под первыми меридианами (то есть в Атлантическом океане. — *С. У.*), под коими он пустится к югу, усилия его останутся бесплодными, то он должен возобновить свои покушения под другими, и не упуская ни на минуту из виду главную важную цель, для коей он отправлен будет, повторяя сии покушения ежечасно как для открытия земель, так и для приближения к Южному полюсу».

Далее в инструкции говорилось, что с наступлением зимы — а она бывает в Южном полушарии в июне, июле и августе, когда у нас лето — корабли должны вести исследования в более теплых водах Тихого океана. Но как только опять придет весна, экспедиция «снова отправится на юг, к отдаленнейшим широтам, возобновит и будет продолжать свои исследования по прошлогоднему примеру с таковою же решимостью и упорством и проплывет остальные меридианы для совершения пути вокруг земного шара, обратясь к той самой высоте, от которой отправилась, под меридианами Земли Сандвичевой».

Снабженные всем необходимым для дальнего и длительного путешествия, напутствуемые добрыми пожеланиями соотечественников, мореплаватели расстались с Кронштадтом.

Все участники экспедиции, включая матросов, отправились в это трудное плавание добровольно.

Через пять с лишним месяцев шлюпы «Восток» и «Мирный» были уже около острова Южная Георгия. Обогнув его с юга и уточнив координаты его побережья, корабли продолжали путь к Земле Сандвича.

Вскоре путешественники сделали первое открытие. Это был

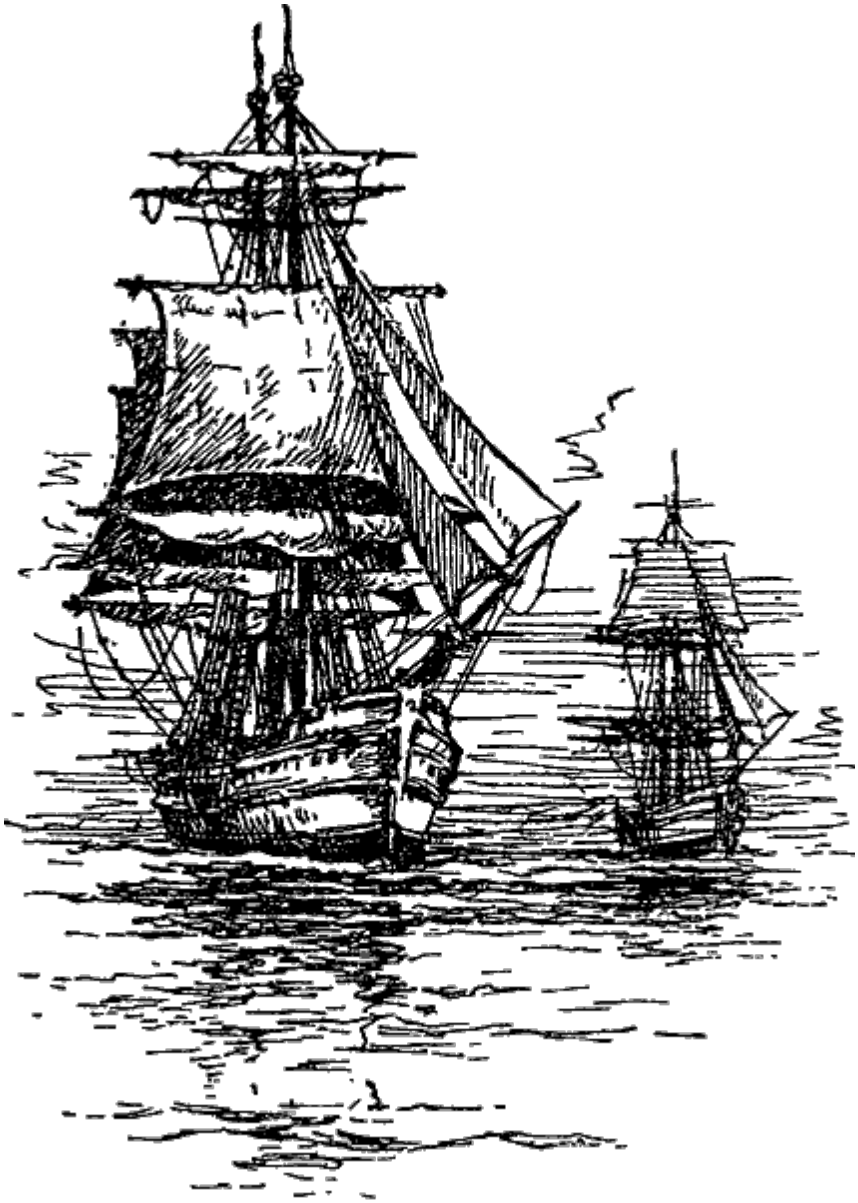
небольшой архипелаг, который назвали в честь тогдашнего морского министра де Траверсе. Отдельные же острова этого архипелага получили имена участников плавания: Завадовского, Лескова и Торсона. Правда, остров Торсона впоследствии был переименован в Высокий. Это произошло потому, что лейтенант Торсон участвовал в движении декабристов, и царь Николай I отдал приказ, чтобы его имя, как и имена всех других декабристов, нигде не упоминалось.

Земля Сандвича, к которой наконец подошли русские корабли, оказалась тоже целой группой островов. Оконечности этих островов Кук в свое время принял за выступы одной и той же земли и обозначил на карте, как мысы, дав каждому из них определенное имя.

Экспедиция произвела необходимые измерения и точно определила местоположение и размеры этих островов. Беллинсгаузен поправил Кука и переименовал Землю Сандвича в Южные Сандвичевы острова. Затем «Восток» и «Мирный» двинулись дальше на юг. Пора было приступать к выполнению основной задачи плавания.

Скоро встретились первые льды. Плыть сразу стало трудно. Приходилось то поворачивать назад к северу, так как мощные ледяные поля грозили раздавить хрупкие шлюпы, то идти к востоку в надежде отыскать свободный путь на юг.

Наконец кораблям удалось пересечь Южный Полярный круг, и 16 января 1820 года они подошли к полосе сплошных льдов. Дальше на юг пути не было. Бескрайное ледяное поле стало непреодолимой преградой. Горизонт был закрыт густым туманом. Непрерывно падающий снег еще больше ухудшал видимость.



Горизонт был закрыт густым туманом.

Как выяснилось потом, мореплаватели уже в те дни находились у самых берегов Южного материка. При иной, лучшей погоде они наверняка бы увидели ту его часть, которая теперь называется Землей принцессы Марты.

Однако шлюпы снова и снова подходили к кромке неподвижного льда, прежде чем наконец 8 февраля удалось заметить вдали снежные горы. Но мореплаватели еще не могли

быть твердо уверены в том, что это и есть Южный материк.

Трижды «Восток» и «Мирный» пересекали Южный Полярный круг, трижды упорно и решительно штурмовали ледяные барьеры Антарктиды, подходя почти вплотную к ее побережью. Не раз ледяные громады нависали над палубой, грозя вот-вот обрушиться. Узкие каналы между плавучими ледяными горами, куда смело устремлялись шлюпы, каждую минуту готовы были сомкнуться и раздавить их, как скорлупки. Все три раза, когда вот-вот должна была появиться земля, мореплаватели наталкивались на сплошную линию бесконечного ледяного поля.

Впоследствии подтвердилось, что и 16 и 21 января, и 5 февраля 1820 года путешественники были всего на расстоянии 20–30 миль от цели своего плавания — Южного материка. Они и сами чувствовали, что поблизости должна быть земля.

Мичман Новосильский писал в своем дневнике:

«Вокруг шлюпа летали птицы; мы видели одну эгмондскую курицу, а с 7 февраля появились небольшие дымчатые птицы вроде ласточек… Таких же птиц мы видели у острова Георгия; следовательно, нет сомнения, что близ 69° и далее к востоку должен находиться берег. Может быть, более счастливому будущему мореплавателю и столь же отважному, как наш начальник, вековые горы льда, от бури или от других причин расступившись в этом месте, дадут дорогу к таинственному берегу».

В трудах незаметно проходило время. Подоспела зима. Пришлось прервать поиски и переждать зимние месяцы в более теплых водах Тихого океана. Но решимость добиться своего и во что бы то ни стало увидеть Южный материк не оставляла смелых путешественников.

С наступлением весны, в конце 1820 года, Беллинсгаузен и Лазарев снова повели свои корабли к Южному Полярному кругу.

«Вот и начало давно желанному вторичному к Южному полюсу плаванию! — писал Новосильский. — Мы наперед знаем, что в больших широтах постоянными нашими спутниками будут льды, туман, снег, холод; не обойдется, конечно, и без бурь, но зато увидим много и любопытного: незаходимое солнце и в полдень, и в полночь озарит лучами своими кристальные острова и поля с ледяными кусками и глыбами, набросанные одни на другие в самых странных затейливых формах; может быть, увидим и берега, покрытые вечными снегами, окруженные ледяною стеною, которая венчает околополюсные[2] страны…»

Снова появились льды, опять сплошная стена дождя и снега закрыла горизонт, а белесый туман окутал шлюпы плотной пеленой. Плыть в таких условиях было невыносимо трудно и

опасно. Так продолжалось несколько недель. Наконец в начале января 1821 года шлюпам удалось углубиться к югу.

10 января, как пишет Новосильский, «…в 6 часов утра мы достигли самой наибольшей южной широты… Над нами летали ласточки и две эгмондские курицы; в воде, близ шлюпа, показался однажды какой-то черный зверь. Что все это значит? Цвет воды несколько изменился; ветер как бы нашептывал нам: „Берег! Берег!“ Недолго продолжалось недоумение. В исходе четвертого часа пополудни явилось во льдах черное пятно; в то же время шлюп „Восток“ делает сигнал, что видит землю. Мы подымаем ответ. „Берег! Берег!“ — повторяется всюду. Нельзя выразить радости, общего восторга. В это время из облаков блеснуло солнце, и лучи его осветили черные скалы высокого, занесенного снегом острова».

Из облаков блеснуло солнце и осветило черные скалы высокого, занесенного снегом острова.

В честь создателя славного русского военного флота остров назвали островом Петра I. Он имел в окружности 25 миль. Рядом виднелся еще один маленький островок, отделенный от первого узким проливом. К островам подойти не удалось: сплошной лед преграждал путь и не позволял приблизиться к берегу.

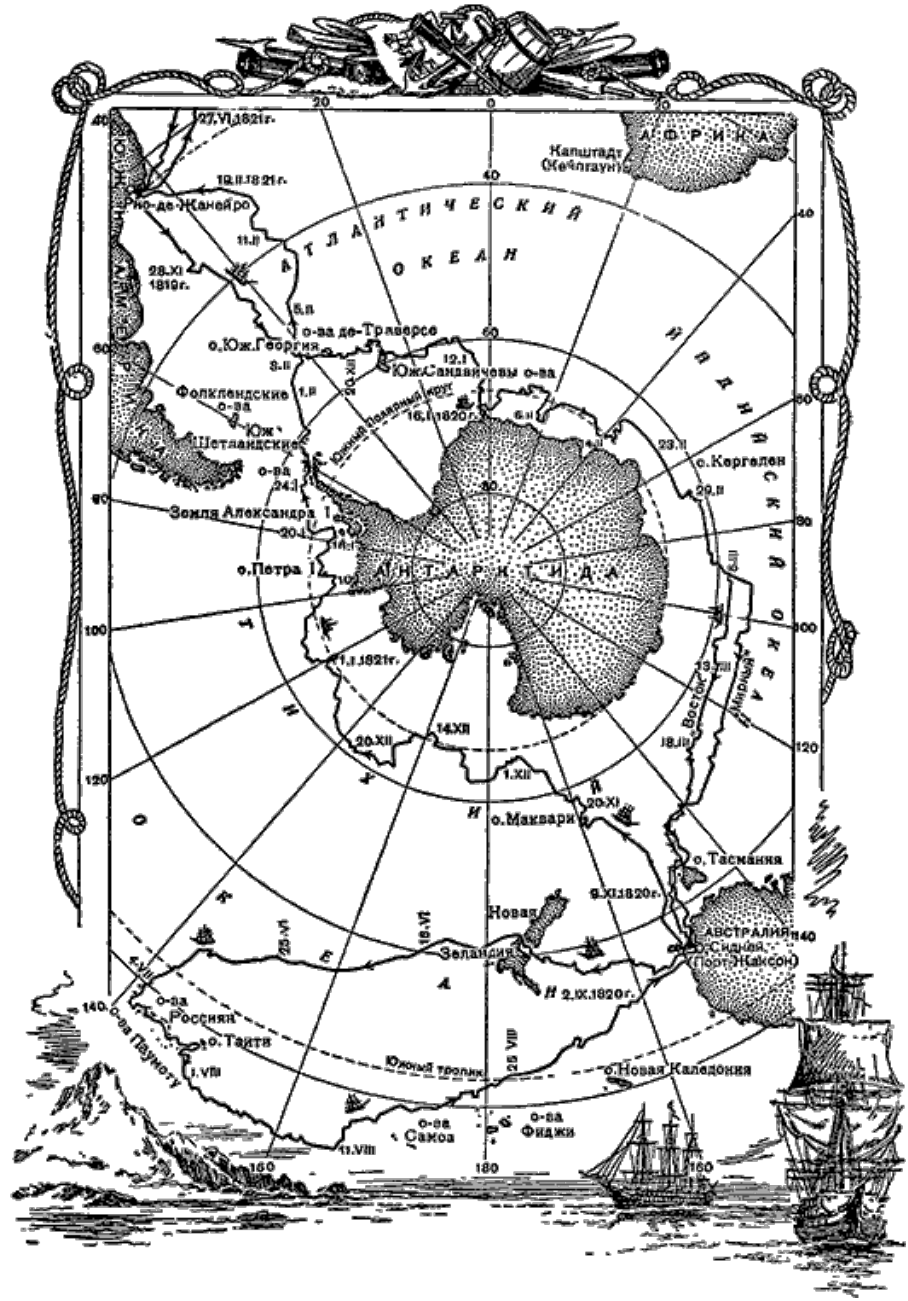
Воодушевленные открытием, мореплаватели двинулись дальше. 16 января опять появились признаки земли: снова цвет воды изменился, над кораблями пролетали ласточки и эгмондские курицы, попадались пингвины.

И действительно, на следующий день, 17 января, Лазарев, с рассвета поднявшийся на палубу и очень внимательно следивший за горизонтом, увидел очертания нового берега. На «Востоке» землю увидали в то же время и поспешили известить об этом экипаж «Мирного».

Границы земли, которую увидели обрадованные путешественники, терялись далеко за горизонтом. На юго-запад уходила цепь гор средней высоты, почти сплошь покрытых снегом и льдом. Берег Александра I — так назвали путешественники вновь открытую землю.

«Я называю обретение сие берегом потому, что отдаленность другого конца к югу исчезла за предел зрения нашего…

Внезапная перемена цвета на поверхности моря подает мысль, что берег обширен или, по крайней мере, состоит не из той только части, которая находилась перед глазами нашими», — писал Беллинсгаузен.



Карта Антарктиды с маршрутом экспедиции Беллинсгаузена — Лазарева.

Так оно и было в действительности: Берег Александра I (сейчас он именуется Землей Александра I) является неотъемлемой частью Антарктиды. Он отделен от нее лишь

незначительным узким проливом, круглый год скованным льдами. Открытием этого берега русская экспедиция окончательно подтвердила существование Антарктического материка. Мореплаватели не раз подходили к краю этого материка за время своего долгого, опасного плавания и своим маршрутом определили его примерные очертания. Мичман Новосильский с полным правом мог заявить:

«Русским предоставлена была честь впервые приподнять угол завесы, скрывающей отдаленный таинственный юг, и доказать, что за ледяною стеною, его опоясывающею, таятся острова и земли».

Так был открыт шестой и последний по счету материк земного шара. Русские мореплаватели достигли той земли, которая три столетия привлекала к себе внимание мореплавателей и ученых всего мира.

Исчезнувший материк

«Перед моими глазами расстилался мертвый город — груда развалин с рухнувшими крышами, обвалившимися стенами, опрокинутыми арками храмов, лежащими на земле колоннами.

Вдали на равнине высились развалины гигантского водопровода: ближе к подножию горы виднелись остатки величественного Акрополя, формы которого чем-то напоминали афинский Парфенон; там — отдельные, сохранившиеся участки набережной, уголки античного порта, служившего приютом торговым кораблям и военным триремам[3]; еще дальше — длинные линии обрушившихся стен — следы бывших улиц».

Что это? Дневник археолога, случайно обнаружившего остатки какого-то разрушенного древнегреческого города? Или, быть может, отрывок из записей путешественника, который, подобно нашему знаменитому соотечественнику Козлову, нашел развалины мертвого города? Ни то, ни другое.

Эти несколько строк взяты из хорошо всем известного романа Жюля Верна «80 000 километров под водой».

Кто не читал с захватывающим интересом этот увлекательный роман! Кто не путешествовал вместе с «Наутилусом» по подводным мирам морей и океанов! Кто не помнит приключений пленников капитана Немо! Им довелось за

время своего вынужденного подводного плавания побывать в Тихом и Индийском океанах, в Красном и Средиземном морях, у Южного полюса и в Атлантике. Они видели там множество чудес, познакомились с сокровенными тайнами морских глубин. И, конечно же, каждый вспомнит, что отрывок, приведенный выше, рассказывает о затонувшем материке — Атлантиде.

Материк на дне Атлантического океана! Существует ли он на самом деле или живое воображение талантливого писателя создало вымышленную историю? А может быть, Жюль Верн воспользовался старинной легендой или какой-нибудь научной гипотезой?

На эти вопросы отвечает сам автор романа. В основу своего рассказа он положил историю о существовавшем когда-то большом острове или материке, который назывался Атлантида.

Что же это за материк? И если он когда-нибудь возвышался над морем, то где именно? Был ли это действительно материк или всего-навсего остров? Каковы были его размеры, природные богатства, что за народ его населял? Наконец, откуда стали известны все подробности об Атлантиде, если она затонула многие тысячи лет назад?

Очень давно, в V–VI веках до нашей эры, в Греции жил знаменитый ученый Платон. Он оставил после себя много сочинений, написанных в форме диалогов. В одном из них, под названием «Тимей», Платон говорит, что его прапрадед Солон, один из величайших мудрецов древности, много странствовал по разным землям. Однажды Солон очутился в Саисе — городе, расположенном у главного, западного устья реки Нил (теперь этого города не существует).

Очень давно, еще до нашей эры, в Греции жил знаменитый философ Платон.

В Саисе Солон часто вел поучительные беседы с жрецами — служителями божества, которому поклонялись жители этого города. Как-то Солон рассказывал старейшему саисскому жрецу древнее предание из истории Афин. Жрец ответил великому мудрецу речью:

«О Солон, Солон, вы, эллины, дети и старца эллина нет… Все вы юны душою, потому что не имеете вы в душе ни одного старого мнения, которое опиралось бы на древние предания, и ни одного знания, поседевшего от времени. Вот и теперь, например, все, что ты рассказал, Солон, о ваших древних родах, мало чем отличается от детских побасенок… Вы не знаете, что в вашей

стране существовало прекраснейшее и совершеннейшее в человечестве племя, от которого произошли и ты, и все вы с вашим городом, когда оставалась от него одна ничтожная отрасль. От вас это утаилось, потому что уцелевшая часть племени в течение многих поколений сходила в гроб без письменной речи».

В Саисе мудрец Солон вел беседы с жрецами.

Не было ничего удивительного в словах престарелого жреца. Ведь египетская культура гораздо древнее греческой. В то время как египтяне уже писали на папирусе, грекам искусство письма было еще неведомо.

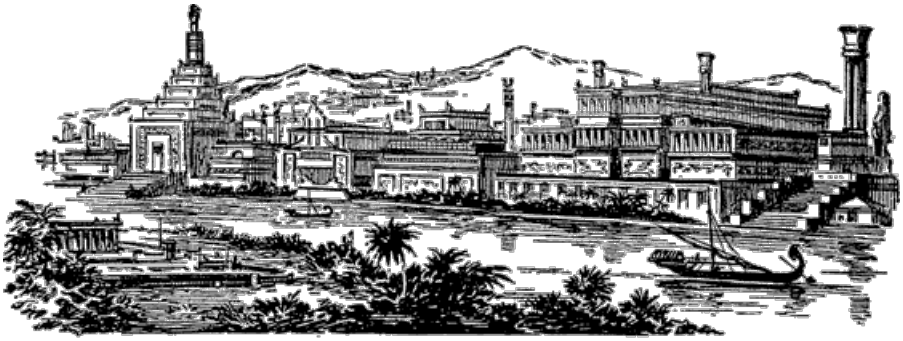
«Город ваш некогда обуздал, — продолжал жрец, — силу, дерзостно направлявшуюся разом на всю Европу и на Азию со

стороны Атлантического моря. Тогда ведь море это было судоходно, потому что перед устьем его, которое вы по-своему называете Иракловыми столпами, находился остров. Остров тот был больше Ливии и Азии, взятых вместе, и от него открывался плавателям доступ к прочим островам, а от тех островов — ко всему противолежащему материку, которым ограничивается тот истинный понт…[4] На этом-то Атлантидском острове сложилась великая и грозная держава царей, власть которых простиралась на весь остров, на многие иные острова и на некоторые части материка. Кроме того, они и на здешней стороне владели Ливиею до Египта и Европою до Тиррении. Вся эта держава, собравшись в одно, вознамерилась и вашу страну, и нашу, и все по сю сторону устья пространство земли поработить одним ударом. Тогда-то, Солон, воинство вашего города доблестью и твердостью прославилось перед всеми людьми. Превосходя всех мужеством и хитростью военных приемов, город ваш… наконец одолев наступающих врагов, торжествовал победу над ними… Впоследствии же, когда происходили страшные землетрясения и потопы, в один день и бедственную ночь вся ваша воинская сила разом провалилась в землю, да и остров Атлантида исчез, погрузившись в море. Потому и тамошнее море оказывается теперь несудоходным и неисследимым: плаванию препятствует множество окаменелой грязи, которую оставил за собой осевший остров».

В ожесточенном сражении с атлантами афиняне отстаивали свою независимость.

В другом диалоге Платона, под названием «Критий», старейший жрец рассказывает, что Атлантида была богата плодородными почвами, приносящими обильные урожаи злаков и всевозможных плодов. Густые, роскошные леса давали атлантам много древесины. Недра земли хранили орихалк — металл, очень похожий на латунь. Он считался в те времена самым ценным металлом после золота. В лесной чаще бродили различные животные и даже слоны. В озерах и реках было много рыбы. Атлантида, по рассказам того же старца, имела продолговатую форму и простиралась в длину на три тысячи стадий[5], а поперек — на две тысячи.

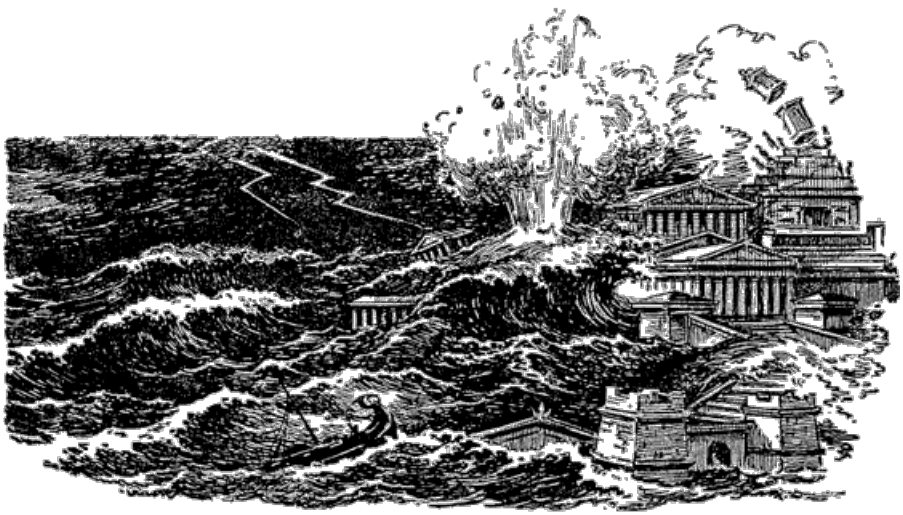
В центре Атлантиды лежала плоская равнина. Она со всех сторон была окружена горами, спускавшимися прямо к морю На равнине раскинулся город с прекрасными дворцами и храмами, а вокруг него простирались пашни, во многих местах перерезанные каналами. Каналы давали воду для орошения полей, когда выпадало мало дождей. Кроме того, по ним сплавлялся лес и ходили суда. Все это говорило о высокой культуре атлантов.



На равнине раскинулся город с прекрасными дворцами и храмами.

Солон запомнил беседы со старейшим жрецом Саиса и, вернувшись в Афины, рассказал об Атлантиде ученикам. Платон использовал этот рассказ в своих сочинениях. Так дошло до нас предание об Атлантиде — стране, внезапно скрывшейся в пучине моря.

Многие ученые с интересом читали рассказ Платона об Атлантиде. Иным он представлялся занимательной сказкой, одной из тех легенд, которых немало было в древности и в средние века. Им казалось невероятным, что десятки тысяч лет назад у почти первобытного народа существовала такая высокая культура. К тому же разве может огромный остров, чуть ли не материк, вдруг за одни сутки навсегда исчезнуть под водой? Нет, все это слишком неправдоподобно, и не стоит придавать этому серьезного значения.



В один день и бедственную ночь остров Атлантида исчез, погрузившись в море.

Так думали многие, и в том числе знаменитый немецкий географ Гумбольдт.

Других ученых глубоко интересовала история об Атлантиде. Они взвешивали каждое слово легенды, изучали все старинные предания, старались сопоставить самые разнообразные сведения, оставленные в рукописях современниками Платона. Чем больше стремились они добиться истины, тем сильнее убеждались, что рассказ Солона, переданный Платоном, — доподлинная быль. И ученые древнего Рима Страбон и Диодор Сицилийский, и современник и друг Вольтера француз Бальи, и известный немецкий палеонтолог XIX века Освальд Геер, и русские ученые А. С. Норов, А. Н. Карножицкий, Л. С. Берг, и многие другие исследователи не сомневались, что история Атлантиды не вымысел. Все они отмечали удивительное правдоподобие рассказа Платона об этом острове. История Атлантиды нисколько не походила на небылицы о разных фантастических землях и островах. В этих небылицах многое было явно преувеличено, наивно и сказочно. А в рассказе об Атлантиде все подробности выглядели очень убедительными.

Но прямых, неопровержимых доказательств существования Атлантиды не было. Тогда ученые попытались доказать это существование косвенным путем. Они решили выяснить, во-первых, могло ли в отдаленные времена, много тысяч лет назад, жить племя с высокой культурой. И, во-вторых, мог ли остров, подобный Атлантиде, во время землетрясения и потопа в одну ночь исчезнуть с лица земли, как рассказывает Платон.

Ответить на первый вопрос помогла наука археология, на второй — геология.

Археология дает возможность узнать, как жили люди многие сотни и тысячи лет назад, какой у них был государственный строй, культура, обычаи. При археологических раскопках ученые обнаруживают остатки давно исчезнувших с лица земли, когда-то разрушенных древних городов и поселений человека. Археологи находят орудия и украшения, домашнюю утварь и следы построек. По этим-то находкам и можно судить об образе жизни наших предков.

В 70-х годах прошлого столетия археолог Шлиман, производя раскопки холма Гиссарлык на полуострове Малая Азия, обнаружил следы какого-то древнего города. После тщательного изучения и исследования оказалось, что этот город не что иное, как остатки знаменитой Трои, воспетой замечательным поэтом

древней Эллады Гомером в поэме «Илиада».

Значит, Троя существовала! Значит, события, описанные в «Илиаде», не вымысел, как считали долгое время!

Раскопки Шлимана показали, что культурный уровень троянцев, живших много тысяч лет назад, был очень высок.

На раскопках древней Трои.

Точно так же были обнаружены следы высокой культуры древнейших государств Ассирии и Вавилонии, существовавших некогда в междуречье Тигра и Евфрата, там, где теперь находится государство Ирак.

Таким образом, на первый вопрос — могло ли многие тысячи лет назад существовать государство с высокой культурой — археология дала положительный ответ.

Без особого труда удалось ответить и на второй вопрос. Тут на помощь пришла геология — наука, занимающаяся изучением Земли. Геология помогает узнать, как изменяется поверхность Земли, что происходит в ее недрах, каково ее строение, где встречаются те или иные породы и минералы и как они образуются. Эта наука изучает прошлое Земли, рассказывает ее историю, раскрывает тайну развития жизни на Земле. И геология подтвердила, что обширный остров вполне может в короткий срок исчезнуть под водой.

На земном шаре есть немало мест, где происходят частые землетрясения. Они бывают и в нашей стране: в Закавказье, в Средней Азии, Забайкалье и на Дальнем Востоке — в районе

полуострова Камчатки и Курильских островов. А особенно много землетрясений случается на островах Тихого океана: в Японии, на Филиппинских и Алеутских островах, на тихоокеанском побережье Северной и Южной Америки. Довольно часто повторяются землетрясения в бассейне Средиземного моря: в Турции, на островах Греческого архипелага, у берегов Италии и в Атлантическом океане — у берегов Португалии, на Азорских островах.

В большинстве этих мест много действующих вулканов, нередко происходят извержения.

Случается, что во время сильных землетрясений или вулканических извержений появляются новые острова или внезапно исчезают старые, навсегда скрываясь в водах океанов и морей. Бывает и так, что довольно большие участки суши сильно поднимаются или опускаются. А иногда в результате всех этих явлений береговая линия совершенно изменяется.

Так в конце XVIII столетия в Алеутском архипелаге появился новый остров, получивший название Иоанн Богослов. В 1811 году в Атлантическом океане, в группе Азорских островов, возник новый остров Сабрина. А в 1831 году все узнали о появлении нового острова между Сицилией и африканским берегом.

В начале прошлого века на юго-западе Индии произошло сильное землетрясение. Много несчастий принесло оно населению тех мест.

Во время этого стихийного бедствия опустился огромный участок суши, и площадь почти в 4000 квадратных километров оказалась под поверхностью океана. Из воды торчали только верхушки самых высоких построек.

Во время землетрясения суша опустилась, города и селения оказались под водой.

А в 1822 году в Чили во время землетрясения побережье на протяжении 400 километров не опустилось, а поднялось на целый метр. Спустя же 30 лет, в 1853 году, это побережье, но на меньшем участке, поднялось еще на 8 метров.

Таким образом, нет ничего удивительного, что некогда существовал остров, который во время сильного землетрясения опустился на дно моря. И вполне естественно, что Платон, рассказывая о гибели Атлантиды, упоминает о сильных потопах, сопровождавших землетрясение. Известно немало случаев, когда могучие подземные толчки в океане вызывали волны огромной высоты. Достигая берегов, они затопляли города и села. При этом разрушались постройки и погибало множество людей.

Такое наводнение было, например, в 1755 году во время жесточайшего лиссабонского землетрясения. Волна высотой 10 метров нахлынула на столицу Португалии. Она двигалась неумолимо, смывая все на своем пути. Во время этого бедствия Лиссабон был разрушен и тридцать две тысячи его жителей погибло.

В то же время на юге Пиренейского полуострова, у города Кадис, высота этой волны была в три раза больше. Можно себе представить, какие огромные разрушения она принесла.

Эти случаи лишний раз доказывали, что Атлантида вполне могла существовать в действительности.

Но где же она находилась? В каких местах искать ее следы?

Узнать об этом можно было, только сопоставив все географические и мифологические названия, упоминающиеся в предании. Так и поступали различные исследователи. Однако они нередко приходили к совершенно исключающим друг друга выводам.

Многие ученые предполагали, что Атлантида находилась в Атлантическом океане. При этом они ссылались на Платона. Ведь он писал, что остров был расположен в Атлантическом море. Очевидно, Атлантический океан и Атлантическое море — одно и то же. Это был первый довод. Кроме того, Платон указывал, что Атлантида лежала перед Иракловыми, или Геркулесовыми, столбами. А что такое Иракловы столбы? Так, если верить словам древних, назывался Гибралтарский пролив. Значит, если остров находился перед проливом, то он лежал в Атлантическом океане. Это был второй довод. И, наконец, можно предположить, что впервые об Атлантиде заговорили финикийские мореплаватели. Они с давних времен пускались в далекие плавания за пределы Средиземного моря, достигали Канарских островов, Мадейры и, возможно, даже берегов Нового Света. Вполне может быть, что

Канарские острова в те времена не были разрознены, как сейчас, а вместе с Мадейрой и Азорскими островами составляли сплошной материк, занимавший значительную часть Атлантического океана. О нем финикийцы и могли рассказывать другим народам. А впоследствии, как и говорит Платон, произошли землетрясения. Материк почти полностью опустился на дно океана, остались только небольшие его осколки в виде нескольких островов.

Так думали многие исследователи.

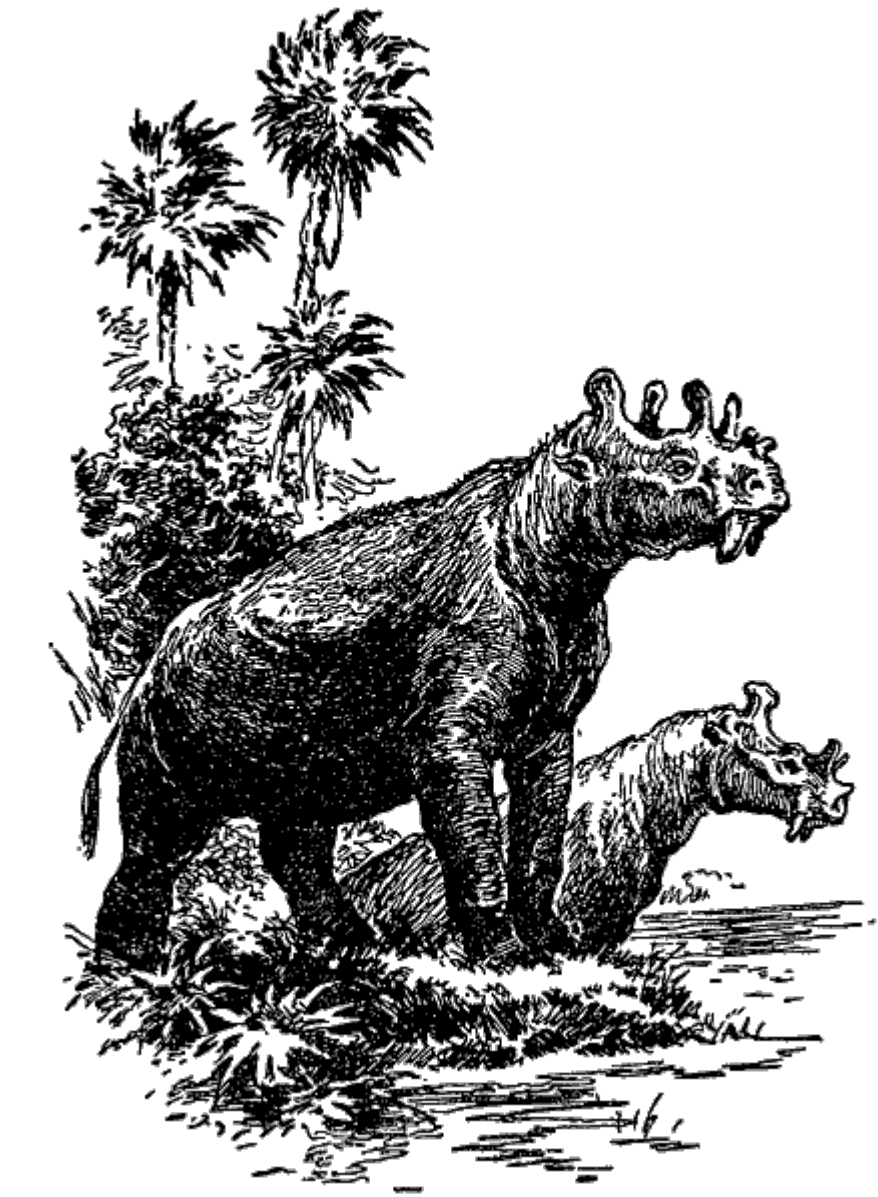
Другие ученые считали иначе. Немецкий ученый Освальд Геер после долгих размышлений и тщательного изучения различного материала пришел к интересному выводу. В сравнительно недавние геологические времена Европа и Америка не разделялись океаном, как теперь, а соединялись большим материком. Этот материк и был Атлантидой.

Карта предполагаемого местонахождения Атлантиды.

Свои рассуждения Освальд Геер основывал на геологии. При помощи геологии ученые выяснили, что на месте нынешних пустынь, иссушенных палящими лучами солнца, почти бесплодных, миллионы лет назад шелестели ярко-зеленой

лиственной буйные тропические леса. А там, где теперь холодный климат, в те времена царил зной.

В тех местах, где сейчас возвышаются горные хребты, когда-то, в очень давние времена, шумело море. И наоборот, там, где теперь на многие километры раскинулся океан, в далекой древности была суша. На ней росли гигантские деревья, причудливые кустарники и бродили диковинные, огромные животные.



В отдаленные геологические времена по земле бродили огромные диковинные животные.

После гибели этих животных их трупы не всегда полностью истлевали. Иногда они попадали на дно моря, реки или озера, покрывались там слоем ила, песка или глины. Мягкие части животных постепенно сгнивали или поедались обитателями водных глубин. Сохранялись только твердые части: скелеты, роговые оболочки, панцири, раковины. Замурованные в иле, песке или глине, эти остатки постепенно окаменевали и могли пролежать в земле многие тысячелетия.

Слой за слоем веками откладывались на дне различных водоемов осадочные породы. И в каждом слое были окаменелые остатки животных и растений, живших в то время, или их отпечатки. Со временем озера высыхали, реки меняли русло, моря отступали от берегов. Отложения, долгие века погребенные под водой, обнажались и делались доступными для изучения. В крутых обрывах гор геологи стали находить последовательно чередующиеся слои различных пород. Чем ниже лежали пласты, тем они должны были быть древнее, и наоборот. И в каждом пласте попадались такие окаменелости животных и растений, каких не встречалось в других пластах.

По этим-то окаменелостям и можно было судить о растительном и животном мире с той поры, когда на Земле только зародилась жизнь.

Со временем исследователи научились определять по окаменелостям, какой пласт появился раньше, какой позже. Это было очень важно, так как поверхность Земли, или земная кора, как ее иначе называют, за время своего существования много раз подвергалась всевозможным изменениям.

В одних местах на месте морей возникали горы, в других проваливались большие участки суши. В таких случаях пласты часто переворачивались, становились торчком. И поэтому нередко получалось, что более древняя порода оказывалась ближе к поверхности Земли, чем более молодая.

Сравнивая ископаемые остатки животных и растений на различных островах и материках, можно узнать, соединялись ли когда-нибудь эти острова или материки между собой. Например, на двух островах или материках оказываются окаменелости одних и тех же животных или растений. Это значит, что когда-то эти два острова или материка составляли одно целое, а постепенно, в результате каких-нибудь изменений земной коры, часть суши опустилась, и на ее месте образовалось море. Высокие места бывшей большой суши стали островами, а животные и

растения оказались изолированы друг от друга.

Ученые, занимающиеся изучением ископаемых остатков животных и растений, называются палеонтологами.

Освальд Геер тоже был палеонтологом. Он изучал растительный мир давно минувших геологических времен.

Сопоставив животный мир Европы и Северной Америки, Освальд Геер обнаружил, что и там, и здесь еще до ледникового периода жили мамонты, дикие лошади, мускусные быки. А в еще более древних пластах земной коры и в Европе, и в Северной Америке были найдены остатки растений — болотного кипариса, платана, секвойи — и окаменелые части гигантской лягушки и аллигатора.

Стало быть, решил Геер, оба материка должны были некогда соединяться между собой. К тому же между островами Ирландия и Ньюфаундленд было обнаружено подводное плато. Оно находилось на сравнительно небольшой глубине.

Освальд Геер пришел к твердому убеждению, что материк, соединяющий Европу и Северную Америку, и был той самой Атлантидой, о которой рассказывал Платон.

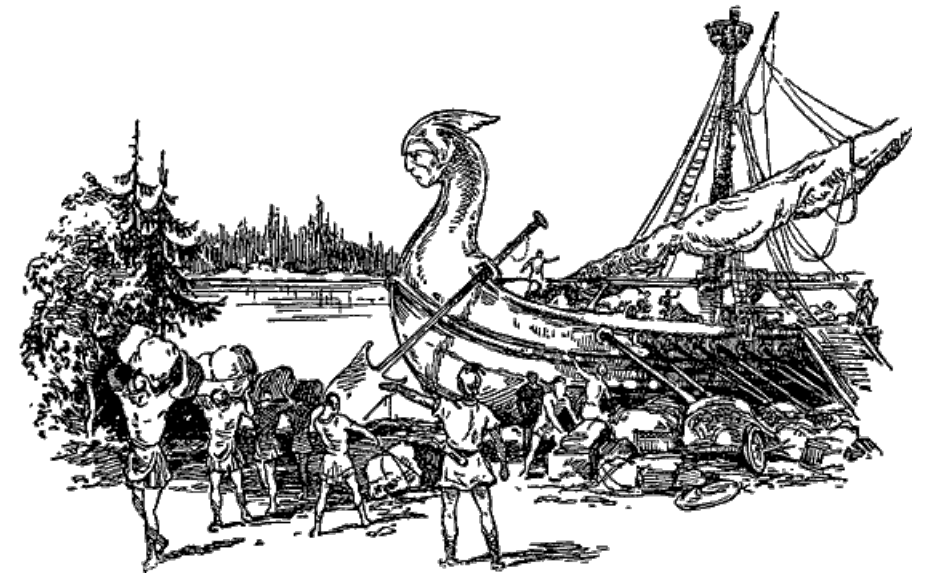
Многие ученые соглашались с Геером[6]. Гипотеза его казалась гораздо более обоснованной, чем, например, известное задолго до Геера предположение французского ученого Бальи, друга знаменитого французского писателя-просветителя XVIII века Вольтера. Письма Бальи к Вольтеру, посвященные Атлантиде, полны самой неуемной фантазии.

По совершенно необоснованному предположению Бальи, Атлантида очутилась в Северном Ледовитом океане. Она лежала будто бы примерно в тех местах, где на современных картах обозначен остров Шпицберген. Иракловы столбы Бальи без всяких оснований перенес в устье реки Оби, впадающей в Карское море.

Все это было явной выдумкой. Она понадобилась Бальи для того, чтобы хоть как-то обосновать свою фантастическую гипотезу, смысл которой заключался в следующем.

В те отдаленные времена, когда будто бы существовала Атлантида, климат на севере, где она лежала, был гораздо мягче, чем теперь. Но вот наступило похолодание. С севера начали надвигаться льды. Они отвоевывали все больше и больше места на острове. В конце концов стало так холодно, что атлантам пришлось покинуть свой остров. На специально построенных судах они двинулись на восток. Достигнув устья реки Оби, атланты высадились на берег и направились в глубь материка. Продвигаясь все дальше и дальше, они проникли в Китай, Индию, Иран, добрались до берегов Средиземного моря, Финикии и Египта. Некоторым удалось попасть и в другие, еще более

отдаленные страны.



Достигнув устья Оби, атланты высадились на берег.

Со временем атланты смешались с местными племенами и положили начало новым народностям с более высокой культурой. Таким образом, Бальи делал вывод, что атланты — родоначальники всех племен и народов, которым они принесли свою высокую культуру.

Конечно, Бальи был очень далек от истины. Совершенно ясно, что ни египетские жрецы, ни Солон, ни Платон не могли знать о существовании реки Оби. Их понятия о географии были еще слишком ограничены. К тому же никто из геологов не может подтвердить, что после ледникового периода на островах Ледовитого океана существовал более теплый климат, чем сейчас. Поэтому весьма сомнительно, чтобы там могло жить большое племя, да еще с такой высокой культурой.

Кроме того, Платон говорит, что Атлантида катастрофически быстро исчезла с лица земли. А Бальи утверждает, что она не исчезла, а покрылась ледниками, и происходило это довольно медленно. Полная необоснованность предположения Бальи очевидна. Мало кто принимал его всерьез.

Очень оригинальную и смелую гипотезу о местонахождении Атлантиды высказал в середине прошлого столетия русский ученый-путешественник Авраам Сергеевич Норов.

В статье «Исследования об Атлантиде», помещенной в Ученых записках Академии наук, он писал:

«Атлантида, по нашему предположению, занимала все пространство Средиземного моря от острова Кипр до Сицилии, возле которой на север было Тирренское море и Тиррения. Это пространство совершенно соответствует тому, которое Платон определяет для Атлантиды, а именно: 3000 стадий в длину и 2000 в ширину».

На первый взгляд это кажется неожиданным: при чем здесь Средиземное море, когда Платон ясно говорит об Атлантическом океане? Почему Норов считает, что остров занимал восточную часть Средиземного моря, когда у Платона определенно сказано, что он лежал против Иракловых столбов, то есть против Гибралтарского пролива?

Но все это кажется странным только на первый взгляд.

Авраам Сергеевич Норов, прежде чем высказать свое предположение, занялся тщательным изучением мифологии, так как мифы классической древности — это единственный источник сведений о жизни племен, когда-то населявших побережье восточной части Средиземного моря. В них часто встречаются географические имена и названия, которые до сих пор сохранились и в литературе, и на географических картах всего мира.

Норов решил исследовать, что подразумевали древние мифы под Атлантическим морем и Иракловыми столбами, откуда Платон взял эти названия, как они возникли, где говорится о них впервые.

После кропотливого изучения всех древних письменных источников Норов пришел к твердому убеждению, что Атлантическое море и Атлантический океан не одно и то же.

Оказалось, что в сочинениях греческих и римских авторов понятия Атлант, Атлас, Атлантия связывались с восточной частью Средиземного моря. Историк Плиний упоминал о племени атлантов, которое было известно в Ливии. Другие древние авторы рассказывали, что в глубокой древности Атлантией, или иначе Аэрией, называлась вся обширная территория, занятая теперь Египтом, Суданом и Эфиопией. В некоторых сочинениях и мифах имя Атласа, родоначальника племен атлантов, упоминалось, как правило, в связи с Азией. В одних рукописях говорилось, что Атлас был сыном нимфы Азии; в других, что нимфа Калипсо, остров которой лежал недалеко от берегов Малой Азии, была дочерью Атласа.

Только значительно позднее, по мере того как эллинам становились знакомы берега западной части Средиземного моря, имя Атласа проникало все дальше на запад. Наконец оно достигло Гибралтарского пролива, и горы Северной Африки

стали называться Атласскими.

А. С. Норов решил узнать, что подразумевал Платон под Иракловыми столбами — Гибралтарский пролив или что-нибудь другое?

Иракл, или Геракл, был величайший из мифических героев древней Греции (римляне называли его Геркулесом). Как рассказывают мифы, он совершил двенадцать необычайных подвигов, после чего боги даровали ему бессмертие.

Греки наделили своего любимого героя нечеловеческой силой. Недаром теперь слово «Геркулес» обозначает сильного, богатырски сложенного человека.

Когда Геракл еще лежал в колыбели, невзлюбившая его богиня Гера подослала двух больших змей, чтобы они его задушили. Каково же было изумление окружающих, когда они увидели в руках младенца Геракла задушенных им змей!

Геракл, как рассказывают мифы, в одну ночь разобрал каменную стену, повернул в сторону течение реки и очистил огромные конюшни царя Авгия, которые никогда до того не убирались. Совершая свой очередной подвиг, Геракл спустился в подземное царство бога Плутона, связал там трехглавого пса Цербера, охранявшего вход в ад, и поднял его на поверхность земли. В другой раз Геракл в единоборстве победил могучего великана Антея. Во время своего последнего подвига Геракл должен был достать золотые яблоки из садов дочерей Солнца Гесперид. А в том краю, по преданию, находился титан Атлас, осужденный за неповиновение богам вечно держать на своих плечах небесный свод.

В подземном царстве бога Плутона Геракл одолел страшного трехглавого пса Цербера.

Титан Атлас в наказание за неповиновение был навечно осужден поддерживать небесный свод.

Здесь кончались странствия Геракла. Это место и получило название Геракловых столбов или столбов Геркулеса.

Где же находился предел странствий Геракла?

При изучении трудов древних ученых и старинных легенд оказалось, что этот вопрос решался по-разному. В одних источниках говорится, что Ирakловы столбы — это Гибралтарский пролив. В других предполагается, что они

находятся в Скифии, в третьих — в Индии. А в более древнюю эпоху столбами Геракла именовали главное (западное) устье Нила. Оно называлось устьем Геракла. Здесь стоял город Ираклеум, или Гераклея. В нем в честь Геракла был воздвигнут храм и совершались жертвоприношения.

В то же время многие древние ученые называли столбами Геркулеса скалы при выходе из Босфора в Черное море. Норов присоединился к этому мнению. При этом он сослался на предание седой древности, рассказанное ученым-эллином Дионисием Милетским. В предании говорилось, что путь Геракла лежал не из Европы в Азию, а из Ливии в Европу, то есть, как полагал А. С. Норов, из Средиземного моря в Черное.

Придя к выводу, что Атлантическое море — это восточная часть Средиземного моря, а Иракловы столбы — скалы Босфора, А. С. Норов предположил, что расположенный в этом районе моря остров Кипр и есть остаток Атлантиды. По гипотезе А. С. Норова, Атлантида некогда занимала все пространство нынешнего Средиземного моря между Малой Азией, Сирией и Египтом, заканчиваясь на западе, у Апеннинского полуострова. Скорее всего, она соединялась с материком. Это подтверждают найденные еще в XVI столетии на острове Крит разновидности каменного барана, точь-в-точь похожие на разновидность этого барана, встречающуюся на Синайском полуострове. Синайский полуостров находится между Суэцким каналом, соединяющим Средиземное море с Красным, и Аравией. Каменный баран мог оказаться на Крите только в том случае, если этот остров в прошлом был соединен с Азией.

Кроме того, в сочинениях римского ученого Плиния упоминается о былом соединении Кипра с материком. Позднее, в средние века, о том же писал знаменитый арабский писатель Масуди и другие арабские авторы.

Дальше А. С. Норов рассуждает так. У Платона сказано, что Атлантида внезапно исчезла под водой из-за сильнейших землетрясений и наводнений. Очевидно, она находилась в такой области, где активно действовали вулканы. И действительно, в восточной части Средиземного моря и сейчас много действующих вулканов, в особенности на островах у берегов Греции, Турции и Италии.

Очевидно, Атлантида находилась в области активной вулканической деятельности.

Другой наш соотечественник, геолог А. Н. Карножицкий, полностью согласился с гипотезой А. С. Норова, сделав только некоторые уточнения. Он посвятил этому специальную статью, напечатанную в последние годы прошлого века. В этой статье А. Н. Карножицкий постарался еще убедительнее обосновать предположение Норова. Для этого он воспользовался всеми новейшими данными науки, какие только могли ему помочь.

Вот что писал Карножицкий:

«Если известие Платона не есть сказка, если его Атлантида не могла быть на месте нынешнего Атлантического океана или в пределах Ледовитого, то где же мог находиться этот загадочный остров, некогда несомненно существовавший и впоследствии несомненно исчезнувший?..

…Единственный ответ на этот вопрос дал Норов, а именно: Атлантида Платона находилась в восточной части современного Средиземного моря.

И действительно, все говорит в пользу этого простого и естественного предположения.

Непрерывные содрогания почвы, и по сию пору каждую минуту ощущаемые в Греции и соседних вулканических областях, заставляют предполагать здесь возможность крупных геологических переворотов как для грядущих времен, так и во времена, давно прошедшие.

Строгая критика географических указаний древних авторов и, в частности, указаний Платона приводит нас к заключению, что Атлантида лежала между Малой Азией, Сирией, Ливией и Элладой в пределах открытого моря Средиземноморского бассейна и притом вблизи главного западного устья Нила (столбы Геркулеса).

Читая внимательно Платона, невольно приходишь к представлению, что владения царя Атласа расположены были как бы в центре культурного древнего мира, что Атлантида лежала одновременно против Эллады, Малой Азии и Ливии, — иначе египетские жрецы не стали бы сравнивать Атлантиду по размерам с Малой Азией и Ливией.

Только у египетских жрецов сохранилось предание об Атлантиде. Не свидетельствует ли это, что исчезнувший остров расположен был к Египту особенно близко?

Наконец, положение острова находится в полном соответствии с указанными Платоном размерами Атлантиды, хотя, конечно, возможно предполагать, что эти размеры являются несколько преувеличенными».

Лишь в одном Карножицкий не соглашался с Норовым. Последний подразумевал под столбами Геракла скалы Босфора. А ведь гораздо естественнее было предположить, что Платон, говоря о столбах Геракла, имел в виду главное, западное устье Нила. Жрецы города Саиса скорее всего знали именно об этих Геракловых столбах. Саис лежал совсем недалеко и от западного устья Нила, и от города Гераклеи, по преданию основанного самим Гераклом. К тому же жрецы Саиса вряд ли когда-нибудь бывали далеко за пределами своего города, и возможно, что они

даже и не слышали о существовании Гибралтарского пролива и Босфора.

Продолжая развивать мысль Норова, Карножицкий искал новых подтверждений ее верности. С помощью геологии ему удалось узнать, что в восточной части Средиземного моря действительно был когда-то крупный остров, а может быть, архипелаг островов, впоследствии опустившийся на дно.

Изучая берега восточной части Средиземного моря, геологи обнаружили очень интересные явления. Оказалось, что все пласты пород, состоявших из пресноводных отложений, или горизонтальны, или имеют слабый наклон в сторону открытого моря. Это было замечено на берегах Малой Азии и на островах Родос и Крит.

Где же в таком случае эти пласты кончались? Очевидно, они продолжались уже под водой, на дне моря. Но пласты эти образовались пресноводными озерами, которые существовали здесь еще до ледникового периода.

Значит, там, где теперь море, в те времена была суша. Ученым удалось даже установить, что это происходило в конце третичного периода. Средиземное море выглядело тогда совсем не так, как сейчас: вместо обширных водных пространств в его восточной части протянулся только длинный узкий рукав. Эгейского моря не было. Не существовало и проливов Босфор и Дарданеллы, которые теперь соединяют Средиземное море с Черным. На их месте лежала суша. Там, где теперь острова Сицилия и Мальта, далеко к северу выступал сплошной африканский берег.

С тех пор прошло больше миллиона лет. Несколько оледенений сменили друг друга. Наступила межледниковая эпоха, предшествующая последнему оледенению. В эту эпоху появился на Земле человек. Тогда же произошли крупные геологические изменения.

Наступила межледниковая эпоха, когда впервые на Земле появился человек.

Земная кора колебалась. В одних местах суша поднялась, в других — опустилась. Именно в это время опустилась и восточная часть Средиземного моря, бывшая ранее сушей. Сицилия и Мальта отделились от Африки и превратились в острова.

Образовалось Эгейское море, которое соединилось с Черным. Около того места, где Норов и Карножицкий предполагали существование Атлантиды, возникли провалы земной коры. Они заполнились водой и образовали Красное море, Мертвое море и цепь крупных озер Африки.

Геологи, изучавшие острова Греческого архипелага и южную оконечность Балканского полуострова, обнаружили несколько больших трещин, по которым опускалась суша. Такая громадная

трещина огибает все Кикладские острова и идет дальше, к Коринфскому перешейку, соединяющему полуострова Пелопоннес и Балканский.

Еще более крупная трещина пересекает Балканский полуостров, касается нескольких островов, идет мимо острова Родос и уходит в открытое море в сторону Суэцкого перешейка и Красного моря.

Все эти геологические исследования лишний раз подтверждали правильность предположения Норова. Однако Карножицкий не удовлетворился этим. Он продолжал искать новые, еще более убедительные доказательства.

Кто не знает, что с приближением зимних холодов пернатые покидают северные края и улетают в южные страны. Они преодолевают долгий и опасный путь, чтобы перезимовать там, где греет солнце и где им не грозит опасность погибнуть от стужи.

Во время перелета в жаркие края многие птицы, улетающие из европейских стран, пересекают Средиземное море. Легко сказать — перелететь через Средиземное море, если негде опуститься и передохнуть. Тут недолго и погибнуть. И действительно, немало пернатых гибнет ежегодно при этих трудных перелетах.

Но большинство птиц все же благополучно совершает путешествие. При этом люди заметили, что перелеты птиц происходят не беспорядочно, в любых местах Средиземного моря, а только в трех совершенно определенных пунктах: через Гибралтарский пролив, через Сицилию и Мальту и через острова Крит и Кипр.

Карножицкий, обращая на это особое внимание, говорит:

«Спрашивается, какие же причины вызывают столь опасные путешествия именно через море, когда безопаснее было бы переправляться в Африку через материк, почему, далее, перелет постоянно происходит в определенных пунктах? И невольно является мысль, что подобные путешествия представляют собой наследие давно минувших эпох, когда в указанных трех пунктах существовало еще соединение Европы и Африки с твердой землей и когда перелет этот именно здесь еще не был сопряжен с опасностями».

А если так, считает Карножицкий, то можно предположить, что некогда острова Крит и Кипр были гораздо больше, чем теперь, и заполняли собой, по-видимому, почти всю восточную часть Средиземного моря.

Кроме того, Карножицкий говорит о большом сходстве растительности и животного мира южного побережья Европы и

Северной Африки.

Чем объяснить, что на острове Крит были найдены ископаемые остатки гиппопотамов? Откуда, каким образом попали сюда такие крупные животные, для существования которых необходимы обширные озера или реки?

Остров Крит при современных его размерах никак не мог иметь ни больших пресноводных озер, ни крупных рек.

Стало быть, заключает Карножицкий, нет никаких сомнений, что когда-то в восточной части Средиземного моря был остров значительно больших размеров, чем Крит. Впоследствии он опустился под поверхность моря и исчез навсегда.

Как давно он исчез? Платон говорит, что это произошло 10 тысяч лет назад, и, по мнению Карножицкого, нет никаких оснований в этом сомневаться.

Ведь восточная часть Средиземного моря и в прошлом и теперь подвержена частым землетрясениям и сильным вулканическим извержениям. Так что внезапное опускание суши в море могло здесь повторяться несколько раз. А уже под водой это опускание могло продолжаться не так резко, а постепенно в результате вековых колебаний земной коры. Карножицкий подсчитал, что если в среднем за столетие суша опускалась на метр, то за 10 тысяч лет она находилась бы уже на глубине 100 метров. А так как Атлантида затонула много тысяч лет назад, то неудивительно, что ее остатков нигде не удается обнаружить — слишком глубоко опустилась она на дно моря.

«Итак, — делает вывод Карножицкий, — много тысяч лет тому назад существовало… вблизи Европы, Азии и Африки гордое и могучее племя атлантов, от которых произошли многие народы, населявшие берега Средиземного моря, и культура которого далеко превосходила культуру древнейших греков, троянцев, египтян. Атланты обитали на обширном острове, размерами почти не уступавшем современной Франции, а также на соседних небольших островах, с которых можно было перебраться в Элладу, Малую Азию и Египет. Атлантида и ее архипелаг находились… в области сильных вулканических извержений и землетрясений. Вероятно, постоянные вулканические содрогания почвы, а быть может, и быстрые вулканические опускания различных участков Атлантиды в море заставили атлантов усомниться в безопасности своего местожительства и побудили их с оружием в руках эмигрировать на более надежные берега прилегающих континентов. Смущенные мрачными явлениями вулканизма, или „гневом богов“, и не подготовленные как следует к войне, они были разбиты греками и не успели в своем намерении переменить территорию

жительства. После сильного землетрясения в один или несколько быстро следующих один за другим приемов Атлантида вся погрузилась в море, и вместе с ней исчезли как все племя атлантов, так и грандиозные памятники высокой культуры великого народа.

Будем надеяться, что когда-либо подводный корабль „Наутилус“ даст нам возможность детально исследовать дно Средиземного моря и открыть там хотя бы ничтожные следы высокой культуры атлантов. Быть может, осадки реки Нила не успели еще окончательно закрыть от нас величественные развалины дворцов Атлантиды и высокие колонны Посейдонова храма…»

Покойный президент Географического общества Союза ССР академик Лев Семенович Берг склонен был разделять мнения Норова и Карножицкого. При этом он считал, что рассуждения Норова более убедительны. По предположению Берга, Атлантида должна была находиться в Эгейском море к югу от Крита. Вполне возможно, писал он, что Атлантида Платона соответствовала древнему материку Эгеиде, осколки которого сохранились в виде отдельных островов Эгейского моря — Крита и многих других.

Единственным, но достаточно серьезным возражением Норову и Карножицкому могло послужить только одно. От геологических изменений в районе Средиземного моря нас отделяют не 10 тысяч лет, а неизмеримо больший промежуток времени. А в столь отдаленные времена никак не могло существовать племя с такой высокой культурой, как у атлантов.

Если бы не это соображение, можно было бы вслед за Карножицким выразить надежду, что когда-либо удастся совершить путешествие на дно Средиземного моря для поисков затонувшей Атлантиды. И не только совершить путешествие, но и произвести археологические раскопки на дне моря и отыскать остатки величественных дворцов и храмов.

А впрочем, может, в этом и нет никакой необходимости? Ведь можно также допустить, что Атлантида не затонула, а по сей день благополучно возвышается над морской поверхностью. На такую мысль невольно наводят успехи археологии. Подобно тому как Шлиман обнаружил следы Трои на полуострове Малая Азия, другие археологи в результате многочисленных раскопок на острове Крит сумели воссоздать его историю, открыли науке богатства его древней культуры. И что самое любопытное, некоторые из ученых-археологов обратили внимание на очень большое сходство между Платоновой Атлантидой и Критом в период его расцвета. Тогда, то есть приблизительно 3–3,5 тысячи лет назад, Крит был мировой державой. Платоновское описание

города на Атлантиде, его дворцов, храмов, водопровода, каналов, многочисленных верфей и гаваней на побережье удивительно напоминает главный город Крита Кносс, резиденцию царя Миноса, найденную учеными-археологами на Крите.

Почему не предположить, что Крит и Атлантида — одно и то же? Вполне возможно, что Атлантида-Крит только частично скрылась под водой во время землетрясений, а не полностью, как говорил Платон.

Землетрясения на Крите несомненно были. Науке это известно. Последствия этих землетрясений оказались гибельными для многих городов Крита, так и не восстановленных из руин. Почему же не предположить, что именно эти землетрясения имел в виду Платон, описывая гибель Атлантиды? Быть может, в этом и кроется разгадка тайны Атлантиды, и следы ее древней культуры не к чему искать на дне Средиземного моря или Атлантического океана.

Однако все это пока предположения. А сегодня еще никто не может сказать с полной определенностью, существовала ли в действительности Атлантида, и если да, то где она находилась.

Будем надеяться, что новые успехи науки и техники помогут наконец решить загадку, которая волнует человечество уже многие тысячи лет.

История одного пролива

Теперь каждому известно, что Азия и Северная Америка отделяются друг от друга. Между ними находится Берингов пролив, соединяющий Тихий океан с Северным Ледовитым. А еще сравнительно недавно, всего два столетия назад, никто не мог сказать этого точно. В то время не было ни одного путешественника, который заплывал бы так далеко на север из Тихого океана. И ни один русский землепроходец не добирался еще до Камчатского или Чукотского полуостровов и не исследовал берегов теперешнего Берингова пролива.

Однако на географических картах между Азией и Северной Америкой издавна изображался пролив и стояло его название: Анианский.

Откуда же узнали о существовании пролива, если по нему никто не плавал, никто не побывал на его берегах? И почему его сначала назвали Анианским, а потом переименовали в Берингов?

Знаменитый немецкий картограф Ортелий издал в 1570 году атлас, ставший широко известным во всем мире.

Немецкий картограф Ортелий издал географический атлас, ставший вскоре широко известным.

В своем атласе, там, где воды океана омывают берега Азии и Америки, Ортелий изобразил широкий пролив, разделяющий эти два материка. В северной части пролива он нарисовал корабль и поставил надпись: Stretto di Anian, что значит «Анианский пролив».

Откуда же Ортелий заимствовал очертания Анианского пролива?

Карта Сибири (Татарии), изданная Ортелием.

Очевидно, при составлении своего атласа он пользовался какими-то картами. Удалось обнаружить, что незадолго до

Ортелия другой известный немецкий картограф, Меркатор, издал карту мира, на которой в северной части Тихого океана тоже был изображен Анианский пролив. Возможно, Ортелий использовал для своего атласа именно эту карту.

Но тогда откуда Анианский пролив появился на карте Меркатора?

Оказалось, еще в 1566 году в Венеции была издана карта, где Анианский пролив изображался впервые. При этом автор карты ссылался на другого венецианского картографа, Гастальди, который якобы на своей карте у восточной границы Азии изобразил пролив Аниан.

Карта Гастальди, к сожалению, не дошла до нас. Эта карта была приложена к книге, тоже не сохранившейся. Но книгу Гастальди видели и на нее ссылаются многие исследователи. По их словам, Гастальди упоминает в своей книге об Анианском проливе.

Очевидно, первая дошедшая до нас карта с очертаниями Анианского пролива была или скопирована с карты Гастальди, или составлена по его описанию.

Но почему же все-таки Гастальди решил, что Азию и Америку разделяет пролив, называющийся Анианским?

Над этим вопросом долгое время думали многие историки и географы. Было написано немало книг, в которых высказывались самые разнообразные предположения. Убедительнее всего об этом писал известный советский ученый Лев Семенович Берг.

Как известно, в начале XVI столетия Магеллан совершил свое первое кругосветное плавание и открыл пролив, соединяющий Атлантический океан с Тихим. Это было важное открытие, подтверждавшее шарообразность Земли.

После этого некоторые мореплаватели и ученые стали высказывать предположение, что, если на юге Американского материка есть пролив, подобный ему пролив должен быть и на севере. Их доводы напоминали гипотезу древних греков и римлян о большой суше в Южном полушарии, которая должна уравновешивать огромные материковые массы Северного полушария.

Свои рассуждения эти мореплаватели и ученые не подкрепили никакими фактическими доказательствами.

Однако это не помешало появиться на картах проливу, соединяющему Тихий и Северный Ледовитый океаны. И даже нашлись люди, распространяющие слухи, будто они плавали по этому проливу. Впрочем, их рассказы были слишком неправдоподобны. Так, например, один из таких «путешественников», адмирал де Фонте, утверждал, что он

проплыл насквозь Анианским проливом и попал прямо в Гудзонов залив, минуя Северный Ледовитый океан. Даже неискушенному человеку сразу становится ясно, что это вымысел. Но так или иначе, Анианский пролив изображался на картах между Азией и Америкой.

Почему же этот пролив назывался Анианским?

Удалось установить, что в книге Гастальди, не дошедшей до нас, сообщалось об Анианском проливе, заливе Хейнан и море Манги, которые являлись восточной границей Азиатского материка.

Откуда почерпнул Гастальди такие сведения? Очевидно, кто-то из путешественников побывал в те отдаленные времена у берегов Восточной или Юго-Восточной Азии.

И действительно, Марко Поло, знаменитый соотечественник Гастальди, еще в XIII веке совершил сухопутное путешествие в Китай и прожил там много лет.

В XIII веке знаменитый венецианец Марко Поло совершил путешествие в Китай.

Марко Поло написал увлекательную книгу о своих путешествиях и жизни в Китае. На одной из страниц этой книги он говорит:

«Если, оставив гавань Зайтум, плыть на запад и несколько на юго-запад 1500 миль, то можно достичь залива Хейнан; длина этого залива равна двум месяцам пути, если плыть по нему на

север. Вся юго-восточная сторона этого залива омывает берега провинции Манзи (Манги), а к другой примыкают провинции Аниа и Толоман, а также другие вышеупомянутые».

Исследователи, специально изучавшие сочинения Марко Поло, установили, что Зайтум — это китайский портовый город Цюань-Чжоу; залив Хейнан, вероятно, — район острова Хайнань у берегов Южного Китая; Манзи, или Манги, — это Южный Китай.

Тщательно продумав и сопоставив многие материалы, исследователи пришли к выводу, что провинции Анио, или Анин, и Толоман должны были находиться либо в Южном Китае, либо на севере Индокитая.

И еще одно интересное и важное обстоятельство удалось выяснить исследователям.

Оказалось, что сохранилась карта Гастальди, составленная им в 1561 году, за год до той не дошедшей до нас карты, где впервые упоминался Анианский пролив.

Эту карту Гастальди составлял, очевидно, по описаниям Марко Поло. В ней-то и кроется тайна названия Анианского пролива.

Если внимательно рассмотреть эту карту, можно найти в ней явные несообразности и противоречия.

Гастальди допустил путаницу, поместив Манги, или Южный Китай, на север Азии, а Китай, то есть Северный Китай, — на юг. А слово «Аниа» Гастальди пометил на карте дважды. Один раз там, где оно и должно стоять по описаниям Марко Поло, а второй раз — на крайнем севере Азии, на берегах залива Хейнан, который тоже очутился на севере без всякого на то основания.

С первой своей карты Гастальди перенес данные на вторую, и пролив, предполагаемый на северо-востоке Азии, по милости Гастальди, стал называться Анианским.

Так на всех последующих картах появился Анианский пролив.

Но самое удивительное, что этот пролив действительно существовал. Правда, ни расположение этого пролива, ни очертания его берегов, ни его размеры не имеют даже отдаленного сходства с изображенным на древних картах Анианским проливом. Но это только лишний раз подтверждает, что во времена Гастальди никто никогда не видел Анианского пролива и не исследовал его берегов. Появление его на карте — чистая случайность.

Настоящий пролив между Азией и Северной Америкой был открыт почти столетие спустя. Вот как это произошло.

В 1648 году в Нижнеколымске, небольшом селении в низовьях реки Колымы, был снаряжен отряд промышленников и казаков. Люди должны были отправиться морем на восток

промышлять моржовую кость и собирать ясак, то есть дань со всех местных жителей, которые будут встречаться на пути.

Одним из руководителей этого отряда, как тогда говорили — начальным человеком, был казак Семен Иванович Дежнев.

Дежнева пригласили участвовать в этом путешествии, зная его опытность, смелость и ловкость. Уже много лет бродил он по якутскому краю на лыжах, плавал по сибирским рекам и Северному Ледовитому океану. Выносливый и отважный человек, Дежнев делал большие переходы в поисках краев, богатых пушным зверем. Отряд, с которым он должен был отправиться в долгое и опасное путешествие, двигался к реке Анадырь, в места, еще не изведанные.

20 июня шесть кочей вышли в Северный Ледовитый океан и поплыли на восток. Кочами в ту пору в Сибири назывались небольшие плоскодонные одномачтовые суда, ходившие под парусами. При этом они под парусами могли передвигаться только по ветру, а для плавания во льдах Ледовитого океана были плохо приспособлены и поднимали на борт очень мало людей. Всего в путешествие отправилось девяносто казаков и промышленников — по пятнадцати человек на один коч.

Надо было обладать большим мужеством и смелостью, чтобы идти в такое рискованное плавание на столь несовершенных суденышках.

Поход действительно оказался очень опасным и трудным. Впоследствии, в донесении якутскому воеводе о результатах путешествия, Семен Дежнев подробно описывал все события похода. Он рассказывал, что однажды, когда они высадились на берег, произошло вооруженное столкновение с чукчами.

Во время этого столкновения был тяжело ранен товарищ Дежнева, тоже начальный человек, Федот Алексеевич Попов, или просто Федот Алексеев, как называли его казаки. Вскоре после этого во время бури кочи потеряли друг друга из виду. Разбушевавшееся море долго носило по волнам коч Семена Дежнева, пока не выбросило его на берег южнее устья реки Анадырь.

Разбушевавшееся море долго носило по волнам коч Дежнева.

Дежнев рассказывал, что «если с Колымы-реки идти морем на Анадырь-реку, есть нос, вышел в море далеко… а против того носу есть два острова, а на тех островах живут чухчи…» Они носят украшения из моржовой кости в губах, специально для этого прорезанных, «а лежит тот нос промеж сивер и полуночник», то есть между севером и востоком, или на северо-востоке.

Этот нос, или мыс, как мы теперь говорим, можно узнать по небольшой речке, впадающей здесь в море. От мыса до реки Анадырь хорошего хода по морю трое суток.

Мыс, о котором писал Дежнев в своей «отписке» якутскому воеводе, был крайней восточной точкой Чукотского полуострова и всей Азии. А путь кочей Дежнева к устью реки Анадырь пролегал через пролив, отделяющий Азию от Америки. Семен Дежнев со своими товарищами совершил важнейшее географическое открытие, сам того не подозревая.

Документы, поступившие от Дежнева в Якутск, так там и остались. Якутский воевода не придавал им серьезного значения и не счел нужным сообщить об открытиях Дежнева в Петербург. Отписки Дежнева оказались погребенными под другими

бумагами в якутском архиве. И на географических картах по-прежнему изображался Анианский пролив. Так было до начала XVIII века.

Якутский воевода не придал значения донесениям Семена Дежнева.

Среди множества смелых начинаний Петра I во всех областях науки и искусства был проект путешествия через Северный Ледовитый океан в Китай и в Индию. Чтобы осуществить такое плавание, нужно было прежде всего удостовериться, что Азия от Америки действительно отделяется проливом.

Уже перед самой своей смертью Петр подписал указ о снаряжении экспедиции к берегам Камчатки и сам составил инструкцию участникам экспедиции. Им предлагалось добираться сухим путем до Охотского моря, а оттуда на Камчатку. Там построить судно и на нем пуститься в плавание на север вдоль берегов Азии «искать, где оная сошлась с Америкой».

Незадолго до смерти Петр I подписал указ о снаряжении экспедиции к берегам Камчатки.

Во главе экспедиции Петр I поставил Витуса Беринга. Это был уже немолодой, сдержанный и очень опытный капитан. Он приехал из Дании в Россию, когда Петр I приглашал иностранных моряков на русскую службу.

Раньше Витус Беринг много раз плавал из Дании в Индию, а служа в России — по Балтийскому морю. Русский царь ценил его за хладнокровие, добросовестность и точность.

Помощниками Беринга были назначены лейтенант Мартин Шпанберг, тоже датчанин, и молодой русский лейтенант Алексей Ильич Чириков.

В начале 1725 года экспедиция капитана Беринга двинулась в путь. Он был долог и труден. Горькой вестью для путешественников была смерть Петра I, последовавшая через четыре дня после их отъезда из Петербурга. Однако дело, затеянное Петром I, не остановилось. Экспедиция медленно и упорно двигалась в глубь Сибири.

Чтобы со всем снаряжением добраться до Камчатки, потребовалось около трех лет.

«Идучи путем, оголодала команда. И от такого голода ели лошадиное мертвое мясо, сумы сыромятные и всякое сырье, кожи,

платье и обувь кожаную», — писал Витус Беринг.

Наконец путешественники достигли северных берегов Тихого океана. В середине 1728 года построили судно «Святой Гавриил», на котором Беринг и его спутники должны были искать пролив между Азией и Америкой.

На берегу Камчатки экспедиция поспешно строила судно, на котором она должна была отправиться в плавание.

В июле 1728 года «Святой Гавриил» вышел из устья реки Камчатки.

Уже через месяц судно было в проливе, разделяющем Азию и Америку. Но участники экспедиции не могли еще точно утверждать это. Они все время плыли вдоль восточного берега Азии. Судно то резко поворачивало к востоку, то опять плыло на север. «По берегу морскому великие высокие каменные горы, подобны стене крутостью», — писал Витус Беринг в рапорте о плавании. Американского берега не было видно.

Между тем становилось все холоднее. Судно шло вдоль берегов Чукотского полуострова. Вскоре берег начал отклоняться к западу. Запас провизии на «Святом Гаврииле» стал подходить к концу.

«Святой Гавриил» шел вдоль берегов Чукотского полуострова.

Возможность зимовки на пустынных и неприветливых берегах Чукотки пугала Беринга. Он не хотел рисковать людьми и,

несмотря на возражения своего помощника А. И. Чирикова, повернул судно к югу.

Капитан Беринг не довел дело до конца: американского берега увидеть не удалось, а значит, существование пролива еще не было доказано. Возвратившись в Петербург, он сразу принялся за составление плана следующей экспедиции.

В 1732 году Адмиралтейств Коллегия утвердила этот план. Программа работ новой экспедиции, впоследствии получившей название Великой Северной, была очень обширна. В нее входило задание окончательно установить, соединяется ли Азия с Америкой или они разъединены проливом.

Экспедиции предлагалось достигнуть берегов Северо-Западной Америки и описать их, отыскать путь в Японию; и, наконец, несколько отрядов должны были описать берега Северного Ледовитого океана на всем его протяжении от устья Северной Двины до Чукотского полуострова.

Витус Беринг, теперь капитан-командор, снова направлялся на поиски пролива между Азией и Америкой.

Он не знал, что в 1732 году люди из одного казацкого отряда, подштурман Иван Федоров и геодезист Михаил Гвоздев, побывали в этом проливе. Они видели оба его берега и нанесли их очертания на карту. Но подробный отчет об их плавании и первых серьезных исследованиях берегов пролива стал известен только в 1741–1743 годах, в то время, когда Беринг совершал свое второе плавание. На этот раз от берегов Камчатки отплыли два судна: «Святой Петр» и «Святой Павел». Первым командовал сам Беринг, вторым — произведенный в чин капитана А. И. Чириков.

Путешествие было трудным и сложным. Вскоре во время шторма корабли потеряли друг друга из виду и продолжали плавание самостоятельно.

Капитан-командору только через месяц удалось добраться до островов, расположенных недалеко от Аляски. Погода все время менялась, часто штормило. Ветхому, плохо снаряженному суденышку постоянно грозила гибель.

Исследование вновь открываемых островов проходило бегло. Запасов питьевой воды не хватало. Уходить далеко от берега в незнакомые места моряки опасались, а вблизи моря вода часто бывала несвежей. Не хватало и запасов продовольствия.

Среди команды началась цинга. Беринг отдал приказ о возвращении.

На обратном пути, уже недалеко от Камчатки, опять разыгрался сильный шторм. Люди высадились на берег незнакомого острова. Больны цингой были почти все, включая Беринга. Умирало сразу по нескольку человек. Беринг уже с

трудом мог разговаривать. Вскоре команде пришлось оплакивать своего командира — Витус Беринг умер. Поредевшая экспедиция под командованием лейтенанта Вакселя вернулась на родину.

Вскоре команде пришлось оплакивать своего начальника. Беринг умер на пустынном острове.

Впоследствии остров, на котором погиб замечательный русский мореплаватель, получил его имя. Остров Беринга и расположенный неподалеку остров Медный в память капитан-командора Витуса Беринга стали называться Командорскими островами.

Капитан Чириков на судне «Святой Петр», в свою очередь, достиг берегов Северной Америки. Он вслед за Берингом обследовал многие прибрежные острова. Однажды во время сильного шторма с корабля унесло все шлюпы. Поэтому свежую питьевую воду было трудно достать, и среди команды «Святого Петра» началась цинга.

Сам Чириков заболел серьезно. «Я весьма от цинги изнемог и находился уже в отчаяньи жизни и уже по обычаю был приговорен к смерти», — впоследствии писал он.

Второй корабль экспедиции вернулся на Камчатку, потеряв двадцать пять человек.

Это плавание Беринга и Чирикова, полное опасности и лишений, было важным вкладом в историю географических открытий.

Острова, обнаруженные ими, постепенно осваивались

русскими людьми.

Капитан-командор Беринг и капитан Чириков значительно увеличили русские владения в северной части Тихого океана.

Вторая экспедиция Витуса Беринга окончательно установила, что Азия и Северная Америка не соединяются между собой.

Однако не им первым удалось объявить об этом всему миру. В то время как Беринг еще только готовился к своей второй экспедиции, профессор истории и географии Ф. И. Миллер, находясь в 1736 году по делам Великой Северной экспедиции в Якутске и копаясь в тамошних архивах, совершенно случайно обнаружил рапорты и отписки Семена Дежнева. Миллер чрезвычайно интересовался всеми якутскими архивными материалами, так как они могли облегчить ему знакомство с историей и географией Сибири. Он принялся тщательно изучать все донесения Дежнева и увидел то, чего не понял в свое время якутский воевода.

Миллеру стало совершенно ясно, что почти сто лет назад казак Семен Дежнев с несколькими товарищами обогнул Чукотский полуостров и этим доказал, что Азия и Америка не соединяются между собой.

Это было важное открытие. До тех пор только бродили слухи, что русские люди плавали морем на восток до реки Анадырь в Сибири. Но никто точно не мог сказать, кто же совершил это плавание, когда оно было, каковы его подробности.

После находки Миллера стало понятно происхождение этих слухов. Конечно, они были отголосками рассказов Семена Дежнева и его спутников, возвратившихся с Анадыря.

Теперь можно представить себе вкратце всю историю открытия пролива между Азией и Америкой.

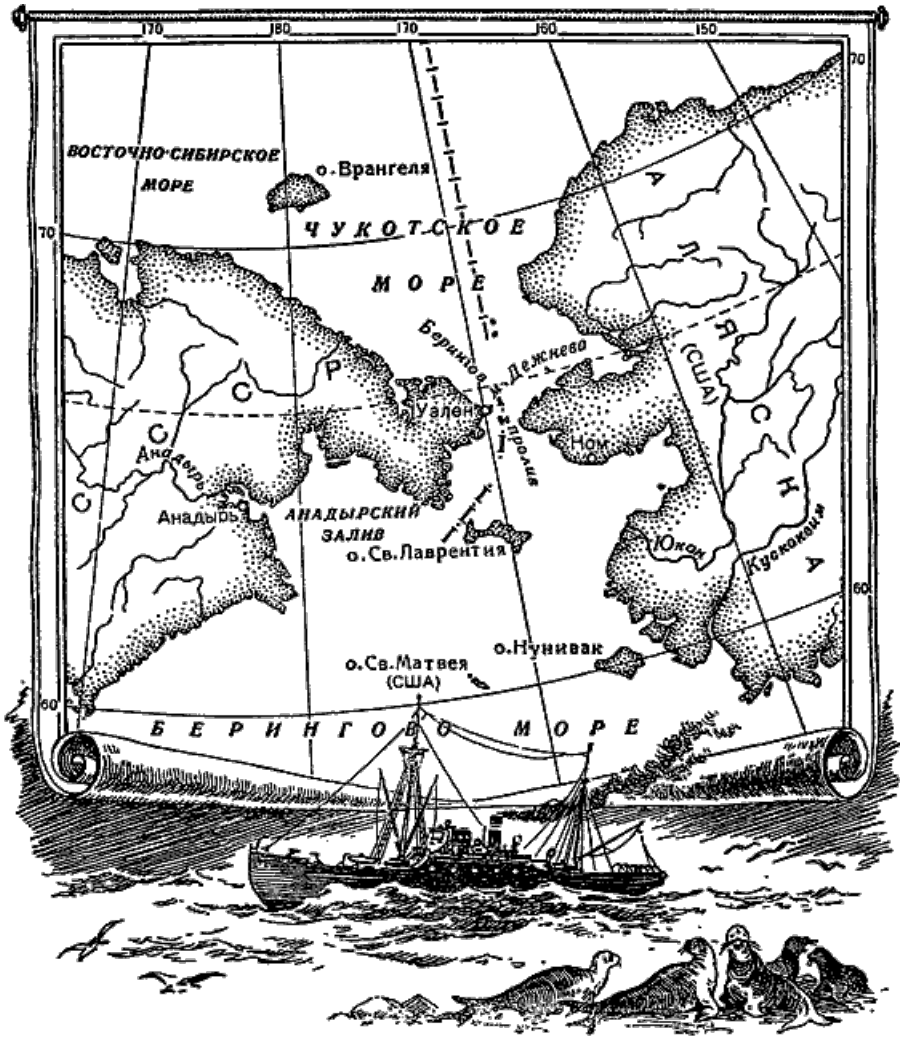
В 1648 году Семен Дежнев, плывя от устья Колымы, обогнул Чукотский полуостров и прошел этим проливом. При этом он не видел американского берега, но зато видел и, возможно, даже высаживался на острова, расположенные как раз посередине пролива.

Спустя 80 лет в проливе побывал Витус Беринг. Но Беринг плыл не из Северного Ледовитого океана, как Дежнев, а от берегов Камчатки. Он тоже не видал американского берега, дошел до 67°18′ северной широты и повернул назад. На обратном пути он открыл остров и назвал его островом Святого Диомида. Это и был один из тех двух островов, о которых упоминал около 100 лет назад Семен Дежнев.

После первого плавания Беринга прошло четыре года, и пролив посетили Федоров и Гвоздев. Их плавание можно считать наиболее удачным, потому что они побывали и у азиатского и у

американского берегов пролива. И не только побывали у этих берегов, но и изобразили их на карте.

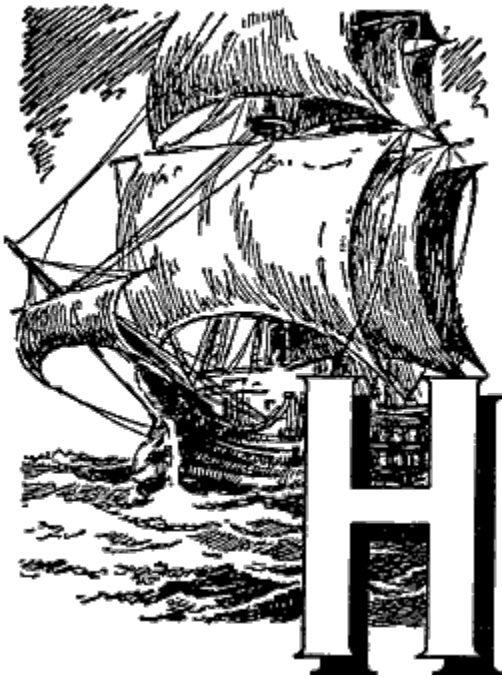
Так объединенными усилиями Дежнева, Беринга, Федорова и Гвоздева был открыт пролив между Азией и Америкой. Он носит имя одного из своих открывателей — Беринга.



Современная карта Берингова пролива.

Но приоритет бесспорно принадлежит Семену Дежневу, отважному русскому землепроходцу. Его имя можно найти на карте Берингова пролива. В конце прошлого века по ходатайству Географического общества имя Дежнева присвоено крайней восточной оконечности Азии. Бывший Восточный мыс теперь называется мысом Дежнева.

Остров или полуостров



На востоке Азии, между Охотским и Японским морями, расположен большой остров Сахалин.

«Богатство воды, разнообразный строевой лес, трава выше человеческого роста, баснословное изобилие рыбы, залежи каменного угля…» — так писал о Сахалине еще Антон Павлович Чехов, побывавший там в 1890 году.

И действительно, Сахалин — очень богатый остров. Он служит основной угольной станцией на всех морских путях в Тихом океане. Сахалинские рыбные консервы известны по всему Советскому Союзу. В недрах Сахалина найдена нефть.

А всего 100 лет назад о Сахалине знали очень мало. Никто не интересовался этим островом, никому не приходилось его исследовать. Да и островом-то Сахалин не считали. Все были убеждены, что это полуостров. А вместо Татарского пролива на карте изображали Татарский залив.

Правда, казаки и землепроходцы рассказывали иное. «Великая река Амур, гористая и лесистая, впала одним своим устьем, и против того устья есть остров великой», — писал путешественник Спафарий со слов людей, побывавших в этих местах.

Но никто не мог сказать точно, что это за остров.

Впервые берега Сахалина увидели русские мореплаватели. Это было в 1742 году, во время Великой Северной экспедиции, когда Витус Беринг вторично направлялся к тихоокеанскому побережью Азии.

Одной из задач этой экспедиции было найти путь в Японию. Это важное дело Беринг поручил капитану Шпанбергу.

Шпанберг решил плыть вдоль Курильских островов. Выбор пути оказался правильным. Через некоторое время корабли действительно достигли берегов Японии.

Возвратившись на Камчатку, Шпанберг доложил об успехе экспедиции. Но ему никто не поверил. Сочли, что он принял за Японию берега Кореи.

Путешествие пришлось повторить. Снова два корабля поплыли от берегов Камчатки к Японии, чтобы подтвердить результаты первого похода. Однако на этот раз экспедиция не удалась. Шпанберг не смог добраться до Японских островов, так как в одном из кораблей открылась сильная течь. Пришлось вернуться.

Второе судно под командованием мичмана Шельтинга на обратном пути подошло к восточному берегу какой-то земли. Это был Сахалин. Шельтинг проследовал вдоль всего восточного побережья Сахалина к югу. Он почти достиг пролива, отделяющего Сахалин от Хоккайдо — самого северного из островов Японии.

Шельтинг и его спутники не имели ни малейшего понятия, остров Сахалин или не остров, каковы его размеры, что он собой представляет. Однако они были первыми мореплавателями, которые видели Сахалин и могли дать о нем хоть какие-то определенные сведения. Но даже если к этим сведениям добавить рассказы промышленников, живущих по берегам Охотского моря, и японцев, то все равно картина получалась лишь самая общая.

Все вести о Сахалине сводились к тому, что Сахалин — большая земля, лежащая где-то поблизости от устья большой реки Амур. И населена она племенами, никому не подвластными.

Больше о Сахалине ничего не было известно.

Спустя 40 лет после плавания Шпанберга в северной части Тихого океана появилась французская экспедиция. Руководил ею известный мореплаватель, исследователь Океании Лаперуз. Он намеревался исследовать устье реки Амура.

Корабли Лаперуза вошли в Татарский залив, отделяющий Сахалин от материка, и двинулись к северу. Через некоторое время путешественникам открылся удобный для стоянки судов залив, сильно вдававшийся в сушу. Назвав этот залив именем тогдашнего французского министра Де-Кастри, Лаперуз решил

здесь остановиться, сойти на берег и поговорить с местными жителями. Его интересовало, можно ли добраться до устья Амура, если продолжать плыть на север.

Языка местных жителей, гиляков, ни Лаперуз, ни его команда не знали. Понять друг друга оказалось очень трудно. Тогда Лаперуз взял трость и начертил на прибрежном песке контуры берегов Сахалина и материка.

Лаперуз взял трость и начертил на прибрежном песке контуры Сахалина и материка.

Местные жители, к кому бы ни обращался Лаперуз, при виде этого рисунка чертили палкой между Сахалином и материковым берегом какую-то линию и пытались что-то объяснить знаками. Лаперуз долго не мог понять, что все это могло значить. Наконец он решил, что, очевидно, севернее этого залива, где в данный момент стояли корабли экспедиции, берег материка соединялся с берегом Сахалина. Вероятнее всего, это была большая отмель, и, возможно, вход в устье Амура загорожен такими же отмелями.

Это было только предположение, однако Лаперуз все-таки решил продвинуться как можно дальше на север и попытаться выйти в Охотское море. Корабли снова тронулись в путь. Но уже через несколько миль пришлось бросить якорь, так как глубина стала заметно уменьшаться и появилась опасность сесть на мель.

Лаперуз приказал спустить на воду две шлюпки и разведать дальнейший путь. Моряки поплыли вдоль берегов Сахалина и поднялись к северу еще на несколько миль. Глубина залива

продолжала постепенно уменьшаться. Наконец появилась отмель, которая отходила от Сахалина. Дальше посланные Лаперуза плыть не рискнули, так как боялись сесть на мель. К тому же у них создалось впечатление, что где-то впереди сахалинский берег смыкается с материком. Они вернулись и доложили об этом Лаперузу.

Плыть дальше было опасно.

Руководитель экспедиции поверил своим подчиненным. Для него их сведения оказались вполне достаточными. Теперь он уже не сомневался, что Сахалин — полуостров, соединяющийся с материком отмелью. Это доказывалось и уменьшением глубины, и объяснениями местных жителей, и разведкой на шлюпках. И, наконец, не было никаких признаков течения, которое бы говорило о близости устья Амура.

«Постепенное уменьшение глубины пролива показывает, что впереди земля. Надо думать, что пролив прегражден перешейком», — записал Лаперуз.

Делать здесь больше было нечего. Корабли Лаперуза повернули на юг. Спустя некоторое время мореплаватели открыли пролив, отделяющий Сахалин от острова Хоккайдо, и вышли через него в Охотское море.

С тех пор этот пролив носит имя знаменитого французского путешественника Лаперуза.

Спустя 10 лет английский мореплаватель Браутон вторично попытался исследовать северную часть Татарского залива. Он пришел сюда на легком судне, имевшем небольшую осадку, то есть неглубоко сидящем в воде.

Браутон рассчитывал, что на таком судне ему удастся проникнуть дальше на север, чем это сделал Лаперуз.

Без особых приключений Браутон достиг залива Де-Кастри.

Отсюда он продолжал идти к северу, но продвинулся только на 11 километров глубже Лаперуза. А затем пришлось остановиться. Лот показывал глубину 4,5 метра, и плыть дальше было опасно. Впереди берега материка и Сахалина тесно сближались. Предположить, что между ними есть даже самый узкий пролив, казалось невозможным.

Тем не менее Браутон, подобно Лаперузу, послал для разведки своего помощника на шлюпке. Вернувшись обратно, посланный рассказал, что, куда бы ни поворачивала шлюпка, она повсюду натыкалась на мель, которая шла от Сахалина к материку. Правда, иногда встречались значительные глубины, но они тоже чередовались с мелями.

Все это лишний раз подтверждало, что никакого пролива между Сахалином и материком не существует.

Браутон решил, что не имеет смысла искать то, чего нет в действительности. «Прохода на север нет из-за песчаного перешейка, который соединяет материк с Сахалином», — записал Браутон в судовом журнале и, уверенный в своей правоте, повернул судно назад.

Прошло еще 10 лет. В 1803 году из Кронштадта в далекое кругосветное плавание вышла русская экспедиция из двух кораблей. «Надеждой» командовал Иван Федорович Крузенштерн, «Невой» — Юрий Федорович Лисянский. Это было первое кругосветное путешествие русских мореплавателей.

Путешественникам предстояло выполнить много важных поручений. В том числе нужно было описать северо-восточную часть Сахалина и исследовать район устья реки Амура.

Трудное плавание через Атлантический океан, вокруг мыса Горн и через весь Тихий океан с юга на север прошло благополучно. Успешно выполнив все порученные дела на Камчатке, Крузенштерн отправился к берегам Сахалина.

Описав северо-восточный сахалинский берег, Крузенштерн на своем корабле обогнул северную оконечность Сахалина и направился на юг, к устью Амура.

Судно продвигалось вперед очень осторожно. Матросы все время измеряли глубину. Когда лот показал глубину 11 метров, Крузенштерн приказал положить судно в дрейф.

Тем временем лейтенант Ромберг должен был спустить шлюпку и отправиться на ней в разведку к югу. Крузенштерн велел ему плыть вдоль сахалинского берега до ближайшего мыса, а затем повернуть в сторону материка. При этом было приказано все время измерять глубину.

Однако Ромбергу не удалось в точности выполнить поручение своего начальника. Когда шлюпка находилась не более чем в 3

милях от ближайшего мыса, она внезапно перестала двигаться вперед, несмотря на все усилия гребцов. Более того, ее стало относить назад. Ромберг определил, что какое-то сильное течение, идущее навстречу шлюпке, мешает ей плыть дальше. Измерили глубину. Она оказалась 6,5 метра. Один из матросов попробовал воду на вкус. Вода была пресной.

Ромберг не решился делать никаких заключений. По возвращении он обо всем подробно доложил руководителю экспедиции.

Но и Крузенштерн не стал вести больше никаких исследований. Ему казалось, что все достаточно ясно. Ведь до него два опытных исследователя безуспешно пытались проникнуть в устье Амура с юга. А он двигался с севера и тоже безуспешно. Поэтому Крузенштерн возвратился в Петропавловск-на-Камчатке и оттуда отплыл к берегам Южного Китая, где должен был встретиться с Лисянским.

А в отчете о плавании он написал:

«Испытания, учиненные нами, не оставляют сомнения, что Сахалин есть полуостров, соединяющийся с Татарией перешейком…» Вход же в Амур, по мелководности его лимана, не доступен для больших кораблей.

Впоследствии в своей книге, посвященной первому кругосветному плаванию, Крузенштерн так объяснял, почему не повторил попытки добраться до устья Амура. Он писал, что сильные течения, встреченные им в этих местах, опасения, чтобы дальнейшими исследованиями не навлечь подозрение китайского правительства и тем не повредить кяхтинской торговле, и, наконец, опасение, чтобы не столкнуться с китайской силой, наблюдавшей за устьем реки Амура, о чем предупреждали его на Камчатке, были причиной того, что он не в точности исполнил полученные инструкции.

Крузенштерн не знал, что его опасения были напрасны. Устье Амура никем не охранялось и никому не принадлежало. Никаких китайских поселений там не было.

Крузенштерн лишь повторял то, что он слышал еще в Петербурге и о чем его предупреждали на Камчатке. Ведь русское правительство было убеждено, что в Приамурье находятся китайские поселения и китайская охрана. Об этом говорилось в донесениях русской дипломатической миссии из Пекина, столицы Китайской империи. А кроме того, директор русских чайных караванов Владыкин рассказывал, что он слышал в том же Пекине о существовании в устье Амура китайской флотилии с экипажем в четыре тысячи человек. Эта флотилия будто бы находится там специально для охраны устья реки.

Получая такого рода сведения, русское правительство очень осторожно относилось к Приамурью. И никто даже не подозревал, что этот край на самом деле никогда не принадлежал Китайской империи.

Там не было никаких других жителей, кроме коренного населения, в том числе гиляков.

Минуло несколько десятков лет со времени плавания Крузенштерна. Мало кто с тех пор интересовался Сахалином, Татарским заливом, устьем реки Амур. Все как будто казалось ясным, ничего нового уже нельзя было добавить.

Однако волей-неволей русскому правительству пришлось снова вернуться к этому вопросу. Дело в том, что в те времена дальневосточные окраины России были отсталыми, слабо развитыми. Они не имели прочной связи не только с Центральной Россией, но даже и с Сибирью. Связать Дальний Восток с Сибирью, а тем самым и с Центральной Россией, можно было только используя Амур. Полноводная река начиналась в Забайкалье от слияния Шилки и Аргуни и текла на восток, впадая в Охотское море. Если наладить по ней регулярное судоходство, то установилась бы прочная связь с охотским побережьем и Камчаткой. А это было важно не только для развития дальневосточных областей, но и для обеспечения их безопасности, так как англичане, французы, а позже и американцы стали проявлять повышенный интерес к Дальнему Востоку. Вот какие причины побудили русское правительство снова заняться Приамурьем.

Неужели устье Амура, такой могучей полноводной реки, не судоходно? Трудно было поверить, хотя все авторитеты в один голос утверждали, что это так.

В 1844 году штурман Гаврилов попытался отыскать вход в устье Амура. Он подошел к самому устью на небольшом бриге «Константин», но войти в Амур не смог. Правда, Гаврилову удалось войти в устье на лодках, но тщательных исследований он не произвел.

О результатах плавания Гаврилова было послано донесение в Петербург. Тогдашний министр иностранных дел доложил царю, что «устье реки Амура оказалось недоступным для мореходных судов, ибо глубина на оном от 1,5 до 3,5 фута (0,4 до 1 метра) и Сахалин — полуостров; почему река Амур не имеет для России никакого значения».

Такой вывод, конечно, был поспешным — ведь Гаврилову не удалось исследовать Амурский лиман. Но в царских канцеляриях никому до этого не было дела… На докладе о плавании Гаврилова царь Николай I наложил резолюцию: «Весьма сожалею.

Вопрос об Амуре, как реке бесполезной, оставить». Эти слова фактически запрещали впредь исследовать Амур.

Однако нашелся человек, который смело поставил под сомнение уже решенный вопрос. Геннадий Иванович Невельской, капитан-лейтенант русского военного флота, еще учась в Морском корпусе в Петербурге, интересовался Дальним Востоком и прочел о нем много книг и трудов.

Окончив Морской корпус, Невельской плавал на Балтийском, Северном, Белом и Средиземном морях, служил на корабле «Беллона», на котором известный русский путешественник Ф. П. Литке обучал морскому делу великого князя Константина, тогда еще девятилетнего мальчика.

Все предвещало Невельскому блестящую карьеру. Его произвели в капитан-лейтенанты. Однако молодой офицер не прельстился легкой придворной жизнью. Он предпочел другую жизнь, полную трудов и опасностей, но зато обещавшую принести пользу отечеству, умножить его славу и могущество.

Невельской не оставлял мысли об исследовании Амурского лимана. Он никак не мог себе представить, что устье такой полноводной реки несудоходно. Ведь никто не доказал этого окончательно, никто по-настоящему не исследовал Приамурья.

Мысль о том, что устье Амура должно быть судоходным, не оставляла Невельского.

В 1847 году Невельской принял командование небольшим суденышком «Байкал», на котором перевозили грузы из порта в порт в Охотском море. Невельской решил использовать «Байкал» для выполнения своих планов. С великим трудом ему удалось добиться разрешения правительства исследовать устье Амура. Преодолеть косность царских чиновников оказалось куда труднее,

чем бороться со стихией в открытом море. Но благодаря упорству и энергии Невельской добился своего, и в августе 1848 года грузовой транспорт «Байкал» отплыл из Кронштадта на Камчатку.

Через восемь с половиной месяцев «Байкал» подошел к Петропавловску-на-Камчатке. А спустя еще две недели Невельской наконец достиг своей заветной цели — отплыл к берегам Сахалина. Сделал он это фактически самовольно. Инструкция, по которой он должен был действовать, еще не дошла до Петропавловска-на-Камчатке. Нарушение дисциплины грозило крупными неприятностями по службе. Однако ничто не остановило Невельского.

Обогнув северную оконечность Сахалина, «Байкал» двинулся к югу. Приблизившись к отмелям, Невельской начал искать какой-нибудь вход в Амурский лиман. После нескольких неудачных попыток он смог наконец, продвигаясь вдоль материкового берега, ввести судно в лиман. Здесь Невельской поставил «Байкал» на якорь. Теперь можно было начинать обстоятельное обследование устья реки. Но «Байкал» для такой экспедиции не годился.

«Встреченные… неправильные и быстрые течения, лабиринты мелей, банок и обсыхающих лайд (то есть отмелей. — *С. У.*), и, наконец, постоянно противные свежие ветры, разводившие сулои и толчеи на более или менее глубоких между банками заводях, в которые неоднократно попадал транспорт и часто становился на мель, делали эту работу на парусном судне, не имевшем даже паровой шлюпки, тягостной, утомительной и опасной, так что транспорт и шлюпки весьма часто находились в самом критическом положении. Так, например, для промера были отправлены на шестивесельном баркасе лейтенант Гревенс, на четырехвесельном мичман Гроте, а на вельботе мичман Гейсмар. На транспорте всего оставалось десять человек команды. Ветер мгновенно засвежел, баркас выбросило на лайду, а вельбот на отмель сахалинского берега, против огромного селения Тамлево. Люди из вельбота едва спаслись на берег и, разложив огонь, сушили свое платье, когда толпа гиляков, пользуясь тем, что после утомления наши уснули, утащила платье, так что Гейсмар с людьми на другой день явились в одних рубашках», — так писал в своей книге Невельской.

Он снова направил две шлюпки для обследования лимана. Одной командовал лейтенант Козакевич, другой — мичман Гроте. Первый должен был идти вдоль материкового берега и искать устье Амура. Второй — следовать вдоль сахалинского берега и тщательно замерять глубины на пути к югу.

Лейтенант Козакевич оказался счастливее своего товарища.

Гроте сумел лишь добраться до отмели, от которой дальше к югу пути не было видно. Эта отмель пересекала лиман от Сахалина на запад. Вероятно, она была той самой отмелью, которую видели в свое время с юга Лаперуз и Браутон. А шлюпка лейтенанта Козакевича двигалась вдоль материка, следуя малейшим изгибам берега. В скором времени впереди показался мыс. Обогнув его, шлюпка очутилась в большой бухте. Вода с большой скоростью устремлялась навстречу шлюпке. Несомненно, это было какое-то сильное течение.

Бухта оказалась не чем иным, как устьем Амура, тем самым устьем, которое так безуспешно разыскивали все мореплаватели, побывавшие в этих местах.

Козакевич примерно определил ширину устья. По его расчетам, она составляла около 14 километров. Чтобы получить представление об окружающей местности, Козакевич решил взобраться на высокий мыс Тебах. Это был тот самый мыс, который шлюпка обогнула прежде, чем попасть в устье Амура.

С мыса Тебах Козакевич увидел лиман во время отлива. Он был весь изрезан каналами и отмелями.

С мыса Тебах лейтенант Козакевич увидел лиман Амура во время отлива.

Выяснив все, что оказалось возможным, Козакевич возвратился к «Байкалу».

Невельской, окрыленный известием, что устье Амура существует, тотчас же составил дальнейший план действий. Необходимо было еще многое выяснить и уточнить.

10 июля отряд, возглавляемый Невельским, на трех шлюпках двинулся в путь.

Следуя указаниям Козакевича, шлюпки благополучно

добрались до мыса Тебах, обогнули его и очутились в устье Амура.

Невельской был очень взволнован. Ведь ему удалось совершить важное географическое открытие. Теперь позиции России на Дальнем Востоке будут закреплены.

Оставалось выяснить, судоходно ли устье Амура. Невельской с товарищами стал подниматься вверх по реке вдоль ее левого берега. То и дело бросали лот и измеряли глубины. Через некоторое время добрались до какого-то низменного полуострова. Он вдавался в реку и сильно суживал ее устье. Промеры показывали, что около этого полуострова глубина реки была от 11 до 27 метров. Наименьшая же глубина, встреченная на пути от «Байкала» до этого мыса, была 4,5 метра.

Невельской пересек реку и поплыл назад, теперь уже вдоль правого берега Амура. И здесь глубина оказалась достаточной для судоходства. До самого выхода в лиман лот показывал не меньше 9 метров.

Казалось бы, можно торжествовать победу, возвращаться на корабль, писать донесение в Петербург о полном успехе. Устье Амура судоходно, легкие морские корабли свободно могут в него заходить.

Но Невельской не мог на полпути прервать исследование. Он хотел собрать как можно больше доказательств судоходности Амура. Поэтому, вместо того чтобы вернуться на «Байкал», Невельской, выйдя в лиман, повернул шлюпки на юг. Он двинулся вдоль материкового берега, продолжая систематически замерять глубины.

Все ближе и ближе сходились берега Сахалина и материка. Наконец шлюпки подошли к такому месту, где, казалось, берега вот-вот сомкнутся. Но вместо перешейка, который готовились увидеть Невельской и его спутники, их глазам открылся пролив, до этого скрытый берегами Сахалина и материка. Он оказался довольно широк — около 7,5 километра. Глубин меньше 6 метров не встречалось.

Шлюпка подошла к месту, где, казалось, берега вот-вот сомкнутся.

Проследовав этим проливом к югу, Невельской вскоре очутился на той широте, где в свое время побывали Лаперуз и Браутон.

Теперь победа была полная.

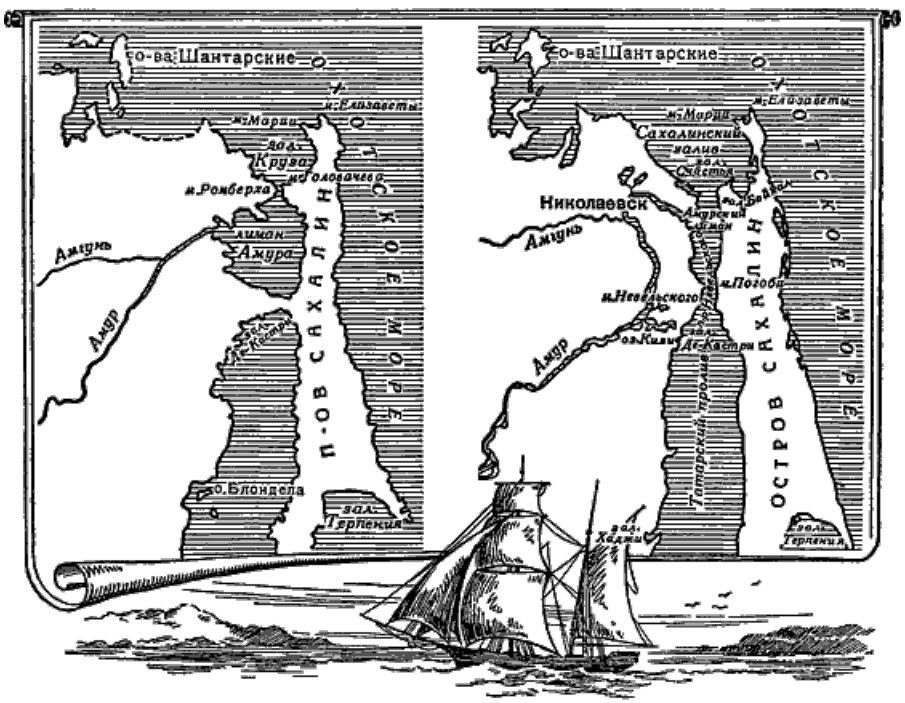
Все представления об Амуре и Сахалине, господствовавшие среди русских и западноевропейских исследователей, оказались

ошибочными.

Устье Амура судоходно, так же как и его лиман. Сахалин — остров, а не полуостров, Татарский залив — не залив, а пролив.

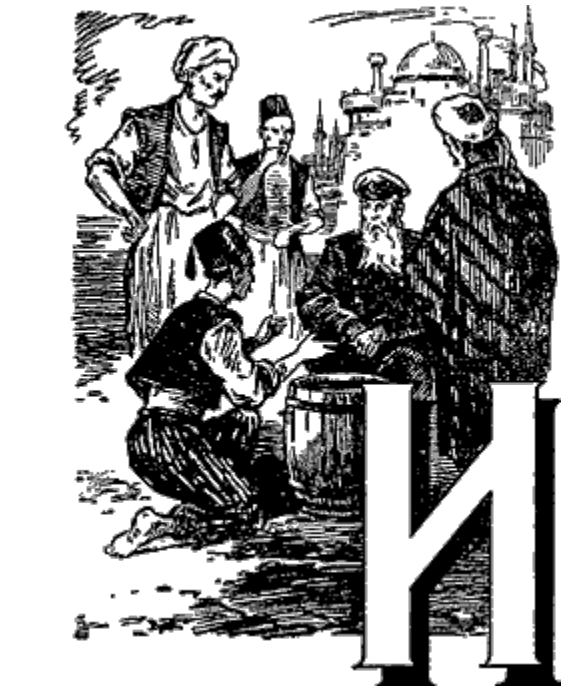
Теперь всем известно, что в том месте, где, по Лаперузу и Браутону, должен был оказаться перешеек, соединяющий Сахалин с материком, существует пролив. Это самая узкая часть Татарского пролива. Она носит имя человека, который впервые ее открыл и исследовал, — имя Геннадия Ивановича Невельского.

Так, с 1857 года на всех географических картах Сахалин стал изображаться островом, а бывший Татарский залив — проливом.



Сахалин и Татарский пролив слева — до исследований Невельского; справа — после исследований Невельского.

Куда течет Черное море



Издавна среди константинопольских рыбаков бродило поверье, что в проливе Босфор, соединяющем Черное и Мраморное моря, есть два течения: одно из них будто бы идет поверху из Черного моря в Мраморное; другое же находится где-то в глубине и движется в противоположном направлении — из Мраморного моря в Черное. Никому никогда не приходило в голову проверить правдивость этих утверждений. Мало ли легенд и самых разнообразных историй рассказывается в народе!

Заинтересовался рассказами константинопольских рыбаков и решил проверить достоверность их Степан Осипович Макаров.

Замечательный русский флотоводец и выдающийся ученый, С. О. Макаров вошел в историю, как автор теории непотопляемости кораблей, новатор минного дела и тактики морского боя.

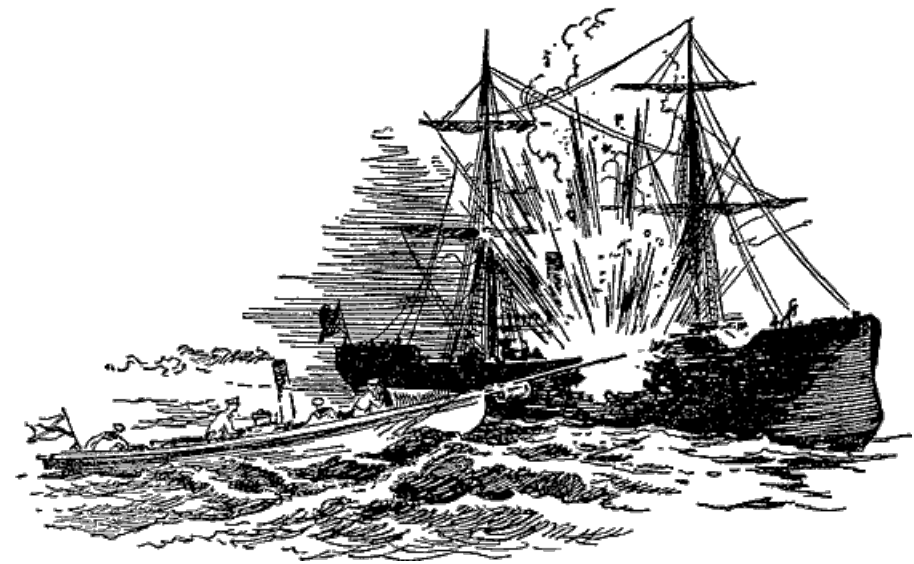
По его инициативе была организована экспедиция к Северному полюсу на мощном ледоколе «Ермак». Макаров сам составил проект этого ледокола и добился его исполнения. На борту «Ермака» он совершил поход в высокие северные широты.

В 1886 году Макаров отправился на корвете «Витязь» в длительное кругосветное плавание. Во время этого плавания Макаров исследовал моря Тихого океана. Впоследствии он

написал большой труд по океанографии, принесший ему известность.

Океанографией Макаров интересовался всю свою жизнь. А началась его исследовательская работа в этой области, когда он был еще совсем молодым офицером.

Шла война с Турцией, во время которой Макаров блестяще отличился. На корабле «Великий князь Константин» он совершал отчаянно смелые рейды в порты противника и подрывал минами вражеские корабли. За выдающиеся заслуги его произвели в капитаны второго ранга и наградили боевыми орденами.



На корабле «Великий князь Константин» Макаров совершал смелые рейды в порты противника и подрывал минами вражеские суда.

После заключения мира с Турцией Макаров получил новое назначение. В 1881 году ему поручили командование военным пароходом «Тамань». Постоянным местопребыванием «Тамани» была Турция. Пароход находился в распоряжении русского посла и стоял на Константинопольском рейде.

Служба на корабле отнимала сравнительно немного времени. Макаров часто бродил по берегу и прислушивался к разговорам рыбаков. Их рассказы о двух течениях в проливе Босфор заставили его задуматься.

О том, что существует поверхностное течение из Черного моря в Мраморное, Макаров знал. Убедиться в этом было нетрудно — любой предмет, брошенный в воду, уплывал в

сторону Мраморного моря.

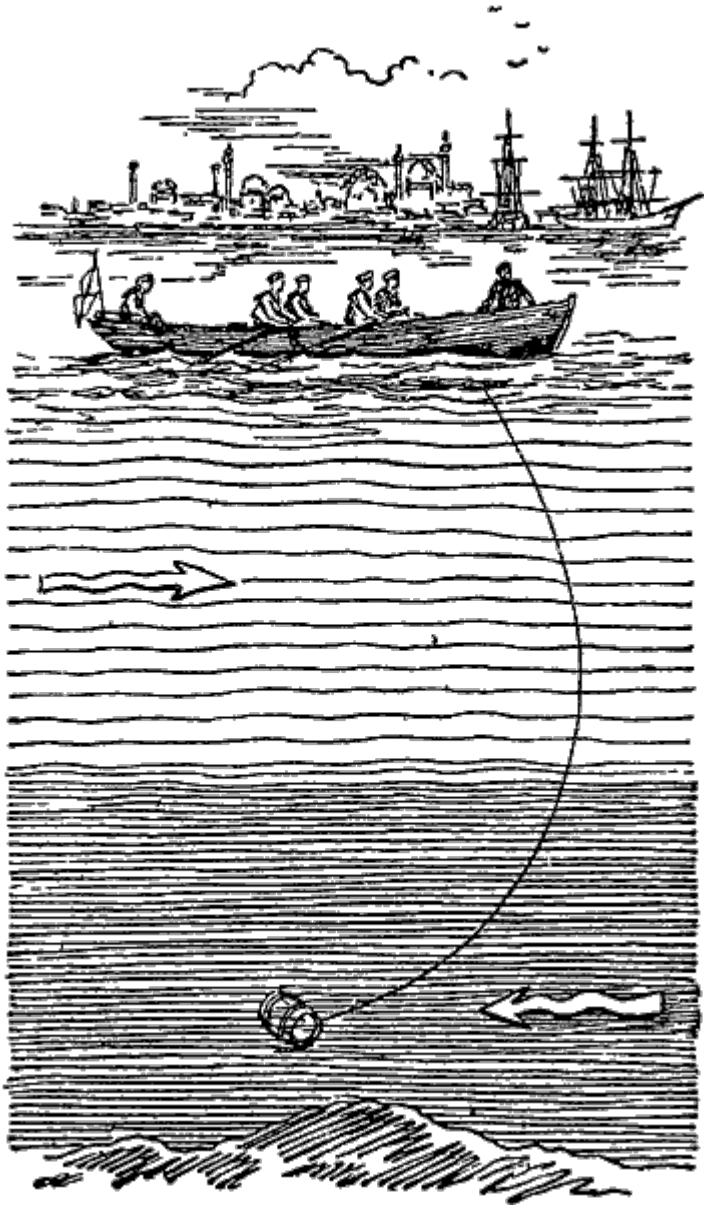
Другое дело — подводное течение. Как узнать, есть ли оно в действительности? Ведь об этом течении не упоминается ни в каких книгах и лоциях[7].

Но откуда же тогда знают о подводном течении рыбаки? Не может быть, чтобы это поверье возникло случайно.

Увлекшись этой мыслью, Макаров решил во что бы то ни стало узнать правду. Он обстоятельно обдумал план действий и тотчас же приступил к его осуществлению.

В один из ясных солнечных дней Макаров приказал спустить шлюпку и поплыл на ней к середине пролива. В шлюпке находился бочонок, нагруженный балластом. С его помощью Макаров и рассчитывал обнаружить глубинное течение.

Когда шлюпка достигла середины пролива, молодой исследователь спустил оригинальный инструмент в воду. Чтобы бочонок не утонул, к нему был прикреплен длинный трос, конец которого оставался в лодке.



Чтобы бочонок не утонул, к нему прикрепили длинный трос.

Мысль Макарова была проста. Он рассчитывал, постепенно отпуская трос, давать возможность бочонку опускаться все ниже и ниже. Пока имеет силу поверхностное течение, оно будет тянуть бочонок по направлению к Мраморному морю. Если же где-то в глубине пролива существует сильное противоположное течение, оно неминуемо повлечет бочонок, а за ним и шлюпку в сторону Черного моря.

Действительно, сначала трос отклонялся в сторону Мраморного моря: бочонок всецело находился во власти поверхностного течения.

Но чем дальше Макаров разматывал трос, чем глубже опускался бочонок, тем слабее становилось влияние поверхностного течения. Наконец наступил момент, когда трос стал вертикально. А затем… затем его потянуло в противоположную сторону, уже не к Мраморному, а к Черному морю. Все больше и больше отклонялся трос — влияние глубинного течения на бочонок все увеличивалось.

И вот произошло чудо: шлюпка двинулась против поверхностного течения. Ее увлекал бочонок, попавший в сильную струю глубинного течения, которое направлялось из Мраморного моря в Черное.

Значит, рассказы рыбаков были правдивы. Глубинное течение в Босфоре существовало. Теперь в этом можно было не сомневаться.

Другой исследователь на месте Макарова, возможно, успокоился бы на этом. Течение, мол, существует, и ладно. Но Макарову этого было мало. Такой пытливый исследователь, как он, не мог бросить на полпути интересный опыт. В своей книге «Об обмене вод Черного и Средиземного морей» Макаров пишет:

«Когда я убедился, что нижнее течение существует, то захотелось определить точно границу между ним и верхним течением. Когда сделалось очевидным, что граница эта идет по длине Босфора не горизонтально, а с некоторым наклонением к Черному морю, захотелось выяснить этот наклон, наконец захотелось выяснить подмеченные колебания границы между течениями в зависимости от времени года и дня, от направления ветра и проч.».

И действительно, выяснить причины такого необычного явления было очень заманчиво.

Макаров энергично принялся за дело.

Однако оказалось, что обнаружить существование глубинного течения было куда легче, чем узнать его скорость, определить температуру и удельный вес воды на разных глубинах. Ведь чтобы получить верные результаты, нужны точные приборы, а у Макарова никаких приборов не было.

С этого и пришлось начинать. Следовало достать по крайней мере четыре прибора: термометр для определения температуры, батометр, чтобы брать воду с различных глубин, ареометр для определения удельного веса жидкостей и, наконец, еще инструмент для наблюдений за скоростью течения.

Первые три прибора удалось достать без особого труда.

Правда, пришлось с ними много повозиться, прежде чем они стали точно работать. То выяснялось, что батометр нельзя спускать в воду до самого дна, так как он тогда портился и пропускал воду. То пеньковый трос, прикрепленный к батометру, не годился, и приходилось добывать другой батометр, со стальным тросиком. Словом, хлопот и возни было очень много.

Но Макаров не отступал от своего намерения.

Труднее всего оказалось измерить скорость глубинного течения. Определить быстроту поверхностного течения было несложно. Для этого опустили в воду обыкновенный поплавок, засекли время, когда он начал двигаться, затем отметили момент его остановки. Зная расстояние, пройденное поплавком, легко можно было вычислить скорость поверхностного течения.

Но как определить скорость глубинного течения? Ведь поплавок здесь не поможет. А другого прибора, годного для этой цели, во времена Макарова еще не существовало.

Что же делать? Не отказываться же из-за этого от исследований, начатых с таким успехом.

И Макаров решил сам сконструировать прибор для измерения скорости течения.

Главной частью этого прибора, который Макаров назвал флюктометром[8], был пропеллер с двумя лопастями. Когда такой пропеллер попадал в струю течения, лопасти начинали вращаться с тем большей скоростью, чем сильнее было течение. По числу оборотов лопастей нетрудно вычислить, какова скорость течения.

Но тут возникло новое затруднение. Как считать число оборотов? Ведь наблюдать за пропеллером под водой, да еще на большой глубине, очень сложно.

Макаров стал думать, как усовершенствовать свой прибор. Сначала он попробовал укрепить на пропеллере светящиеся пластинки. Но эти пластинки светились так слабо, что с поверхности пролива были совершенно не видны.

Тогда Макаров придумал другой способ. К пропеллеру прикрепили колокольчик. Его язычок был сделан так, что мог колебаться только в одной плоскости. Чтобы при каждом обороте пропеллера колокольчик звонил всего один раз, с одной стороны его язычка приделали резинку.

Когда все было готово, Макаров попробовал свой флюктометр в действии. Но его ждало новое разочарование. Оказалось, что звон колокольчика совершенно заглушался даже малейшим шумом на поверхности пролива.

Нужно придумывать еще что-то. Тогда Макаров приспособил специальную слуховую трубу, которая одним, более широким, концом погружалась глубоко в воду.

Но и это не помогло. Шум течения заглушал все посторонние звуки.

Неужели придется отказаться от такого важного опыта! Ведь столько уже потрачено сил, столько проделано удачных наблюдений!

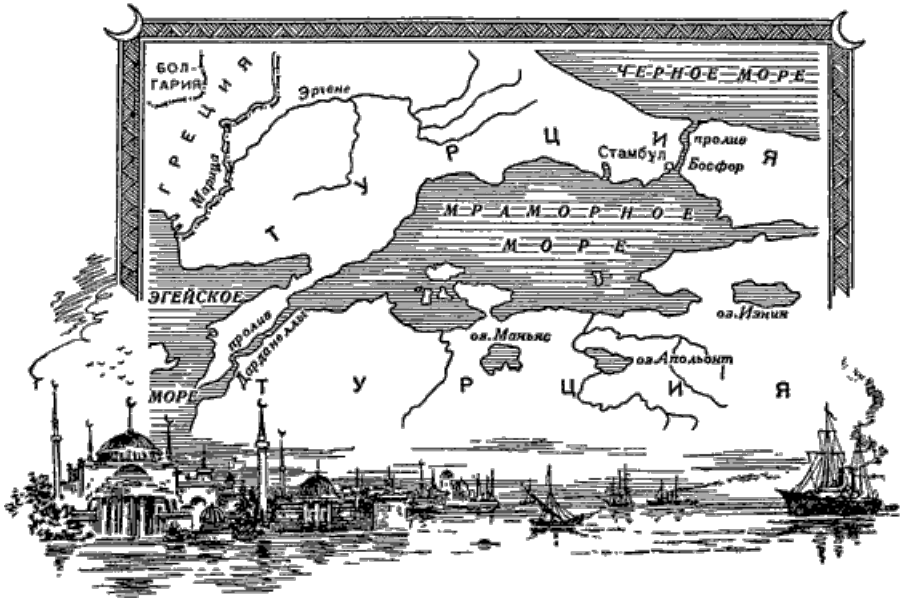
И тут, как это часто бывает, на помощь пришел случай. Кто-то из команды, находясь в трюме парохода, вдруг услышал то, что так долго и безуспешно пытались уловить через слуховую трубу. Звон колокольчика флюктометра был хорошо слышен в трюме через железное дно судна. А шум волн и поверхностного течения туда совершенно не доносился.

Так наконец удалось разрешить эту сложную задачу.

Теперь оставалось добиться, чтобы прибор держался в воде в вертикальном положении и чтобы течение его не уносило. Добиваясь этого, Макаров утопил два флюктометра: пеньковым тросам явно не хватало прочности. Пришлось немало повозиться, чтобы устранить все неполадки. Наконец, третий прибор начал регулярно действовать.

Около года вел Макаров свою исследовательскую работу в Босфоре. За это время он и его помощники проделали тысячу наблюдений за обоими течениями, четыре тысячи раз определяли удельный вес морской воды на разных глубинах и столько же раз измеряли температуру в различных слоях воды. Они работали днем и ночью, летом и зимой. Результаты исследований оказались очень важными для науки. Вот к каким выводам пришел Макаров.

В проливе Босфор имеются два течения. Одно направляется из Черного моря в Мраморное, другое наоборот — из Мраморного моря в Черное. Первое течение поверхностное, второе — глубинное. Макаров выяснил, почему возникли эти течения.



Карта пролива Босфор, соединяющего Черное и Мраморное моря.

Посмотрим на карту Черного и Азовского морей. В них впадает множество всевозможных рек. Здесь Дунай и Днестр, Южный Буг и Днепр, Дон и Кубань, Рион и много мелких речек, стекающих с кавказского побережья. Кроме того, немало речек впадает в Черное море и у берегов Турции.

Реки приносят в Черное море очень много пресной воды. К тому же здесь обычно выпадают сильные дожди. Все это создает избыток пресной воды в море. Куда же деваться этому избытку? Ведь если лишней воде не будет никакого выхода, уровень Черного моря сильно повысится и берега окажутся затопленными. Этого не происходит, потому что часть воды испаряется. А другая, большая часть, устремляется к единственному выходу — через пролив Босфор, Мраморное море и Дарданеллы в Средиземное море. Так избыток воды Черного моря создает поверхностное течение.

Но это еще не всё. Пресные воды, поступающие из рек, не только повышают уровень Черного моря, но и сильно опресняют его. В Мраморном море вода гораздо солонее, чем в Черном.

Значит, уровень Черного моря выше, а соленость воды куда меньше, чем в Мраморном. Эта разница в солености Черного и Мраморного морей раскрывает тайну глубинного течения.

По законам физики известно, что, чем больше вода насыщена солями, тем больше ее плотность и удельный вес. И наоборот, чем

меньше ее соленость, тем плотность и удельный вес меньше. Значит, более соленая вода тяжелее.

В Мраморном море вода более соленая, чем в Черном, значит, она имеет большую плотность, чем вода Черного моря.

А давление по тем же законам физики больше там, где вода плотнее и тяжелее. Вот и получается, что на одинаковой глубине давление в Мраморном море больше, чем в Черном. И так как моря соединены между собой узким проливом, это давление заставляет воду перемещаться из тех мест, где давление больше, в ту сторону, где оно меньше, то есть из Мраморного моря в Черное.

Этим и объясняется постоянное движение воды в глубине Босфора в сторону Черного моря.

Макаров не только разобрался в природе течений. Он выяснил еще много любопытных и важных подробностей.

Прежде всего он установил, что граница между верхним и нижним течениями проходит не горизонтально, а наклонно. Ближе всего к поверхности граница у Мраморного моря — 20 метров. Затем она понижается и у Черного моря проходит уже на глубине 50 метров. Это и понятно. Чем больше соленость воды, тем ближе к поверхности глубинное течение.

Кроме того, Макаров установил, что уровень Черного моря выше уровня Мраморного примерно на 40 сантиметров. Отчасти поэтому поверхностное течение уносит в Мраморное море почти вдвое больше воды, чем возвращает в Черное море глубинное течение.

И еще одну интересную особенность заметил Макаров. Он обнаружил, что поверхностное течение движется по Босфорскому проливу прямолинейно, кратчайшим путем. Совсем не так идет глубинное течение. Оно извивается, покорно следуя всем изгибам и поворотам русла пролива.

На основе всех этих наблюдений и исследований Макаров написал большую работу — «Об обмене вод Черного и Средиземного морей». В этой работе он доказал правильность своих выводов и высказал очень важные мысли о природе течений. Труд Макарова лег в основу разработанной впоследствии теории плотностных течений[9]. Его океанографическая работа была крупным вкладом в молодую науку океанографию и сделала его одним из ведущих океанографов мира.

Кочующее озеро

Трудно себе представить, чтобы обыкновенное озеро вдруг начало кочевать — менять свое обычное местоположение. Слишком уж это похоже на сказку.

Однако такие непоседливые озера существуют.

Что же заставляет их перекочевывать с места на место и как это происходит?

В 1876 году знаменитый путешественник и исследователь Центральной Азии Николай Михайлович Пржевальский отправлялся в свою вторую экспедицию. Путь лежал через пустыню Такла-Макан, к самому сердцу Средней Азии, озеру Лобнор.

Об этом озере в то время никто ничего не знал. Европейцы еще не побывали у его берегов. Только древние китайские географы упоминали о Лобноре и изобразили его на картах. Но эти карты появились очень давно, еще в VII веке, и все сведения о Лобноре, и без того самые общие, сильно устарели.

Да и не только о Лобноре ничего не было известно. Весь огромный район Центральной Азии до путешествий Пржевальского оставался неисследованным.

Н. М. Пржевальский с юности мечтал отправиться в далекое, трудное путешествие. Первая же экспедиция в Уссурийский край сделала его опытным путешественником.

Вслед за этим Пржевальский совершил четыре длительных и сложных путешествия в Центральную Азию. Под палящими лучами солнца, в раскаленных песках пустыни и в жгучий мороз на вечноснеговых горах Северного Тибета Пржевальский непрерывно вел свои научные наблюдения над жизнью и природой этих краев.

Китайские власти подозрительно относились к чужеземцам. Но отважный путешественник со своим небольшим отрядом, часто без воды и свежей пищи, пробирался в самые недоступные места Центральной Азии. Какие бы трудности и лишения ни приходилось терпеть Пржевальскому, он никогда не сворачивал с намеченного пути. Всю свою жизнь замечательный путешественник посвятил благородному служению науке.

Второе, Лобнорское путешествие Пржевальского было особенно сложным и трудным. Правительство Китая не хотело пускать русских в глубь Центральной Азии. Пржевальскому с большим трудом удалось добиться, чтобы ему выдали паспорт на путешествие. Китайское правительство тщательно следило за движением экспедиции и всячески ей мешало.

Однако Пржевальского ничто не останавливало, и экспедиция неуклонно двигалась вперед. Наконец путешественники достигли реки Тарим. В песках, среди которых течет эта река, кое-где поблескивали небольшие озерца и тростниковые болота. Берега были извилисты и местами покрыты кустарниками и колючками.

Озеро покрыто тростником и напоминает болото.

В нижнем своем течении Тарим разливался в озеро. Местные жители называли его Кара-Буран, что означает «Черная буря». Озеро было неглубокое, но занимало довольно большую площадь — около 300 квадратных километров. Когда дули восточные или северо-восточные ветры, на нем поднималась большая волна. По рассказам местных жителей, воды озера нередко в таких случаях выходили из берегов и затопляли прибрежные пространства на юго-западе. Поэтому и появилось название «Черная буря».

Выйдя из озера, Тарим снова нес свои воды к востоку вдоль песчаных извилистых берегов. Чем дальше на восток, тем мельче

становилась река и наконец исчезала совсем.

Вот как описывает исчезновение Тарима Пржевальский:

«По выходе из Кара-Бурана Тарим снова является порядочной рекой, но вскоре начинает быстро уменьшаться в своих размерах. Тому причиной служат отчасти многочисленные канавы, посредством которых жители отводят в стороны (для рыболовства) воды описываемой реки. С другой стороны ее давит соседняя пустыня, которая все более и более суживает площадь орошенного пространства, поглощает своим горячим дыханием всякую лишнюю каплю влаги и окончательно преграждает Тариму дальнейший путь к востоку. Борьба оканчивается. Пустыня одолела реку, смерть поборола жизнь. Но перед своей кончиной бессильный уже Тарим образует разливом последних вод обширное тростниковое болото, известное с древних времен под именем Лобнора».

Итак, таинственный Лобнор, по описаниям Пржевальского, оказался огромным тростниковым болотом, в котором заканчивала свое течение река Тарим. Это озеро-болото, как рассказывали путешественникам местные жители, протянулось в длину на 100 километров, а в ширину примерно на 20 километров.

Пржевальский пытался пересечь Лобнор в длину, но ему это не удалось. Лодка дошла до середины озера и остановилась. Путь ей преградили густые заросли тростников и мели.

Лодка, на которой Пржевальский пытался пересечь озеро, вскоре уперлась в тростники.

Тростники покрывали почти всю поверхность озера. Большое пространство чистой воды Пржевальский нашел только у южного берега. Оно тянулось километра на два — три. Местные жители рассказали, что такое большое пространство чистой воды появилось совсем недавно, всего лет шесть назад. До этого озеро почти совсем обмелело. А вот около 30 лет назад озеро было гораздо глубже, чем теперь, и не так сильно зарастало тростниками. Но Тарим год от года приносил все меньше воды, и тростники затягивали Лобнор все сильнее, пока река снова не сделалась полноводнее.

Однако к этому времени озеро уже так густо поросло

тростником, что деваться прибывающей воде стало некуда, и она начала затоплять берега.

Кроме того, оказалось, что Лобнором местные жители именуют не само озеро, а все низовье Тарима. Об озере Лобнор они никогда ничего не слыхали, а покрытое тростниками болото, которое Пржевальский считал Лобнором, издавна называлось у них Кара-Кошун, или Чон-Куль, что значит «Большое озеро».

Однако Пржевальский не сомневался, что он нашел настоящий Лобнор, упоминаемый еще китайскими картографами. Он тщательно изучал окрестности озера. И хотя не на всех берегах удалось побывать, путешественники собрали немало интересных сведений о жизни этого удивительного водоема.

Еще в средние века китайские путешественники посетили берега озера Лобнор.

В своем отчете о Лобнорской экспедиции Пржевальский подробно рассказывает о растительном и животном мире озера; о

почвах, слагающих окружающую его местность; о том, что вода в самом озере пресная, а у берегов имеет соленый привкус, так как растворяет соли, находящиеся в прибрежных почвах.

Пржевальский часто беседовал с местными жителями, посещал их селения, ко всему присматривался и записывал все, что ему удавалось видеть и слышать.

В отчете он убедительно рассказал об особенностях быта этих людей, их образе жизни, нравах и обычаях. Кроме того, Пржевальский составил подробную карту Лобнора, Тарима и их окрестностей. Вот как она выглядела.

В верхнем течении Тарим несет свои воды по одному руслу. Спустя примерно 70 километров от него ответвляется рукав — Кюк-Ала-Дарья. Он протекает самостоятельно около 140 километров, а потом снова сливается с Таримом.

Уже перед самым озером Кара-Буран к Тариму присоединяется река Черчен-Дарья, идущая с запада. А почти параллельно Тариму, только к востоку от него, протекает еще одна река — Конче-Дарья, впадающая в рукав Тарима — Кюк-Ала-Дарью.

Таким образом, озеро Лобнор питается не только водами Тарима, но и водами рек Конче-Дарьи и Черчен-Дарьи.

«Еще шаг успеха в деле исследования внутренней Азии — бассейн Лобнора, столь долго и упорно остававшийся в неведении, открылся наконец для науки», — писал сам Пржевальский. И это было действительно так. Результаты Лобнорской экспедиции обсуждались в научных кругах всей Западной Европы. Отчет о ней, напечатанный в «Известиях Географического общества», был переведен на английский и немецкий языки. Пржевальский завоевал популярность как замечательный путешественник, географ и натуралист.

Открытие Лобнора заинтересовало многих западноевропейских географов и, в частности, немецкого ученого Рихтгофена — знатока географии Китая. Он очень высоко ценил Пржевальского как исследователя Центральной Азии.

В связи с пятидесятилетием со дня основания Берлинского Географического общества была учреждена большая золотая медаль имени знаменитого географа и естествоиспытателя Александра Гумбольдта.

Рихтгофен выступил на заседании общества и, отметив большое значение научных исследований Пржевальского, предложил наградить его этой медалью.

На заседании Берлинского Географического общества Пржевальскому была присуждена большая золотая медаль.

Однако, говоря об открытии Лобнора, Рихтгофен высказал сомнение, не ошибся ли русский путешественник, назвав так найденное им озеро. Ведь местные жители не знали озера под таким названием. Лобнор Пржевальского они именовали Чон-Куль, или Кара-Кошун. Кроме того, и это была основная причина сомнений Рихтгофена, на китайских картах и в исторических описаниях Лобнор помещался гораздо севернее того озера,

которое открыл Пржевальский.

И еще одно обстоятельство смущало немецкого географа. Пржевальский пишет, что вода в Лобноре пресная. Однако до сих пор принято было считать, что Лобнор — озеро соленое.

Все эти противоречия привели Рихтгофена к мысли, что, возможно, река Тарим изменила почему-либо свое русло и течет теперь не на восток, как когда-то раньше, а на юг. Это явление нередкое для пустынь и полупустынь Средней и Центральной Азии. В результате и образовались озера Кара-Буран и Кара-Кошун.

Пржевальский не замедлил ответить на замечания Рихтгофена. Прежде всего он считал, что относительно местоположения Лобнора была допущена ошибка в старинных китайских картах. Ведь карта Центральной Азии, где впервые упоминался Лобнор, создавалась в начале VII столетия, а следующая карта появилась только через два века. Эти карты были весьма несовершенны. В них порой допускались существенные ошибки, как и вообще в старинных картах.

Рихтгофен предполагает, что на своем пути к востоку Тарим когда-то мог прорваться на юг, оставив лишь небольшой рукав, питающий озеро. В таком случае от нынешнего главного русла Тарима должно было отходить сухое русло. Но Пржевальский его не обнаружил. К тому же местные жители ни словом не обмолвились, что дальше к северу есть озеро, которое называется Лобнор. А уж они-то должны были об этом знать.

И, наконец, последнее расхождение. По китайским источникам, вода в Лобноре соленая, а Пржевальский нашел ее пресной. Собственно говоря, Пржевальский считал, что никакого противоречия здесь нет. Он уточнил вопрос, объяснив, что в озере Кара-Буран действительно вода пресная, потому что оно проточное. В Лобноре же она пресная только вначале, а затем, чем дальше озеро врезается в солончаковые почвы, тем солонее становится и вода.

Древний и современный Лобнор.

Рихтгофена не убедили доводы Пржевальского. Он остался при своем мнении. К нему присоединились и многие другие ученые.

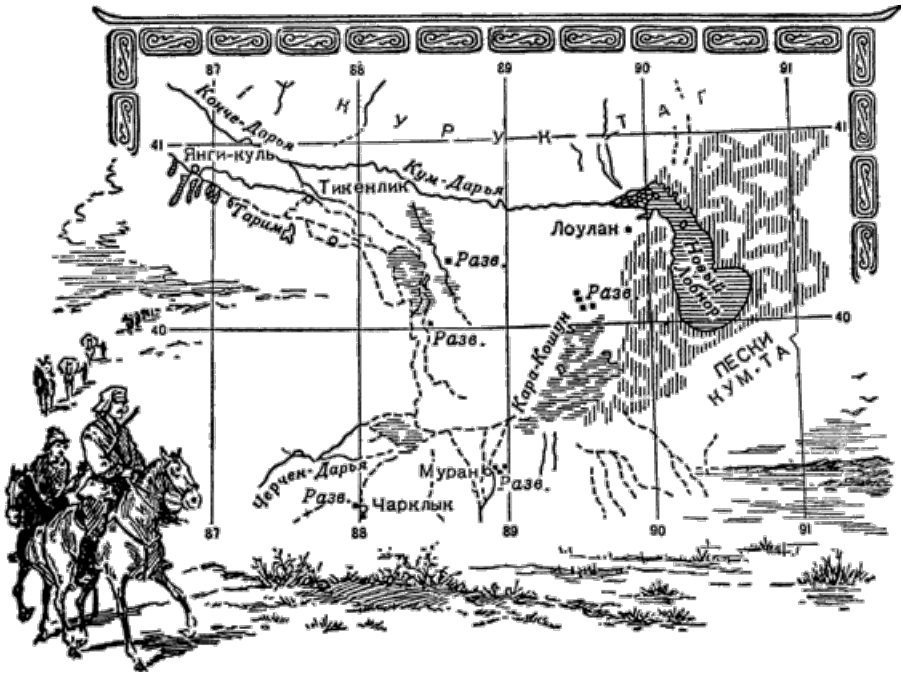
Вопрос, кто прав — Рихтгофен или Пржевальский, — долго волновал ученых-географов. Одним казалось, что прав Пржевальский, другие считали, что доводы Рихтгофена более убедительны.

Немало экспедиций посетило район Лобнора после Пржевальского. В окрестностях озера побывали и французские, и английские, и шведские путешественники. Всем им не терпелось разрешить спор между немецким и русским географами.

Сам Пржевальский вторично посетил озеро во время четвертого путешествия по Центральной Азии. Вместе со своими ближайшими помощниками Козловым и Роборовским он снова тщательно исследовал Лобнор.

Козлов и Роборовский впоследствии тоже стали известными исследователями Центральной Азии и с успехом продолжали

дело, начатое их другом и учителем. И тот и другой снова навещали берега Лобнора.



Лобнорская котловина и дельта Тарима.

Особенно интересовался историей этого озера Козлов. Он и обратил впервые внимание на одно обстоятельство, которое много лет спустя помогло решить спор между Пржевальским и Рихтгофеном.

Это случилось в конце 90-х годов прошлого столетия. Козлов в то время занимался исследованием реки Конче-Дарьи. Он обратил внимание, что там, где река поворачивала на юг, к Кюк-Ала-Дарье, на восток отходило сухое русло.

«Оно мертво, вид его печальный, уцелевшие берега наполовину возвышенные. По всему бывшему течению разбросаны сухие стволы тополей; многие еще продолжают стоять, будучи наполовину занесены песком…»

По всему руслу разбросаны сухие стволы тополей.

Так рисует Козлов картину покинутого русла. У местного населения это русло называется Кум-Дарья, или Курук-Дарья, то есть песчаная, или сухая река.

Козлов пришел к выводу, что было время, когда Конче-Дарья не поворачивала на юг и не вливалась в Кюк-Ала-Дарью, а текла на восток. Значит, задолго до путешествий Козлова и Пржевальского карта окрестностей Лобнора имела совсем другой вид.

Так оно и было. Это удалось выяснить окончательно спустя четверть века.

В 1928 году на берегах Кум-Дарьи побывал английский путешественник Шомберг. Он увидел там «…реку с руслом до 200 шагов ширины, с довольно быстрым течением, недавний же уровень был выше, и ширина русла вдвое больше». Так писал Шомберг о том сухом, песчаном русле, которое Козлов еще сравнительно недавно с полным основанием называл мертвым.

Но ничего сверхъестественного не произошло. Оказалось, что река Конче-Дарья вернулась в свое старое русло, которое она покинула, вероятно, сотни лет назад.

И последствия этого события не замедлили сказаться. Стала оживать пустыня вокруг возрожденной реки. «Интересно было видеть, — писал Шомберг, — как новая растительная жизнь пробуждалась в мертвой долине, тишину которой нарушали шум волн, разрушение берегов, падение песчаных дюн в воду, движение сухих тополей — тограков. Все это было словно в

сказке».

Тарим, лишенный такого могучего источника воды, каким служила ему Конче-Дарья, начал постепенно хиреть. Это сразу же отразилось на Лобноре Пржевальского. Перестав получать воду, озеро все больше мелело и засолонялось. Лобнор умирал, лишенный живительной влаги.

Вместе с водой, повернувшей на северо-восток в старое русло Конче-Дарьи, уходила и жизнь. Местное население, зависящее от озера и реки, дающих воду для орошения полей и рыбу для пищи, стало заселять берега вновь возникшей реки.

Лобнор Пржевальского исчезал на глазах. И одновременно с его исчезновением на первом пути Конче-Дарьи возрождалось другое озеро, ложе которого многие сотни лет оставалось сухим и песчаным. Оно находилось как раз там, где его изображали на своих картах древние китайские географы.

Итак, выходило, что в споре о расположении озера Лобнор правы были и Пржевальский, и Рихтгофен. Лобнор оказался кочующим озером, которые очень редко встречаются в природе. И кочевало это озеро из одного ложа в другое, невольно подчиняясь капризам Конче-Дарьи, менявшей свое русло.

Теперь можно ясно представить, как это все происходило.

Было время, когда Конче-Дарья текла на восток. Она не спеша несла свои воды среди песков. Рядом с основным потоком извивались бесчисленные рукава и рукавчики. Русла их часто оказывались занесенными песчаными отложениями. Но главное течение реки уверенно пробивало себе дорогу. В наиболее низменной части котловины, по которой текла Конче-Дарья, образовалось озеро, мелкое и все поросшее тростником. Это и был древний Лобнор, лежащий к северо-востоку от озера, открытого Пржевальским. И пока Конче-Дарья питала его своими водами, оно благополучно существовало.

Но вот произошли какие-то изменения, и река, оставив свое старое русло, метнулась на юг. И вскоре от некогда обширного бассейна Лобнора остались лишь жалкие следы в виде маленьких озер да многочисленных солончаков, а на месте прежде полноводной Конче-Дарьи — сухое русло, безжизненная Кум-Дарья.

Зато оживилось нижнее течение Тарима. Конче-Дарья, впадая в его рукав Кюк-Ала-Дарью, влила в него новые силы. Теперь полноводный Тарим, достигнув ближайшей впадины, разлился и образовал новое озеро. Оно ничем не отличалось от древнего Лобнора, сухое ложе которого осталось где-то севернее: такое же неглубокое, поросшее тростниковыми зарослями.

Таким и нашел его здесь Пржевальский в 1877 году.

Время шло. Конче-Дарья постепенно размывала песчаные наносы. Наконец она прорвала их, вновь устремилась на восток и заполнила водой свое старое мертвое русло.

Теперь стало мелеть озеро Лобнор Пржевальского. Точно так же, как раньше древнее озеро, оно вскоре стало меньше, дно его обнажилось и покрылось солончаками. Лишь кое-где сохранились еще небольшие блюдца сильно засоленной воды.

А тем временем древнее озеро Лобнор оживало и принимало свой прежний вид. Конче-Дарья теперь питала его своими водами.

Почему же Конче-Дарья с течением времени изменила русло? Какие силы заставили ее проделать это?

В основном здесь две причины.

Прежде всего, это зависело от деятельности человека. По берегам Конче-Дарьи разбросано множество селений. Жители этих селений для орошения своих посевов сооружают каналы и отводят воду реки на поля.

В том месте, где Конче-Дарья поворачивала к югу, а к востоку уходила сухая Кум-Дарья, вода текла по каналам тоже на восток. Весь избыток воды с полей неизбежно попадал в старое высохшее русло — ведь оно было совсем близко. Вода размывала сухое ложе реки, или, как говорят географы, разрабатывала его, и этим как бы подготовляла к возвращению Конче-Дарьи. Это первая причина.

Вторая же зависит от характерных особенностей пустынных рек. Вот как объясняет это явление известный советский путешественник и исследователь Монголии Э. М. Мурзаев:

«Бесконечная работа рек, их разрушающая сила сама создает причины изменения течения. В низовьях Тарима и Конче-Дарьи господствуют песчаные и глинистые отложения, они легко размываются текучей водой, которая подмывает берега то с одной стороны, то с противоположной. Если во время сильного подъема воды в реке главная струя фарватера ударит в место ответвления старой протоки, то тем самым вода может прорвать и размыть перешеек, отделяющий протоку от главного русла, тем более что этот перешеек сложен рыхлыми наносными грунтами. В протоку хлынет вода, которая будет расширять и углублять ее русло. Старое русло может совсем отмереть, если падение в протоке окажется большим, а это определит и энергию реки. У Конче-Дарьи уклон круче, чем у Тарима, это способствовало тому, что и главный сток постепенно переместился на север в Кум-Дарью».

Так оно, очевидно, и получилось. До поры до времени Конче-Дарья текла в южном направлении, к Тариму. Но в один прекрасный день под ее напором не устояли песчаные наносы, преграждавшие ей путь на восток, в старое русло. Река прорвала

их и с шумом устремилась в уже изрядно размытое и подготовленное к ее встрече водами из оросительных каналов сухое русло Кум-Дарьи.

Так река Конче-Дарья, вернувшись в свое старое русло, помогла решить загадку озера Лобнор.

Умершая река

Впадала ли когда-нибудь Аму-Дарья в Каспийское море? Этот вопрос долгое время занимал многих исследователей.

О существовании Каспийского моря знали еще древние греки и римляне. Но в те времена ученые не имели о нем ясного представления Одни думали, что Каспийское море — это большой залив океана. Другие — и они были совершенно правы — считали его замкнутым бассейном, не соединяющимся ни с каким другим морем. Однако все эти ученые, давая краткое описание Каспийского моря, среди многих рек, впадающих в него, неизменно называли Окс, Ох и Яксарт. И текли эти реки с Индийских гор. Вот, например, как писал в своем труде «География» известный римский географ Страбон: «Из тех самых Индийских гор, из которых текут Ох, Окс и многие другие реки, вытекает и Яксарт, впадающий, подобно им, в Каспийское море».

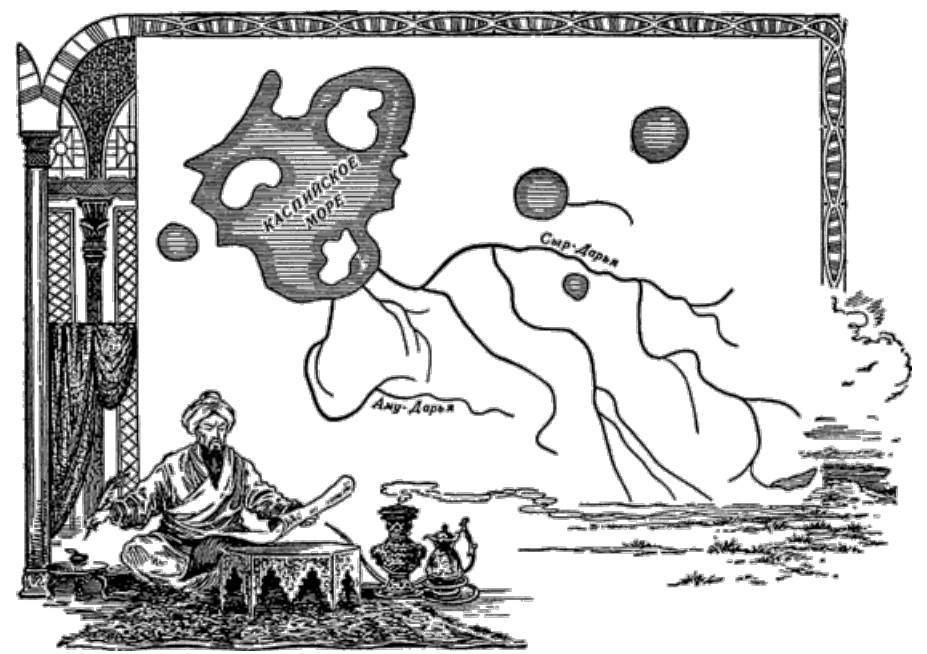
Без сомнения, на современной географической карте искать эти наименования было бы напрасно: они давно сменились другими. Ученые установили, что Оксом в старину называли Аму-Дарью, Яксартом — Сыр-Дарью, Охом, очевидно, реку Атрек. А под Индийскими горами подразумевали горные хребты Средней Азии и все, что за ними лежало на юг и восток.

Значит, первые упоминания о том, что Аму-Дарья несла свои

воды в Каспийское море, появились еще в самом начале нового летосчисления, когда Страбон писал свою «Географию».

Конечно, полностью доверять описаниям древних ученых нельзя. Ведь они сами никогда не видели ни Каспийского моря, ни рек, впадающих в него.

Гораздо достовернее сведения, оставленные арабскими географами спустя почти тысячу лет после Страбона. Аму-Дарью они называли Джейхун и описывали ее уже не по туманным рассказам, а на основании собственных наблюдений. И что же оказалось? В описаниях всех арабских географов IX и X веков говорилось, что Аму-Дарья, так же как и Сыр-Дарья, впадала не в Каспийское, а в Аральское море. Правда, кое-кто из них упоминал о сухом русле, отходящем от Аму-Дарьи в сторону Каспия. При этом ссылались на предания, бытующие среди жителей низовьев Аму-Дарьи. В них рассказывалось, что когда-то, в очень отдаленные времена, Аму-Дарья поворачивала от Аральского моря на запад, к Каспийскому.



Аму-Дарья по арабским источникам.

Значит, одно из двух: либо Аму-Дарья несла свои воды только в Каспийское море, либо одновременно впадала еще и в Аральское, раздваиваясь в своих низовьях. Такой вывод можно сделать из сочинений арабских географов IX–X веков.

А спустя три столетия известный персидский географ

Казвини в одном из своих трудов говорит: «Море Хазарское. В нем около 200 островов. Из них самый известный Абескун теперь скрыт под водой по той причине, что Джейхун, прежде впадавший в Восточное море, расположенное против страны Яджудж и Маджудж, около времени появления Монголов изменил свое течение и направился к этому морю. Так как это море не соединено с другими, то по необходимости вода затопила часть материка для уравнения прихода и расхода».

Хазарским морем Казвини называет Каспий, Восточным — Аральское море, Джейхуном — Аму-Дарью. Монголы в низовья Аму-Дарьи пришли в начале XIII века. В 1221 году они завоевали государство Хорезм, расположенное у впадения Аму-Дарьи в Аральское море.

В другом своем сочинении Казвини утверждает, что хотя Джейхун изменил свое течение и направился в Каспий, но часть его вод продолжала изливаться в Аральское море.

Примерно то же говорит и арабский географ Ал-Омари. Он упоминает о двух рукавах Аму-Дарьи. Один из них, вероятно, не что иное, как главное русло реки, а второй — сухое русло, ведущее к Каспию.

Нет оснований не верить Казвини и Ал-Омари. Их свидетельства — не пустые предположения, а факты. Впадала ли Аму-Дарья в древности в Каспийское море, остается только догадываться. А вот что она до XIII столетия текла в Аральское море, а потом образовала рукава и частично повернула на запад, к Каспию, можно не сомневаться.

Но ведь сейчас Аму-Дарья снова целиком вливается в Аральское море. Когда же высох западный рукав реки?

Абулгази, хан Хивы, живший в первой половине XVII века, написал об этом событии в своей «Истории». Там рассказывается, что в 1573 году Аму-Дарья перестала течь на запад и повернула свои воды опять в Аральское море.

Хан Хивы Абулгази в своей «Истории» упомянул об Аму-Дарье.

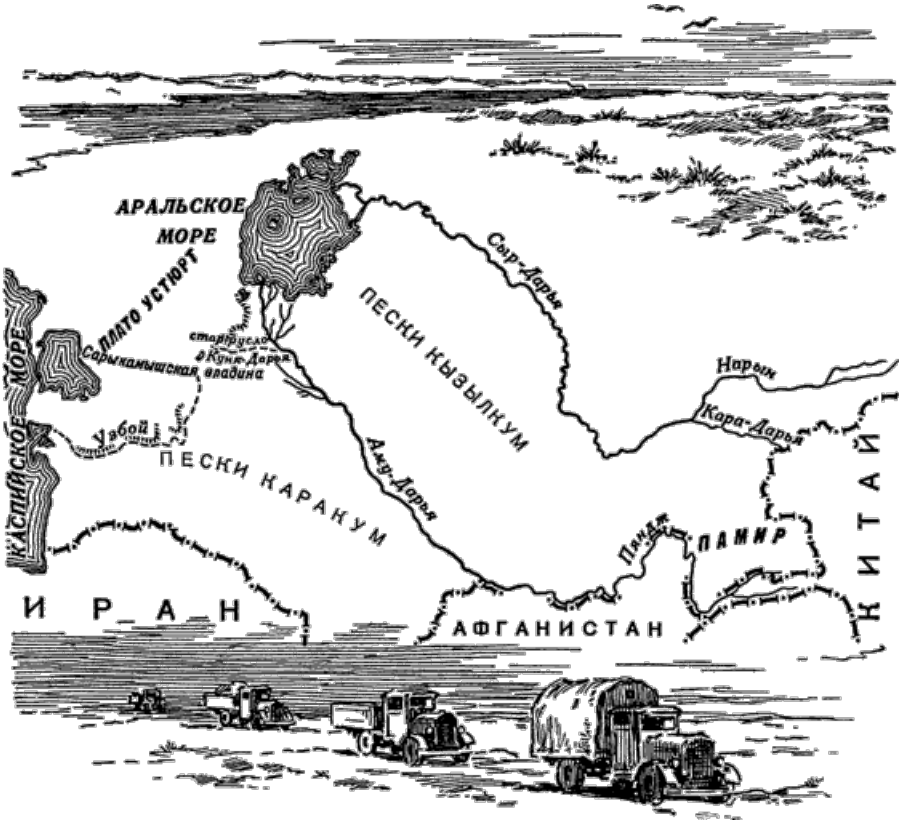
В России и Западной Европе это стало известно несколько позднее, и на картах еще долго изображали Аму-Дарью впадающей в Каспийское море.

Однако ко времени царствования Петра I об этом уже узнали. В 1714 году к царю Петру I привели туркмена Хаджи-Нефеса. Он рассказал, что «в стране, лежащей при реке Аму, добывается песочное золото и что хотя речка эта, впадавшая прежде в Каспийское море, ради безопасности от русских узбеками отведена в Аральское море, но, перекопав плотину, можно обратить реку в ее прежнее русло…»

Петр I немедленно приказал снарядить экспедицию к предполагаемому каспийскому устью Аму-Дарьи.

Руководителю экспедиции князю Бековичу-Черкасскому было поручено идти от этого устья к Хиве вдоль русла реки и узнать, нельзя ли повернуть ее воды обратно на запад.

Аму-Дарья заинтересовала Петра I не случайно. Ведь истоки реки лежат в Индийских горах. И если бы затея удалась, то эту могучую реку можно было бы использовать, как водный путь в Индию.



Современная карта Аму-Дарьи.

Бекович-Черкасский по приезде в Астрахань начал расспрашивать всех, кто мог хоть что-нибудь сообщить об Аму-Дарье. «Сыскал таких людей, — писал он вскоре в Петербург, — которые знают оную реку, называют Аму-Дарья, сказывают, что немалая река, берется вершиной от Индии, течет Бухарскою землею и Хивинскою, падает в озеро, названием Аральское море, которое имеет расстояние от Каспийского моря четырнадцать дней ходу; иные сказывают, будто малый приток есть из озера в море Каспийское — токмо такого человека нет, который видел: сказывают, что видели».

Однако надо было увидеть своими глазами эту реку. Бекович-Черкасский снарядил флотилию из двадцати судов и поплыл вдоль восточного берега Каспийского моря.

Время от времени князь высаживался на берег и опять расспрашивал местных жителей — туркменов. Вскоре рассказы астраханцев подтвердились. Туркмены поведали, что действительно было время, когда Аму-Дарья текла в Каспийское море. Устье ее находилось там, где стоит нынешний город

Красноводск. Возвратить реку в ее старое русло — дело вполне осуществимое.

Бекович-Черкасский обрадовался таким обнадеживающим известиям. Он тут же послал трех человек в Хиву, чтобы они на обратном пути следовали вдоль высохшего русла Аму-Дарьи и тщательно осмотрели его до самого каспийского устья.

В Петербург он не замедлил сообщить: «Сего августа третьего числа доехал на место званием Актам, где текла Аму-Дарья река в море Каспийское. Ныне в том месте нет воды, понеже не в ближних местах, для некоторых причин, оная река запружена плотиною, на урочище Харакае, от Хивы в четырех днях езды. От той плотины принуждена течь оная река в озеро, которое называется Аральское море».

Экспедиция Бековича-Черкасского кончилась неудачно. Хивинскому хану не понравился приход русских в его владения. Он заманил доверчивого князя и его спутников к себе и устроил жестокое побоище. Только двоим из всей экспедиции удалось спастись.

Хивинский хан заманил к себе русских и устроил жестокое побоище.

Петру I не довелось осуществить свое намерение: вернуть Аму-Дарью в старое русло.

Несколько позднее дипломатический представитель России в Бухаре писал, что прежде Аму-Дарья направлялась к Каспийскому морю, но не полностью, а частично. Для чего же был прегражден реке путь на запад, он не знал и кого ни спрашивал, никто

объяснить не мог.

С тех пор среди географов надолго укрепилось мнение, что Аму-Дарья некогда впадала и в Каспийское и в Аральское моря одновременно. Потом она снова вернулась в Аральское море. А от рукава Аму-Дарьи, впадавшего в Каспий, осталось только сухое русло. Это русло местные жители стали называть Узбоем.

И только в наши дни ученым-географам удалось окончательно прочитать историю Аму-Дарьи и высохшего русла Узбоя.

Оказалось, что очень давно, еще в доисторические времена, Узбой действительно был полноводной рекой и впадал в Балханский залив Каспийского моря. Но жизнь ему давала не Аму-Дарья, а Сарыкамышское озеро, из которого Узбой вытекал. А вот само Сарыкамышское озеро питалось водами Аму-Дарьи. Если Аму-Дарья давала достаточно воды этому озеру, то уровень его повышался, и мощный поток устремлялся в русло Узбоя.

Так Аму-Дарья добиралась до Каспийского моря через Узбой.

И, конечно, плотин, о которых рассказывал Петру I туркмен Ходжа-Нефес, никогда не было. Географы полагают, что Аму-Дарья сама закрыла себе путь на запад своими же песчаными наносами.

Теперь Аму-Дарья несет свои воды в Аральское море. Но иногда, во время сильного весеннего паводка, она прорывает песчаные наносы и устремляется по старым руслам к Сарыкамышскому озеру. С приходом живительной влаги пустыня просыпается, на песчаных берегах появляются растения, прилетают птицы, приходят животные. Но все это ненадолго. Капризная Аму-Дарья снова возвращается в свое русло, и опять замирает жизнь в пустыне. Только небольшие соленые озерца говорят о недавних переменах.

Теперь Аму-Дарья снова несет свои воды в Аральское море.

В советское время на берегах Аму-Дарьи побывали экспедиции Академии наук СССР. Аму-Дарья — полноводная и могучая река, и ее воды могло бы хватить на орошение огромной части пустынь Советской Азии. Ученые решают вопрос о том, чтобы в будущем повернуть Аму-Дарью по старому руслу и дать жизнь Узбою, а вместе с ним и окружающей его пустыне.

Мертвый город у мертвой реки

Когда река меняет свое русло, последствия бывают самые неожиданные.

То озеро, лежащее на ее пути, изменяет свое местоположение, как, например, Лобнор. То реке как будто надоедает впадать в одно море, и она устраивает себе новое устье, вынося свои воды в другой водоем, отстоящий от первого на многие сотни километров, как, например, Аму-Дарья.

А иногда река течет попеременно то в один, то в другой залив, тоже расположенные друг от друга на изрядном расстоянии. Такова Хуанхэ, одна из величайших рек Китая. Она не раз впадала в Желтое море то севернее, то южнее полуострова Шаньдун.

И всякий раз, когда река меняет русло, это отражается на жизни людей, поселившихся на ее берегах. Ушла вода в другое место — значит, нужно уходить и человеку. Ведь без воды в пустыне ему не прожить. Откуда взять влагу, чтобы напоить свои посевы, если рядом нет реки? Все сохнет без воды, убегают звери, улетают птицы. Остаются одни солончаки и сыпучий песок.

Поэтому нередко случалось, что человек бросал давно обжитые места и уходил вслед за изменившей русло рекой или переселялся к другим ближайшим водоемам.

Много легенд живет среди жителей Центральной Азии.

Особенно интересна легенда об удивительном городе Хара-Хото, стоявшем некогда в низовьях реки Эдзин-Гола. Рассказывали, что очень давно, многие сотни лет назад, этот город был полон жизни. По улицам его сновал народ, через городские ворота входили и выходили торговые караваны и отряды воинов. Теперь город мертв и полузасыпан песком.

Многие путешественники стремились проверить, правду ли рассказывает легенда. Но никому не удавалось найти этот древний сказочный город.

Мечтал об этом и знаменитый исследователь Центральной Азии, любимый ученик Пржевальского, Петр Кузьмич Козлов.

В 1907 году Козлов отправился в путешествие по Монголии. Во что бы то ни стало решил он разыскать таинственный город, узнать его историю, выяснить, почему жители покинули его.

Многие километры трудного и опасного пути по пескам Центральной Азии — и наконец путешественники достигли реки Эдзин-Гола.

Карта Центральной Азии.

Эта река течет среди песков Гоби, величайшей из полупустынь мира. Начало свое она берет далеко на юге, в горах Нань-Шань, и затем, по словам П. К. Козлова, стремительно несется к северу, борясь с горячим дыханием пустыни почти на протяжении 500 верст, прежде нежели окончательно погибнет, разбившись на многочисленные рукава… Главнейшими рукавами

Эдзин-Гола являются: многоводный Морин-Гол, впадающий в Гашиуннор, и весьма бедный водой Ихе-Гол, в свою очередь делящийся еще на несколько рукавов, самый восточный из которых Мунунгин-Гол, и заканчивающийся в Согоноре.

Где-то здесь, в низовьях Эдзин-Гола, должен был находиться замечательный древний город.

«Сколько мечталось о Хара-Хото и его таинственных недрах! — писал впоследствии Козлов. — Теперь… мы были совсем недалеко от нашей цели».

Вот высохшее русло какой-то реки, «с валявшимися по нему сухими, обточенными песком и ветром стволами деревьев, нередко засыпанными тем же песком». По словам Козлова, точь-в-точь такие деревья он «наблюдал в окрестности Лобнора при пересечении старинного мертвого русла Конче-Дарьи». Взволнованные путешественники двинулись вдоль этого сухого русла. Неужели легенда рассказывает правду! Неужели им посчастливится увидеть загадочный город!

Вскоре вдали показалась стена. Путешественники подошли ближе. Большие ворота как бы приглашали войти. С трепетом Козлов и его спутники проникли за таинственную стену.

Вдали показалась высокая мрачная стена.

Печальная картина открылась перед ними. Кругом были одни развалины. Посередине проходила прямая улица. Когда-то, наверно, это была главная улица города. От нее направо и налево шли узкие переулки. Вдоль них стояли глинобитные домики, доверху засыпанные песком, остатки некогда величественных храмов, полуразрушенные мечети.

На северо-западе виднелись развалины большой постройки. Козлов осмотрел ее. Очевидно, когда-то это был дворец властителя Хара-Хото.

В восточной части стены находились вторые ворота. Значит, в город можно было войти с двух сторон: с запада, как это сделал Козлов, и с востока.

Когда же возник Хара-Хото? Какой народ его населял? Почему люди покинули стены города?

Все это очень интересовало Козлова. Но кто мог рассказать историю Хара-Хото? Ведь жители покинули его много сотен лет назад. Может быть, сохранились какие-нибудь памятники, по которым удастся узнать о прошлом города?

Путешественники с увлечением занялись археологическими раскопками. «Все наши исследования, все наши раскопки в Хара-Хото велись с особенной тщательностью, с особой любовью. Каждый новый предмет, найденный в недрах земли или на ее поверхности, вызывал всеобщую радость», — вспоминал потом Козлов.

Чего только не попадалось путешественникам! Тут были и обломки фарфоровой посуды, и монеты, и бумажные деньги, и фигурки, изображающие богов. И самое ценное — они нашли рукописи и книги со старокитайскими и мусульманскими письменами.

Находок было так много, что удалось не только раскрыть тайну Хара-Хото, но и выяснить много других вопросов, очень важных для ученых-историков.

Вот что узнал Козлов о возникновении и гибели древнего города.

Хара-Хото был построен очень давно. Он принадлежал тангутскому государству Си-Ся и назывался тогда не Хара-Хото, а Идзин-Ай.

В те времена Идзин-Ай был довольно крупным торговым центром.

В начале XIII века город, как и все тангутское государство, оказался во власти монгольского завоевателя Чингисхана. Монголы использовали Идзин-Ай как крепость, откуда они могли производить набеги на китайские владения. Но город все же оставался важным торговым пунктом. Наконец во второй половине XIV столетия войска китайского императора после ожесточенных боев захватили Хара-Хото и все нижнее течение Эдзин-Гола. Город был сильно разрушен. Вскоре он окончательно пришел в полное запустение.

В одной из легенд местные жители так рассказывают о последних днях Хара-Хото.

Хара-Цзянь-Цзюнь, последний властитель города и его окрестностей, решил захватить китайский престол. Его войско слыло непобедимым, и китайское правительство вынуждено было направить против него большой военный отряд.

К востоку от Хара-Хото произошло несколько боев. Но все они приносили Хара-Цзянь-Цзюню лишь поражения. В конце

концов он вынужден был отступить и укрыться в стенах своего города. Императорские войска осадили Хара-Хото. Они несколько раз пытались взять город приступом, но безуспешно.

Императорские войска осадили Хара Хото.

Когда стало ясно, что приступом города не возьмешь, китайские войска прибегли к хитрости. Они решили взять Хара-Хото измором, лишив его воды. Для этого реку Эдзин-Гол, омывающую город с двух сторон, запрудили мешками, наполненными песком.

Китайцы прибегли к хитрости и запрудили реку мешками с песком.

Это было страшным ударом для жителей Хара-Хото. Они попытались добыть воду из земли, и для этого стали рыть колодец в северо-западном углу города. Но даже на глубине примерно 80 чжан[10] воды не было. Тогда Хара-Цзянь-Цзюнь решил дать противнику последний бой. «Но на случай неудачи, — как записал дальше Козлов, — он уже заранее использовал

выкопанный колодец, скрыв в нем все свои богатства, которых было не менее восьмидесяти арб или телег, по 20–30 пудов в каждой, — это одного серебра, не считая других ценностей, а потом умертвил двух своих жен, а также сына и дочь, дабы неприятель не надругался… Сделав означенные приготовления, он приказал пробить брешь в северной стене, вблизи того места, где скрыл свои богатства. Через образовавшийся пролом, возглавив войска, он устремился на неприятеля.

В этой решительной схватке Хара-Цзянь-Цзюнь погиб, погибло и его, до того времени считавшееся непобедимым, войско. Взятый город императорские войска разорили дотла, но скрытых богатств не нашли».

Ходят слухи, что спрятанные Хара-Цзянь-Цзюнем сокровища и по сей день лежат нетронутыми, хотя многие пытались овладеть ими. Окрестные жители убеждены, что могучий властитель Хара-Хото заколдовал свои богатства. Чем же иначе объяснить, говорят они, что однажды во время поисков вместо долгожданных сокровищ нашли двух больших змей: одну с красной, другую с зеленой чешуей? Суеверные местные жители решили, что Хара-Цзянь-Цзюнь оставил змей охранять свои богатства и что на самом деле это не змеи, а духи.

Так гласит предание. Что в нем правда и что вымысел, сказать трудно. Но совершенно очевидно одно. Некогда река Эдзин-Гол протекала не за десятки километров от Хара-Хото, как сейчас, а совсем близко от города, омывая его с двух сторон своими рукавами. Воды Эдзин-Гола жители использовали для бытовых нужд и для орошения полей. Севернее города рукава реки снова соединялись, и Эдзин-Гол еще долго текла на север, пока наконец не терялась в песках.

Эдзин-Гол была типичная река пустыни, непостоянная, часто меняющая свое русло. Таких рек много в Средней и Центральной Азии. Она ничем не отличалась по своему характеру от Конче-Дарьи и Аму-Дарьи. Недаром Козлов вспомнил Конче-Дарью, когда подходил к Хара-Хото и увидел высохшее русло Эдзин-Гола.

Река Эдзин-Гол долго давала жизнь городу. Но наступило какое-то изменение, и воды реки повернули в сторону, образовав два озера: Согонор и Гашиуннор.

Кто знает, что послужило главной причиной запустения Хара-Хото, некогда большого, многолюдного города. Быть может, действительно китайские войска, решив взять крепость измором, запрудили русло Эдзин-Гола и этим придали реке другое направление.

А может быть, река Эдзин-Гол сама уже была подготовлена к тому, чтобы изменить русло. И возможно, если бы не это

печальное обстоятельство, в городе Хара-Хото и до сих пор жизнь била бы ключом.

Загадки великих африканских рек

Нил и Конго — величайшие реки Африки. Однако вплоть до XIX века европейцы мало знали о них.

О Конго вообще бродили самые туманные слухи, пока португальцы не отправились искать морем путь в Индию. Проплывая вдоль западного берега Африки, они увидели устье какой-то большой неизвестной реки.

Так впервые европейцы узнали о Конго и начали наносить на карту ее низовья. Но откуда Конго берет начало, никто не мог сказать. Поэтому картографы изображали реку, как им заблагорассудится, ссылаясь на самые разнообразные и неточные сведения.

О Ниле знали с более давних времен. Его устье и долину описывали еще древние египтяне. Но об истоках Нила тоже долго ничего не было известно. Они уходили так далеко на юг, в тропические леса, что ни один самый смелый путешественник не отваживался туда проникнуть.

Египтяне обожествляли Нил. Их жизнь во многом зависела от этой могучей реки. Разливаясь два раза в год, воды Нила питали поля египтян, а ил, остававшийся на почве после разлива, был превосходным удобрением. Египтяне глубоко чтили священный Нил, старались умилостивить его различными

жертвоприношениями.

Но и они не знали, откуда течет Нил и почему он разливается.

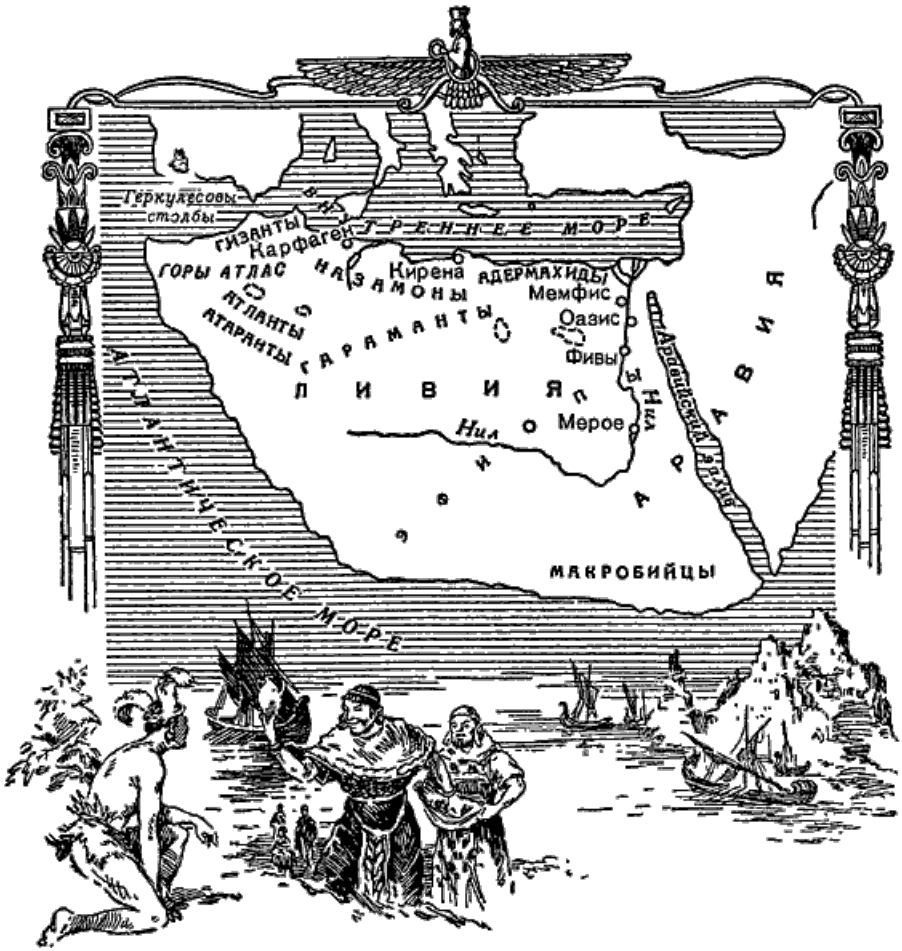
В одной из старинных легенд рассказывается, что Нилу дали жизнь слезы бессмертной богини Изиды. Много дней безутешно рыдала она над телом своего мужа Озириса, погибшего от руки братоубийцы. И из ее горьких слез образовалась большая река — священный Нил.

В одной из легенд говорится, что Нилу дали жизнь слезы богини Изиды.

На географических картах Нил каждый раз изображался иначе.

Греческий ученый Геродот, живший в V веке до нашей эры, поднимался по Нилу до его первого порога. Он составил карту,

где изобразил истоки этой могучей реки на западе Африки, у самых берегов Атлантического океана. На карте Геродота от истоков Нил тек прямо на восток, а потом круто поворачивал на север и впадал в Средиземное море.

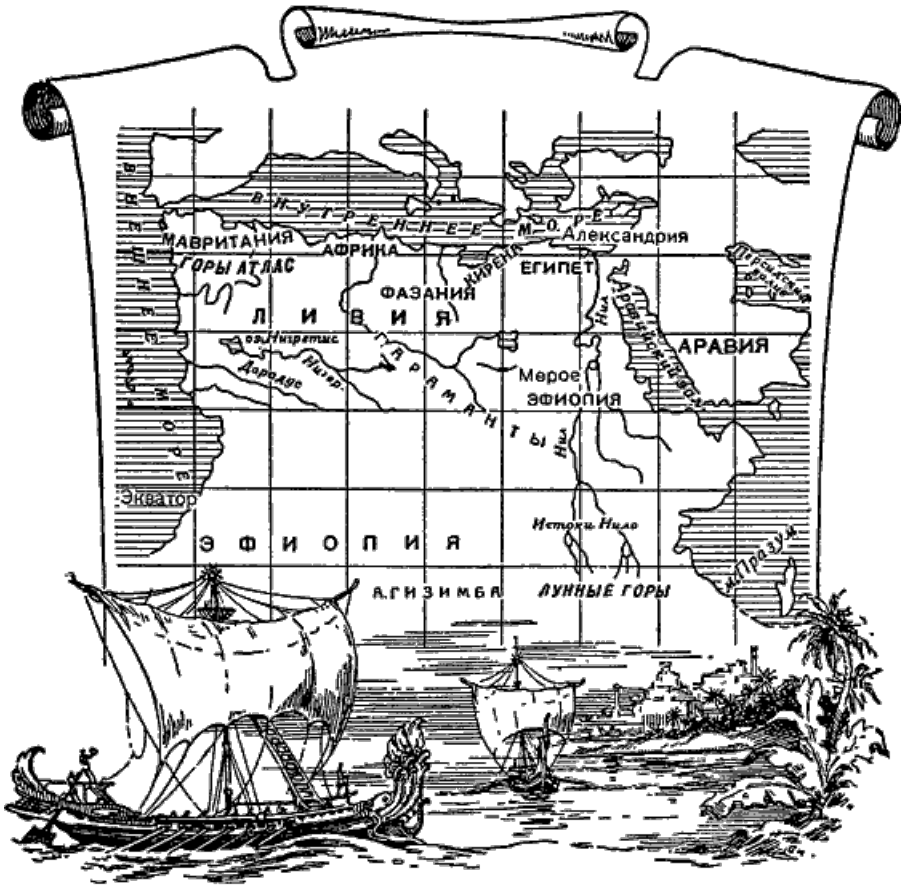


Карта Африки по Геродоту.

Спустя 300 лет другой знаменитый ученый древности, Птолемей, изобразил на своей карте истоки Нила гораздо восточнее. Во времена Птолемея уже знали, что с востока в Нил впадает крупный приток, берущий начало в Эфиопии. Назывался этот приток Голубой Нил. Знали тогда и о другом, тоже восточном, притоке Нила — реке Собат. Впервые о ней упоминал римский ученый Страбон, живший значительно раньше Птолемея. Но об истоках Нила никто еще не имел ясного представления.

Птолемей рассказывал, что Нил берет начало в озере,

расположенном где-то в Лунных горах, потом двадцать пять дней течет под землей и вновь появляется на свет около самого Египта. Лунными горами Птолемей, очевидно, называл горы Рувенцори, расположенные в центре Африки.



Африка по Птолемею.

Долгое время все пользовались картой Птолемея.

В середине I века нашей эры римский император Нерон снарядил экспедицию для исследования верховьев Нила. Путешественникам удалось подняться вверх по Нилу до того места, где в него впадает с запада крупный приток Бахр-эль-Газаль. Больше ничего нового экспедиция не принесла.

Римский император Нерон отправил экспедицию для исследования верховьев Нила.

Приходилось по-прежнему пользоваться картой Птолемея.

Так было до тех пор, пока на восточное побережье Африки не пришли арабы. Известный арабский географ Идриси составил новую карту. На ней изображались два Нила, которые брали начало в озерах, лежащих к северу от Лунных гор.

Один из них, Нил Египетский, направлялся к Средиземному морю. Другой, под названием Негрский Нил, вытекал из озер у самого экватора и вливался в Темное море — так Идриси называл Атлантический океан.

Карта арабского географа создавалась в 1154 году. Конечно, ему удалось собрать более точные сведения, чем Геродоту и Птолемею. Но откуда взялся второй, Негрский, Нил? Ведь никто до тех пор не упоминал о нем.

Может быть, Идриси объединил Конго и Нигер? Отдаленные слухи об этих реках могли дойти до арабских путешественников. Но об этом существуют только догадки.

После того как португальцы обнаружили устье Конго, на карты Африки стали наносить уже две крупные реки. Но изображали их совершенно произвольно.

В 1670 году появилась географическая карта, составленная англичанином Дэппером. На ней Африка приобрела уже более или менее четкие очертания. Но внутренние районы этой огромной части света были изображены еще очень неточно — о них Дэппер имел самое смутное представление. Да и откуда ему было знать о них — ведь никто из европейцев не проник в глубь так называемого Черного материка.

Вместо Лунных гор Птолемея и трех озер Идриси на карте

Дэппера было изображено одно большое озеро Зайре. Из него к востоку вытекал Нил, принимавший вскоре несколько притоков.

Из этого же озера вытекала и река Конго. Она направлялась на запад и была очень коротка.

Неподалеку от озера брала начало третья крупная река. Она текла на север, а потом круто поворачивала на запад. Примерно до половины эта река называлась Нигер, а потом именовалась Сенегалом. Под таким именем она и впадала в Атлантический океан.

Карта Африки по Дэпперу.

Потребовалось еще два столетия, чтобы как следует разобраться во всем хитросплетении истоков и течений великих африканских рек.

Только в XIX веке путешественники серьезно занялись исследованием Центральной Африки. А до тех пор картографы

изображали истоки Нила и Конго по собственному разумению.

Обычно путешественники в поисках верховьев Нила и Конго двигались от устья вверх по течению этих рек. Однако таким образом добраться до истоков никому не удавалось.

Путешествию вверх по Конго мешали тяжелый зной, сырость, непроходимые чащи тропических лесов, враждебно настроенное местное население.

А двигаясь вверх по Нилу, путешественники часто ошибались и поворачивали на восток, в Голубой Нил, или на запад, в Бахр-эль-Газаль, принимая эти крупные притоки за основное течение Нила.

Поэтому истоками Нила считали то Голубой Нил, берущий начало в Эфиопии из озера Тана, то истоки Бахр-эль-Газаля.

Первыми, кому удалось проникнуть далеко в глубь Африки, были священники-миссионеры. Обычно под видом проповеди христианства эти люди стремились завоевать доверие местных племен и укрепить над ними власть «белых» — европейцев.

Первыми проникли в глубь Африки священники-миссионеры.

Миссионеры рассказывали, что далеко в центре Африки есть много больших озер.

Одно из них, огромное озеро Танганьика (Уджиджи), расположено недалеко от высоких горных вершин, покрытых вечными снегами. Очевидно, миссионеры имели в виду Килиманджаро и Кению, высочайшие горы Африки, и думали, что где-нибудь в горах и скрываются истоки Нила.

Рассказы миссионеров требовали проверки.

И вот в 1857 году английские путешественники Бертон и Спик отправились на поиски озер.

Имена Спика и Бертона были хорошо известны в Европе. Спик занимался исследованием Гималаев и Тибета, а Бертон долго прожил в Аравии и хорошо изучил нравы и обычаи жителей этой страны.

Желание проникнуть в глубь неисследованной Африки объединило обоих путешественников, несмотря на несхожесть их характеров.

Бертон был необуздан и резок с людьми, что всегда мешало ему во время путешествий. Спик — более спокойный и выдержанный.

Экспедиция высадилась на восточном берегу Африки, недалеко от Занзибара, и двинулась на запад, в глубь материка.

Бертон и Спик высадились на берег Африки у Занзибара.

Путешествие было мучительным. Местные племена не хотели пропускать европейцев через свои земли. Путники все время опасались нападения туземцев. Постоянно приходилось подносить подарки вождям местных племен.

Оба путешественника и все их спутники страдали от лихорадки.

После долгого и утомительного перехода экспедиция наконец

добралась до арабского поселения Уджиджи, раскинувшегося на северном берегу озера Танганьика.

После утомительного перехода путешественники вышли на северный берег озера Танганьика.

Местные жители — арабы — хорошо встретили путешественников. Бертон и Спик сильно ослабели от лихорадки. К тому же у обоих началась болезнь глаз, и Спик почти совсем ослеп.

Около месяца путешественники пробыли в Уджиджи. Несколько оправившись, Спик не раз плавал по Танганьике. Ему очень хотелось узнать, не отсюда ли берет начало Нил. Но без большого судна сделать это оказалось невозможным.

Запасы продовольствия кончались, силы людей были истощены. Спик и Бертон поняли, что надо поворачивать обратно. По пути назад Спик решил проверить рассказы местных жителей о существовании где-то севернее другого большого озера — Укереве. Бертон был очень болен и не мог сопровождать своего спутника. С небольшим отрядом арабов Спик двинулся на север.

Спику повезло. Он оказался первым европейцем, увидевшим необозримую гладь одного из величайших озер Африки, по своей величине равного морю. Путешественник назвал его озером Виктория в честь английской королевы.

Спику не удалось исследовать берега Виктории. Он составил карту только небольшой южной части озера. Однако Спик высказал предположение, что величайшая река Африки, Нил, берет начало именно из озера Виктория.

В Европу Спик возвратился раньше Бертона и уверенно заявил, что нашел истоки Нила. Но доказательств он привести не мог, и ему не очень-то поверили.

Поэтому, когда зашла речь о снаряжении новой экспедиции в центр Африки, Спик вызвался возглавлять ее.

В 1860 году Спик вместе со своим старым другом, тоже путешественником, Грантом отправился к восточному побережью Африки. Он решил повторить маршрут своей предыдущей экспедиции и двинулся к южной оконечности озера Виктория.

В составе новой экспедиции было много носильщиков. По дороге к озеру несколько человек сбежали. Когда Спик и Грант стали узнавать, в чем дело, оказалось, что «белых» приняли за людоедов. Носильщики решили, что их специально ведут в лесные дебри, чтобы там насладиться человечьим мясом. С большим трудом руководителям экспедиции удалось восстановить порядок.

Наконец путешественники добрались до озера Виктория и двинулись вдоль его западных берегов. Они прошли много километров трудного пути. Грант тяжело заболел, и друзья вынуждены были на некоторое время расстаться. Спик продолжал путешествие один. Вскоре судьба вознаградила его за упорство. Подойдя к северной оконечности озера, Спик увидел удивительное, незабываемое зрелище. Виктория с высоты 4 метров огромным водопадом низвергала воды в русло большой реки.

Озеро Виктория низвергалось грохочущим водопадом.

Исследователь больше не сомневался. Теперь он был окончательно уверен, что река, водопадом вытекающая из озера Виктория, и есть знаменитый Нил. Спик дошел до первых порогов Нила. Вернувшись, он встретился с Грантом. Путешественники решили тщательно исследовать реку, спустившись на лодках вниз по ее течению.

Пройдя несколько километров на запад от озера Виктория и затем на север, Спик и Грант вышли к Нилу. Здесь они пересели в

лодки.

В 1863 году, через три года после начала своего путешествия, Спик и Грант добрались до Гондокоро. Это был крайний пункт на Ниле, до которого удавалось доплывать путешественникам, двигавшимся по Нилу с его низовий.

Здесь вконец измученных путешественников ждала неожиданная радость: встреча с их старым другом, англичанином Бэкером.

Здесь состоялась встреча со старым другом Бэкером.

Оказывается, он организовал экспедицию и шел навстречу Спику и Гранту вверх по течению реки.

Теперь уже не было никаких сомнений: истоки Нила наконец-то удалось обнаружить.

Однако оставалось еще много неясного. Озеро Виктория по-прежнему не было основательно исследовано. Спик и Грант начали плавание по Нилу не с самых его истоков, а значительно ниже. Поэтому они не могли точно рассказать обо всех изгибах и поворотах реки. Кроме того, Спик слышал от местных жителей еще о каком-то озере, лежащем к западу от Виктории. Говорили, что оно имеет отношение к Нилу. Но отыскать это озеро ни Спику, ни Гранту не пришлось.

Путешественники рассказали Бэкеру о всех своих удачах и неудачах. Открытия Спика и Гранта взволновали Бэкера. Он загорелся желанием во что бы то ни стало продолжить исследование истоков Нила. Спик с радостью предоставил ему только что составленную карту верховьев Нила и отдал половину своих лодок.

Затем друзья расстались. Спик и Грант поплыли дальше на север, в Египет, чтобы вернуться на родину, в Англию, а Бэкер двинулся к верховьям Нила. Он мечтал довести до конца исследования Спика и Гранта и отыскать озеро, о котором слышал Спик.

Путешествие Бэкера оказалось нелегким. До сих пор он не бывал в Африке и поэтому многое было для него неожиданным. Бэкер думал, что это будет обычный туристический поход, и даже взял с собой свою жену. Однако вскоре ему пришлось убедиться, что дело обстоит иначе.

Продвигаться по Нилу было очень трудно. Работорговцы-арабы рассматривали каждого путешественника как возможного конкурента в их отвратительном промысле. Опасаясь за свои барыши, они всячески мешали Бэкеру продолжать путешествие. В конце концов пришлось покинуть реку и двигаться дальше по берегу на вьючных животных. Нанятые проводники заявили, что они не желают идти на юг и согласны ехать только на восток. Пришлось на время оставить мысль об исследовании истоков Нила и двинуться к востоку в поисках озера.

Начались утомительные дни путешествия по суше. Бэкер и его жена жестоко страдали от лихорадки. В довершение всего начался сезон дождей. Все вьючные животные погибли. Достать новых оказалось очень трудно. На проводников положиться было нельзя — они постоянно сбегали, оставляя Бэкера без всякой помощи.

После долгих странствий совершенно обессиленные путешественники наконец добрались до озера.

«18 марта 1864 года около полудня нашим глазам представился наконец предмет наших вожделений, озеро, — так записал Бэкер в путевом дневнике. — На юго-запад и запад, покуда хватал глаз, бесконечная пелена его вод расстилалась перед нами, как зеркало; на северо-западе его окаймляла высокая горная цепь… Я назвал озеро, открытое нами и являющееся вторым источником Нила, Альберта-Ньянца».

Бэкеру не удалось объехать все озеро, которое ныне называется озеро Альберт. Он познакомился только с его восточным берегом. Здесь путешественник с восхищением наблюдал гигантский водопад, названный им водопадом Мерчисона.

С высоты около 40 метров низвергались могучие потоки воды, разнося далеко по окрестностям оглушительный шум.

И еще одно важное открытие сделал Бэкер. Он нашел место, где в озеро Альберт впадала какая-то река. Путешественник установил, что это тот самый вытекающий из озера Виктория отрезок Нила, который не смогли в свое время исследовать Спик и Грант.

На этом путешествие Бэкера закончилось.

Таким образом, тайна истоков Нила постепенно приоткрывалась. Теперь стало известно, что жизнь Нилу дают озера Виктория и Альберт.

Но все же многое оставалось невыясненным. Полную картину расположения истоков Нила можно было воссоздать, только хорошо изучив всю Центральную Африку. А для этого потребовалось еще немало времени, сил, здоровья и энергии отважных путешественников.

После Бэкера исследованием истоков Нила занялся знаменитый английский путешественник Давид Ливингстон. Он был священником-миссионером и всю свою богатую приключениями жизнь провел в путешествиях по Африке. Ливингстон любил эту дикую, экзотическую страну. Честный, мягкий и прямодушный человек, Ливингстон хорошо умел ладить с местными племенами, которые доверяли ему, а некоторые даже кочевали с ним по Африке.

Ливингстон был первым европейцем, прошедшим всю Южную Африку от Индийского океана до Атлантического. Он побывал в таких местах, где еще никогда не ступала нога белого человека. Его исследования принесли огромную пользу науке.

Тайна истоков великих африканских рек очень интересовала Ливингстона. Однако он смог заняться этим только спустя 25 лет

после первого посещения Африки, когда стал уже опытным и всеми почитаемым исследователем.

В 1866 году Ливингстон двинулся из Занзибара на запад. Он собирался изучить район озер Ньяса и Танганьика и окончательно разрешить вопрос об истоках Нила и Конго.

Обогнув с юга озеро Ньяса, открытое им еще в 1858 году, Ливингстон продолжал свой путь дальше, на север, к Танганьике. Путешествие было нелегким. Приходилось идти по совершенно неизведанным местам. Здоровье Ливингстона к тому времени было уже сильно подорвано. К тому же он страдал от лихорадки. Порой его приходилось нести на носилках. Но он упрямо продолжал двигаться вперед.

Больного Ливингстона приходилось нести на носилках.

Подойдя к южной оконечности озера Танганьика,

путешественник сделал небольшую передышку. Затем он снова двинулся в путь, уже на запад, и вскоре достиг какого-то неизвестного ему озера. Местные жители называли это озеро Мверу.

Пять с половиной лет провел Ливингстон в этих краях. Несмотря на слабое здоровье, он продолжал непрерывно странствовать. Путешественник тщательно исследовал окрестности Мверу и западный берег Танганьики, открыл еще одно озеро, расположенное несколько южнее, — Бангвеоло.

Оказалось, что озера Мверу и Бангвеоло соединяются между собой рекой Луапулой. При этом Луапула, впадая в озеро Мверу с юга, вытекает из него к северу и называется уже Луалабой.

Сначала Ливингстон предполагал, что Луалаба — это один из истоков Нила, а озеро Танганьика, сильно вытянутое в длину, не что иное, как разлившийся Нил.

Однако, изучая окрестности Танганьики и Луалабы, Ливингстон постепенно изменил свои предположения. Он все больше начал склоняться к мысли, что Луалаба — это приток другой великой реки, Конго.

Чтобы проверить свои соображения, Ливингстон решил отправиться вниз по Луалабе до самого устья.

Немного отдохнув и подлечившись в арабском селении Уджиджи, на берегу Танганьики, путешественник снова двинулся в путь. Но на этот раз ему не повезло. Он уже достиг Луалабы, когда сопровождавшие его люди отказались следовать дальше. Пришлось ни с чем вернуться в Уджиджи.

В дневнике, который он регулярно вел, Ливингстон в это время писал:

«Что касается истоков Нила, то я нахожусь в состоянии вечных сомнений и неизвестности. Я слишком много узнал, чтобы утверждать что-либо определенное. Большая Луалаба… может оказаться и Конго и Нилом, а в конце концов и более короткой рекой. Текущие в северном и южном направлениях источники склоняют меня в пользу предположения, что большая Луалаба — это исток Нила, однако же большое отклонение на запад говорит в пользу Конго».

Здоровье Ливингстона все ухудшалось. Материально тоже приходилось туго, так как связь с Европой давно порвалась. Путешественник целые дни проводил в постели. Каждую минуту хорошего самочувствия он старался использовать, чтобы привести в порядок записи своих наблюдений и отчеты. Настроение портилось.

Но Ливингстон был слишком популярен в Европе, чтобы долгое отсутствие вестей о нем не встревожило общественность.

Однажды он лежал в своей хижине в Уджиджи, когда к нему вбежал его слуга и, как записал Ливингстон в своем дневнике, закричал, задыхаясь: «Англичанин! Я видел его!» — и бросился его встречать. Американский флаг во главе каравана указывал национальность незнакомца. Тюки с товарами, луженые ванны, громадные котлы, горшки, палатки и прочее заставили меня подумать: «Этот путешественник не попадет в такое положение, как я».

Это оказался американский журналист Стэнли, посланный на розыски Ливингстона.

Он рассказал, что в Европе распространились слухи о гибели отважного путешественника. Это вызвало беспокойство в географических кругах. Была снаряжена экспедиция для поисков Ливингстона. Ее отряд дошел до озера Ньяса и там узнал, что слухи о смерти Ливингстона ложны. Экспедиция не стала его разыскивать и сообщила в Англию, что знаменитый путешественник жив.

Однако через некоторое время снова стали поговаривать, что Ливингстон погиб. По настоянию Английского Географического общества правительство Англии снарядило новую экспедицию. Но пока руководители этой экспедиции медлили с ее отправлением, в Богамойо прибыл Стэнли.

Генри Мортон Стэнли был корреспондентом американской газеты «Нью-Йорк Геральд». Ее владелец, типичный американский делец, быстро сообразил, что, отправив опытного корреспондента на поиски Ливингстона, можно создать хорошую рекламу своей газете.

Для этого он выбрал Стэнли, способного и деятельного репортера, уже немало путешествовавшего по заданиям «Нью-Йорк Геральд». Ему была дана инструкция идти в глубь Африки и найти Ливингстона.

«Выжмите из него все новости, какие сможете, относительно его открытий. Если он умер, соберите доказательства его смерти», — такой приказ получил Стэнли от своего начальника.

Стэнли мог расходовать столько денег, сколько ему было нужно. Энергичный и предприимчивый, он быстро снарядил небольшой отряд и в марте 1871 года двинулся к озеру Танганьика. Уже по дороге Стэнли узнал, что Ливингстон жив и находится в Уджиджи. Там он его и нашел, больного и очень нуждавшегося в материальной помощи.

Ливингстон приободрился, получив неожиданную поддержку. Он отказался ехать в Европу и загорелся страстным желанием продолжить свои исследования. Стэнли обещал помощь.

Трудно себе представить двух более различных по характеру

людей, чем Ливингстон и Стэнли. Благородный и великодушный Ливингстон, бескорыстный и гуманный в отношениях с местным населением, и холодный, расчетливый авантюрист Стэнли, не считавший африканцев за людей. Но в то же время Стэнли был смелым и бесстрашным путешественником, упорным в достижении своей цели. И это сближало с ним Ливингстона.

После небольшой передышки оба путешественника отправились на лодке по озеру Танганьика. Несмотря на нездоровье, Ливингстону не терпелось закончить исследование озера. Решили выяснить, что за река находится на севере озера Танганьика и имеет ли она отношение к Нилу.

Как оказалось, это была совсем маленькая речка. К системе Нила она не принадлежала.

Теперь Ливингстон мог с полной уверенностью сказать, что озеро Танганьика не питает Нил своими водами. Значит, оно не относится к системе нильских озер.

Вскоре после этого путешественники расстались. Стэнли нужно было возвращаться в Европу, а Ливингстон думал продолжить исследование истоков Нила и Конго.

Но, к сожалению, Ливингстон уже больше ничего не смог сделать. Болезнь, мучившая его последнее время, обострилась до крайности. В 1873 году он скончался, так и не осуществив заветной мечты — найти истоки великих африканских рек.

Исследования, успешно начатые Ливингстоном, завершил Стэнли.

В 1874 году он снова приехал в Богамойо, где сразу приступил к снаряжению экспедиции. Надо было хорошо подготовиться, потому что Стэнли задумал развернуть грандиозные исследования.

Наконец многолюдная экспедиция, в составе 356 человек, двинулась в путь. Она шла к озеру Виктория. Стэнли собирался основательно исследовать это озеро и уяснить, где же в конце концов находятся истоки Нила.

Наконец многолюдная экспедиция двинулась в путь.

Экспедиция Стэнли, очень хорошо оборудованная, имела в своем распоряжении небольшой катер «Леди Элис». На нем путешественник хотел объехать все озеро.

После Спика Стэнли был первым европейцем, ступившим на берег Виктории. «Мы совершили плавание по всем водам этого озера, — писал впоследствии Стэнли, — проникли в каждый залив, заводь и речку… мы прошли сотни миль в обоих направлениях по северному берегу этого моря Виктория и вдобавок к этому при поддержке сильного отряда исследовали странные области, лежащие между озерами Мута-Нциге и Виктория… Покончив дальнейшие поиски в этом направлении, мы вернулись… и отправились на юг… к Александра-Нилу, являющемуся главным притоком озера Виктория… Мы терпеливо осмотрели более половины течения реки и потом… вынуждены были 7 апреля распрощаться с питающими Нил землями и направиться в сторону Танганьики».

Этого путешествия оказалось достаточно, чтобы раскрыть последние неясности, связанные с истоками Нила.

Стэнли установил, что в озеро Виктория впадает множество маленьких речек и одна большая река, названная им Александра-Нил. Эта река и была самым первым истоком Нила. Теперь она называется по-местному Кагера. Кроме того, Стэнли обнаружил новое озеро Мута-Нциге, известное теперь под именем озера Эдуард. Оно лежало западнее Виктории и южнее озера Альберт.

Как выяснилось, Мута-Нциге соединяется рекой с озером Альберт и таким образом входит в систему нильских озер.

Теперь картина истоков Нила стала совершенно ясной.

Началом начал Нила служит река Кагера, или Александра-Нил. Она впадает в озеро Виктория. На северо-востоке от устья Кагеры Нил покидает воды Виктории и течет снова самостоятельной рекой под именем Кивира. Спик и Бертон называли Кивиру Сомерсет-Нил, а Стэнли — Виктория-Нил.

Вскоре Кивира разливается в озеро Кього. Отсюда река снова вытекает уже на запад, минуя огромные водопады Мерчисона, открытые Бэкером. Дальше Кивира впадает в озеро Альберт. Теперь надо искать реку, вытекающую из этого озера. Вот Семлики, но она тоже впадает в озеро Альберт, только с юга, а ее верховья уходят в озеро Эдуард, открытое Стэнли. Значит, продолжением Кивиры служит река Бахр-эль-Джебель, что означает «река гор». Она вытекает из озера Альберт недалеко от устья Кивиры и несет свои воды на восток. Чем ниже по течению, тем шире становится Бахр-эль-Джебель. Вскоре с запада в нее вливается приток Бахр-эль-Газаль. Немного погодя с востока в Бахр-эль-Джебель впадает Собат. Здесь река поворачивает к северу и называется уже Бахр-эль-Абьяд, или Белый Нил.

Около Хартума, главного города Судана, Белый Нил принимает с востока воды последнего своего крупного притока — Бахр-эль-Азрака. Это Голубой Нил, как его иначе называют, и берет он начало в озере Тана. Дальше река уже под именем Нил течет до Средиземного моря по местам, хорошо известным еще с древних времен.

Итак, экспедиция Стэнли принесла долгожданные результаты. Истоки Нила наконец были найдены и нанесены на карту.

Между тем Стэнли, передохнув около года и подкрепив свои силы, снова двинулся в дебри Центральной Африки. Некоторое время путешественник посвятил исследованию озера Танганьика, а затем он направился к селению Ниангве, расположенному на берегу Луалабы. Отсюда несколько лет назад Ливингстон мечтал начать исследование этой реки.

Стэнли хотел исполнить замыслы погибшего товарища.

Торговцы-арабы, жившие в Ниангве, всячески препятствовали

этому путешествию. Они боялись конкуренции и не пропускали европейцев в глубь Центральной Африки. Стэнли пришлось выслушать ужасные рассказы о предстоящих трудностях. Но его ничто не могло остановить. Более того, Стэнли даже сам уговорил арабов сопровождать его экспедицию, пообещав щедрую награду.

В октябре 1876 года экспедиция в составе четырехсот человек покинула Ниангве и двинулась вдоль берегов Луалабы.

Вскоре путешественники вступили в полосу девственных лесов. Стэнли пришлось признать, что арабы не преувеличивали трудности путешествия.

Живая стена леса поднималась на высоту 40–50 метров. Гигантские деревья достигали в обхвате более 3 метров. Лианы, причудливо переплетаясь между стволами деревьев, образовывали как бы решетчатую завесу. Они оказывались всюду — и у самой земли, и высоко в воздухе, перекидывались с одной ветки на другую, от дерева к дереву. Без топора пройти через эту чащу было невозможно. Люди тратили очень много сил, прорубая себе дорогу. От невероятной влажности воздуха путешественники задыхались. Их одежда постоянно была сыра: солнце не могло пробить густую завесу лиан и других ползучих растений. От неимоверных трудов и лишений люди болели и падали духом. Все больше голосов требовало возвращения в Ниангве. Но Стэнли оставался непреклонным и упорно шел вперед.

Когда стало ясно, что арабы дальше не пойдут, Стэнли отпустил их, а сам с оставшимися спутниками продолжал двигаться дальше уже на лодках. Однако скоро путь преградили пороги. Пришлось снова высаживаться на берег и прорубать себе дорогу топорами.

Вооруженные воинственные племена не раз забрасывали экспедицию отравленными стрелами. Люди гибли. Их оставалось все меньше.

Воинственные племена не раз забрасывали экспедицию отравленными стрелами.

Наконец пороги кончились. Путешественники проплыли мимо широкого плеса. За ним справа в Луалабу вливался какой-то многоводный поток. Стэнли стал допытываться у местных жителей, что это за река. Они произносили слово «Арувими» и добавляли «Конго». Это было неожиданной радостью. Значит, Луалаба и Конго — одно и то же! Значит, путешественники

выйдут к Атлантическому океану!

Стэнли с удвоенным упорством продолжал путь. Вот уже позади остался второй крупный приток Конго — Убанги, и река разбилась на множество рукавов. Потом эти рукава снова собрались воедино, чтобы разлиться в озеро. Его назвали Стэнли-Пул. А затем начался чуть ли не самый трудный участок пути. Река прорывалась через горы и двести с лишним километров стремительно неслась в неширокомскалистом ущелье, где путь преграждали пороги. Опять пришлось оставить лодки и двигаться по гористому, поросшему густым тропическим лесом берегу.

А сил оставалось совсем немного. Продовольствие кончалось, и люди начали голодать. Происходили постоянные стычки с местным населением.

Чтобы не потерять оставшихся в живых людей, Стэнли решил остановиться и разбить лагерь. По его расчетам, до Атлантического океана оставалось совсем недалеко. Там, в устье Конго, в селении Бома, жили европейцы. Они могли оказать помощь. На них была вся надежда.

Стэнли послал туда письмо с надежными людьми. В нем говорилось: «Кому-нибудь в Бома, кто знает по-английски. Я прибыл из Занзибара с 115 людьми. Мы умираем от голода. Туземцы отказываются продавать съестные припасы. Это заставляет меня обратиться к вам, хотя я вас не знаю. Не откажите в моей просьбе: пришлите мне 1000 метров бумажной материи и 20–25 мер зерна. За все издержки будет заплачено. Нужно только, чтобы все пришло в течение двух суток, иначе у меня перемрет много людей».

Помощь Стэнли и его спутники получили очень скоро. Письмо попало в руки англичан. И на 999-й день после выхода экспедиции из Богамойо оставшиеся в живых сто девять человек вышли к устью Конго.

Так завершилось путешествие Стэнли, раскрывшее еще одну тайну Африки. Истоки реки Конго наконец удалось проследить.

Истоки Нила и Конго.

Теперь, сопоставив данные Ливингстона и Стэнли, можно нарисовать картину течения второй знаменитой реки Африки. К югу от озера Танганьика лежат озера Бангвеоло и Мверу, открытые Ливингстоном. Их соединяет река Луапула. Вытекая из озера Мверу, Луапула вскоре сливается с другой рекой — Луалабой, истоки которой лежат недалеко от истоков реки Замбези. От слияния Луапулы и Луалабы и образуется Конго. Сначала Конго течет на север, а затем, незадолго до впадения в нее реки Арувими, постепенно поворачивает на запад. Дальше, все более закругляясь, Конго принимает юго-западное направление. Здесь в нее вливается справа и слева множество

притоков. От Стэнли-Пула начинаются знаменитые водопады, от которых уже совсем недалеко до устья.

Так объединенными усилиями Бертона, Спика, Гранта, Бэкера, Ливингстона и Стэнли была раскрыта загадка истоков двух великих рек Африки — Нила и Конго.

Оглавление

Введение … 3
Остров, поглощенный океаном … 10
Неразгаданная загадка … 24
Земли, открытые за письменным столом … 42
Плавающие острова … 55
Неведомая Южная Земля … 64
Исчезнувший материк … 100
История одного пролива … 128
Остров или полуостров … 145
Куда течет Черное море … 159
Кочующее озеро … 168
Умершая река … 181
Мертвый город у мертвой реки … 189
Загадки великих африканских рек … 197

notes

Примечания

1

В последнее время многие исследователи склоняются к мнению, что плавающие острова — это обломки волнистого припая (прибрежного ледяного покрова) северного побережья Земли Элсмира.

Околополъные — находящиеся около полюса.

3

Трирема — у древних греков и римлян военный корабль с возвышающимися одно над другим сиденьями для гребцов.

Понт (греч.) — море.

5

Стадия — старинная греческая мера длины, равная 180 метрам.

И в нынешнее время многие ученые, опираясь на новейшие научные данные, склоняются к мысли, что истинное местонахождение Атлантиды было в Атлантическом океане, между Америкой и Европой.

7

Лоции — так у моряков называются руководства для плавания в прибрежных водах; в них указывается характер морского дна, местонахождение мелей, часы отливов и приливов, направление течений, очертания берегов, описания гаваней и рейдов.

8

Флюктометр — измеритель скорости течения (от немецкого Flűchte — течение).

9

Плотностные течения — течения, возникающие в результате разности плотностей воды на различных участках мирового океана.

10

Чжан — китайская мера длины, равная 3,5 метра.